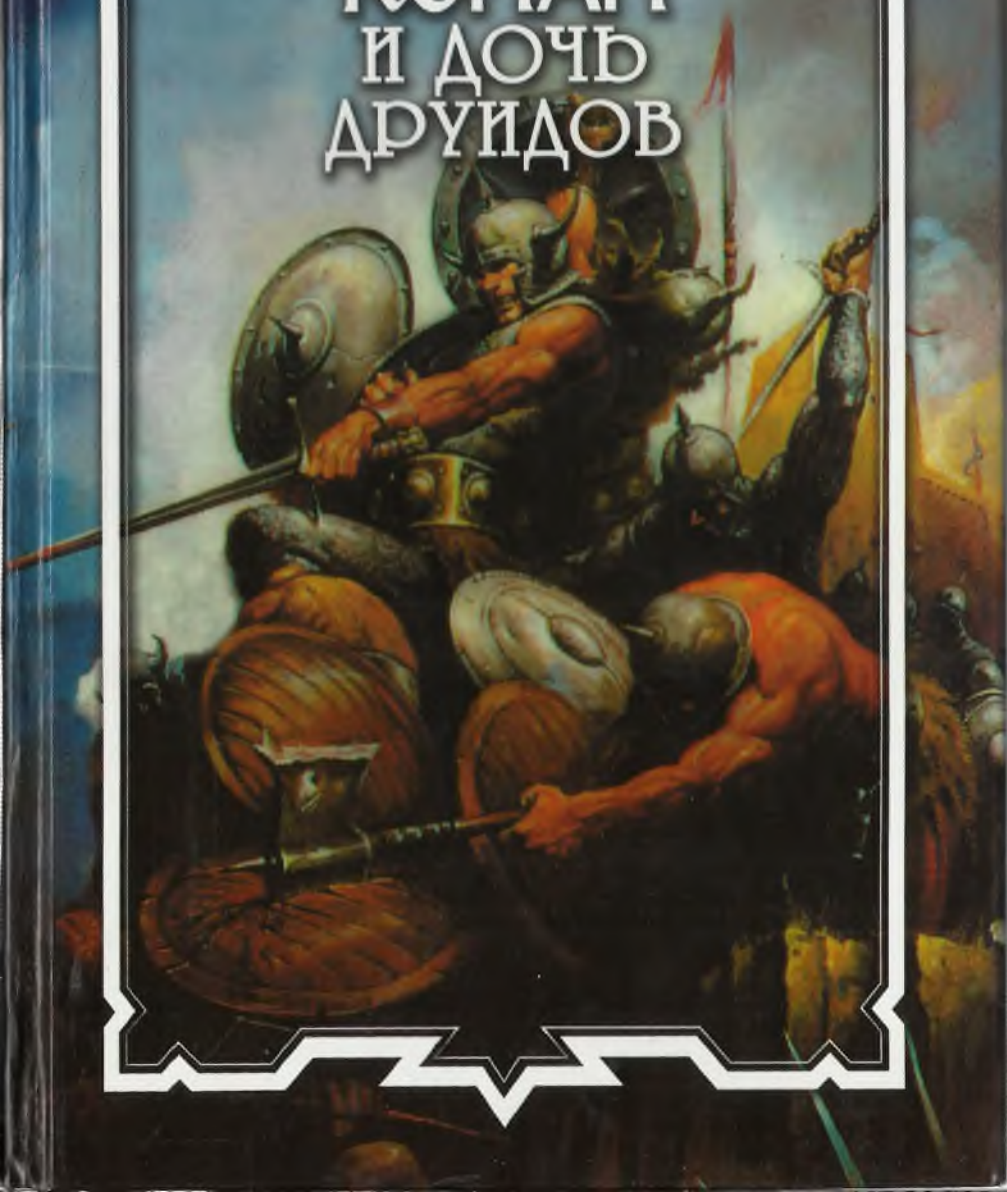

8-е издание

КОНАН

КОНАН И ДОЧЬ ДРУИДОВ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТУХИИ 1	КОНАН И БОИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕР КОЛАДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ГОРОВАТЕН ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕИ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9
КОНАН И КАРУСЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТТЫ 11	КОНАН И ПОРЫЕ КАНИКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАНОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14	КОНАН И ОРЕМ ЖАЛДИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ БОИНЫ 16	КОНАН И ТАЛОСМАН ЛАА 17	КОНАН И БЫР ИГРЛАА 18
КОНАН И ГОРЛА ПАНОЗНЫХ ДУИ 19	КОНАН И КТОРОВ СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАПЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И БОИСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИИ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПАЗ В ВОИ БЕДАНЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЯПИ 28	КОНАН И КОТЫ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И ЗАКОН ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И ПАСЛОВОТЫ ИДОА 32	КОНАН И ПАП ВЕСМЕРТН 33	КОНАН И ДАДНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОПОРИ ГРЕЗАНИ 35	КОНАН И АТАР ПОБЕДИ 36
КОНАН И БУТКА ВЕСМЕРТНЫХ 37	КОНАН И БЕЗВРАТА ПЛОТИ 38	КОНАН И БУТ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКО БЕЗМОАВИЯ 40	КОНАН И КАЛАРИЦА ПЕБЕ 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОАЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЫМЫ 45
КОНАН И ПЛЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ ПОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНО ОГОНИ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕЛЫХ 50	КОНАН И КАРМО БМЕЯ 51	КОНАН И КОЗНИИ ОКЛАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ТЕХ ДАВНИХ СВЕТА 54
КОНАН И СПОЩЕ ЛАО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДРЫАРА 56	КОНАН И СКАП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТЫЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ГОВАТЕН МОАНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И КСАНОК БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСТОАНИА 63
КОНАН И САУА ТУМАНА 64	КОНАН И АНК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И ПАСАДЕН МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКЕТ АРТОСА 68	КОНАН И ДАЛА ПРИАТЬ 69	КОНАН И ТАПЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСАДНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72

Дуглас Брайан

КОНАН И ДОЧЬ ДРУИДОВ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 14.11.06. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 6000 экз. Заказ № 3584.

Брайан, Д.

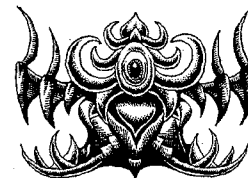
Б87 Конан и дочь друидов : [роман] / Дуглас Брайан. —
М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 414, [2] с. —
(Конан).

ISBN 5-17-039221-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-357-9 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммерец скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Вендии до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невинных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2007
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Глава первая

Таверна «Напиток бессмертия»

Вот он! Проклятье, чего мы ждем? Хватайте его, иначе он опять уйдет! Каким бы беспечным и пьяным ни выглядел Туризинд, краем уха он уловил этот шепот. Внешне наемник никак не показал, что слышит угрожающие слова, которые, вне всякого сомнения, имели к нему самое прямое отношение.

Туризинд продолжал тянуть крепкий эль из огромной кружки и, как ни в чем не бывало, поглаживать кругленькое крепкое плечо местной красотки. Разве что движения его рук сделались чуть более рассеянными, а во взгляде появилась сосредоточенность...

Туризинд знал, что за ним давно ведется охота. Догадывался он и о том, что стражники выслаивали его. Это произошло еще несколько дней назад. Когда он проводил ночь в доме Деусдоны,

одной из самых красивых куртизанок Аргоса, — уже тогда следовало внимательнее отнестись к странному ощущению, которое внезапно охватило его посреди ночи. Тогда он проснулся и долго лежал в тишине без сна, прислушиваясь. Он ничего не услышал, и тем не менее чувство, будто за ним наблюдают, не оставило его до самого рассвета, когда пора было одеваться, прощаться с Деусдоной и уходить.

И вот они все-таки добрались до него. Они подошли совсем близко. Они больше не испытывают перед ним страха и готовы наброситься.

Что ж. Кое-кому придется пожалеть о том, что ввязался в это дело.

Туризинд в последний раз провел ладонью по плечу красотки и ласково оттолкнул ее от себя. Она с недоумением посмотрела на него, ее полные губы растянулись в неуверенной улыбке.

— Ты очаровательна, — сказал ей Туризинд вполголоса и кивнул для пущей убедительности, — ты очень мне нравишься... Но сейчас не время. Прошу тебя, держись от меня подальше. И поверь: я просто забочусь о тебе.

Она обиженно надула губы и отошла. Кажется, не поверила. Ни одна из них не верит, и некоторые остаются, а потом бывает слишком поздно.

Туризинд осторожно коснулся ножен, висевших у него на поясе. По правилам, в таверну нельзя входить вооруженным, поэтому все оружие обычно складывают при входе. Там имеется специальная комната с замком, и каждый меч терпе-

ливо дожидается своего владельца, надежным образом запертый и учтенный.

Справедливо. Иначе каждая пьяная драка в таверне заканчивалась бы обильным кровопусканием. А человеку иногда бывает охота помахать кулаками. Просто от переизбытка жизненных сил.

Но Туризинд никогда не бывал безоружным по-настоящему. Слишком хорошо он знал, как дорого ценится его жизнь. Один меч он носил открыто — его-то он и оставлял трактирщику, подчиняясь общему распорядку. Но второй, невидимку, проносил при себе. Кое-кто из трактирщиков, надо полагать, догадывался об этой хитрости. К ней иногда прибегали, и ничего исключительного в подобном заклинании никто не усматривал.

До сих пор на проделку Туризинда все благополучно закрывали глаза. Знали: хоть этот человек и слывет безжалостным убийцей, он никогда не пустит в ход оружие без веской на то причины. Уж кто-кто, а Туризинд головы не теряет, сколько бы он ни выпил. И все скандалы и драки исходят обыкновенно от людей попросте и поглупее.

Сегодня Туризинду оставалось только благословлять свою предусмотрительность — и снисходительность трактирщика. Таверна «Напиток бессмертия» просто кишела стражниками. И как Туризинд раньше не замечал этого! Вон тот, к примеру, похожий с виду на кучера... Или другой,

весь вечер пролежавший щекой на столе, словно бы пьяный...

Туризинд усмехнулся. Или у него разыгралось воображение, или на него всерьез открыли охоту, и сейчас предстоит жаркое дело.

Ответ на свой вопрос он получил немедленно. Один из стражников закричал:

— Туризинд! Стой — ни с места! Покорись, ты арестован!

— Попробуй взять меня! — крикнул в ответ Туризинд и одним быстрым гибким движением вскочил на стол.

Он выхватил из ножен меч-невидимку. К несчастью, такое оружие обладает невидимостью лишь находясь в ножнах, а обнаженное сразу же теряет это свойство.

Именно так было разработано заклинание, которое приобретали люди, вроде Туризинда. Именно в таком виде оно и продавалось. Ибо, как объяснял маг, составивший заклятье невидимого оружия много веков назад, было бы нечестным применять незримое лезвие против противников: слишком большое преимущество давало бы заклятье; магия же требует осторожности и не должна служить нечистым целям.

Справедливо, хотя и не всегда удобно.

Туризинд приплясывал на столе, среди опрокинутых бокалов и разбитых плошек.

— Идите сюда! — закричал он стражникам. — Если вы такие храбрые — попробуйте взять меня! Я не покорюсь!

Тот, что изображал из себя пьяного, внезапно «протрезвел» и, зарывав, набросился на Туризинда. Он попытался вонзить кинжал ему в ногу. В последний миг Туризинд отдернул ступню и, ударив ногой своего врага в лицо, опрокинул его на пол. Тот еще не успел ничего сделать, а Туризинд уже спрыгнул со стола и одним взмахом меча перерубил упавшему горло.

Хлынула кровь. Посетители закричали, начали вскакивать с мест. Женщина, которую Туризинд прогнал от себя, визжала, как резаная. Она прижала ладони к щекам, вытаращила глаза и широко разинула рот.

Туризинд мельком глянул в ее сторону и поздравил себя с тем, что не успел отправиться в ее обществе наверх, в отдельные комнаты, где дамы подобного сорта принимают своих гостей. Наверняка и во время занятий любовью она визжит точно так же. Туризинд ненавидел шумных женщин. Он не верил в страсть, которую изображают столь откровенно — и фальшиво.

«Она и боится-то фальшиво», — подумал Туризинд мельком, однако дольше, чем на одно мгновение, отвлекаться на женщину не стал: на него действительно наседали со всех сторон.

— Берегись! — закричала вдруг девица.

Туризинд быстро повернулся — и вовремя: сзади к нему подбирался стражник с кинжалом. Поскольку сбоку, как видел Туризинд, еще один спешил с обнаженным мечом, уделить человеку с кинжалом много времени Туризинд не мог. Схва-

тив со стола тяжелое блюдо, он метнул его в одного противника и, соскочив на пол, отбил удар другого.

Закипело настоящее сражение. Туризинд отбивался, прижавшись к стене, сразу от троих. Затем один упал, зажимая рукой рану на животе и испуская громкие стоны, а другой куда-то отбежал.

Широко ухмыльнувшись, Туризинд набросился на оставшегося с удвоенной силой. Тот оказался достойным соперником: раз за разом он отбивал удары туризиндова меча, а затем сделал обманный выпад и, поднырнув под клинок вора, нанес тому небольшую рану в бок, под мышкой. Еще бы чуть-чуть поточнее, и Туризинд лежал бы сейчас, корчась, рядом с тем, что уже затих, так и не отняв ладони от своего окровавленного живота.

Туризинд быстро, зло улыбнулся.

— Неплохо для вонючки! — сказал он стражнику, рассчитывая тем самым разозлить его.

«Вонючками» аргосских стражников называли в воровской среде за то, что те пользовались для чистки оружия и доспехов особой смесью, обладавшей неприятным запахом. Отчасти прозвище было вызвано и завистью: смесь эта великолепно снимала ржавчину, не портила металл, не оставляла царапин, а в довершение всего — исключительно дорого стоила, но королевское правительство считало возможным выдавать ее стражам бесплатно.

Вместо ответа на оскорбительное замечание Туризинда стражник быстро отскочил в сторону, взмахнул мечом и вновь набросился на врага.

Туризинд едва увернулся от этой бешеной атаки. Меч стражника с силой вонзился в деревянную полку, на которой стояли многочисленные кувшины самой разнообразной формы: они служили в основном для украшения таверны. На самом большом было написано: «Напиток бессмертия».

В действительности, как подозревал Туризинд, кувшин был совершенно пуст, хотя хозяин упорно распускал слухи о том, что поит избранных посетителей капелькой-другой. Чтобы дольше жили и дольше оставляли денежки в таверне, как он пояснял.

Увы! Всеу этому великолепию настал конец, когда полка, разрубленная пополам, обвалилась, и вся посуда посыпалась на пол. Разбился и кувшин с надписью, и Туризинд увидел, что он и впрямь был совершенно пуст.

Туризинд засмеялся. Он поднял меч и приставил его к горлу стражника.

— Убирайся из таверны — и оставь меня в покое, иначе я успокою тебя навек, вонючка! — сказал Туризинд, смеясь.

Стражник плюнул ему в лицо.

— Будь ты проклят! — прошипел он.

Туризинд пожал плечами.

— Я ненавижу убивать людей, — заметил он как бы между прочим.

— Сдавайся, и я пощажу тебя, — сказал стражник.

Туризинд оттолкнул его.

— Ты мне нравишься, вонючка. Бери свой меч — продолжим.

Воспользовавшись этим милостивым предложением, стражник схватил свой упавший меч и молча кинулся на насмешливо улыбающегося преступника.

Поединок возобновился. Посетители быстро сообразили, откуда удобнее наблюдать за схваткой. Завсегдатаи «Напитка бессмертия» — не такие люди, чтобы сразу разбежаться, как только дело доходит до серьезной драки.

Среди них были и мужчины, и женщины — в сопровождении слуг или телохранителей, разумеется; все они — бывалые путешественники, торговцы, странники, искатели сокровищ, взыскующие знаний и чудес, собиратели книг, оценщики драгоценных камней... Они умели постоять за себя и знали, как охранить свою жизнь от ненужной опасности.

Упустить случай и посмотреть, как знаменитый Туризинд отобьется от королевской стражи? Да никогда!

— Ставлю на преступника, — промолвила красивая дама в шелковом плаще с капюшоном. Она вынула из кошелька золотую монету и показала ее остальным. — Пять к одному.

— Присоединяюсь, — подхватил бородач с обветренным лицом.

— Я рискну и поставлю на стражу, — заявил молодой человек в небогатой одежде. Плащ его был потрепан, руки загрубели, однако было очевидно, что он имеет дело с книгами и рукописями: у него были гибкие пальцы и чуть прищуренные глаза, как будто он плохо видел. — Просто для того, чтобы спор был интереснее, — пояснил он, обводя воспаленными глазами окружающих, когда те стали хмуриться и покачивать головами. — Полагаю, что я проиграю, но ведь и ставка моя невелика... А должен же кто-то рискнуть и играть против всех, не так ли?

— В этом ты, кажется, готов уподобиться Туризинду, — заметила дама.

Юноша пожал плечами:

— Таков парадокс. Я ставлю против Туризинда, чтобы уподобиться Туризинду.

Никто из них, тем не менее, не делал и попытки вступить за загнанного преступника. Это противоречило бы всем правилам чести. Да и сам Туризинд никогда бы не позволил другому выручать его в подобном деле. Он должен справиться сам.

К тому же, дело и шло к его победе, так что бросаться на выручку Туризинду означало бы попытку украсть у него триумф.

А этого Туризинд никогда не простит.

И потому зрители спокойно оставались на своих местах.

Между тем Туризинд сделал стремительный выпад, и его противник, охнув, выронил меч. Ог-

ромное кровавое пятно быстро расплывалось по рукаву стражника: он был ранен в правое плечо.

Упав на колени, стражник сказал:

— Сдаюсь.

Туризинд чуть отступил, насмешливо отсалютовал ему и огляделся по сторонам с победоносным видом.

— Кто-нибудь еще?

— Да! — раздался громкий голос.

Стражник, оставивший место боя, внезапно выскочил из-за толстой деревянной колонны. Держа в руке рогатину, он несясь прямо на Туризинда.

— Да! — повторил он и с силой метнул рогатину.

Раздвоенный наконечник ее вонзился в стену, пригвоздив Туризинда так, что он не мог пошевелиться. Оба отточенных лезвия впились в стену справа и слева от шеи вора. Он оказался заключен в стальное кольцо.

Подняв меч, Туризинд приготовился отбиваться. Он надеялся, что сумеет отогнать стражника и, пока тот собирается с силами, выдернуть рогатину и освободиться.

Но стражник оказался хитрее.

Один за другим из рукава вылетели короткие метательные кинжалы. Туризинд ощутил острую боль в кисти правой руки, а затем такая же боль пронзила его ногу.

Он выронил меч и устался на светлую полосу стали, лежавшую на полу у его ног. Он не

мог ни наклониться, чтобы поднять оружие, ни даже пошевелить рукой. Кинжал, торчавший в его кисти, был точно чужеродный нарост, который не позволял руке действовать так, как она привыкла.

— Проклятье, — прошептал Туризинд.

Побежденный им стражник поднялся с колен и, как ни в чем не бывало, уселся за стол. Он налил себе вина и выпил, облизнул губы, фыркнул с самым веселым видом.

Тот, что метнул кинжалы, приблизился к Туризинду.

— Ты арестован, Туризинд, — сказал он. — Именем королевского закона я забираю тебя в тюрьму.

Затем стражник повернулся к прочим завсегдаям таверны.

— Я прошу вас не двигаться с места, — добавил он угрожающим тоном. — Никому из вас не нужны неприятности. Тем более — из-за человека, который никогда не поблагодарит вас за помощь, не так ли?

Туризинд угрюмо промолчал. Он продолжал смотреть на кинжал, торчавший в его руке.

Юноша в потрепанном плаще с растерянным видом принимал от других свой выигрыш. В одно мгновение он сделался состоятельным человеком.

Встретившись с Туризиндом глазами, молодой человек пробормотал:

— Я не знал, что так обернется... Но спасибо

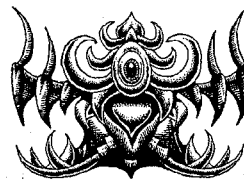

тебе, Туризинд! Теперь я смогу купить книгу, о которой мечтал несколько лет...

— Хотя в чем-то оказался полезен, — проворчал стражник, сидевший за столом. Он выпил еще одну кружку и поднялся. В руке у него снова был меч и он направил острие на Туризинда.

— Иди вперед. Я буду следить за каждым твоим движением.

Туризинда освободили наконец от рогатины и, точно плененное животное, погнали вперед, вон из таверны.

Глава вторая

В плену

Туризинд ни разу еще не терял свободы. В воображении он всегда рисовал себе всякие ужасы: темное подземелье, куда не проникает ни один луч света, сырая и гнилая солома в углу, склизкие цепи, удерживающие его за ногу или за шею... И вдобавок ко всему — отвратительная вонь.

Должно быть, некоторые узники именно так и проводили свои дни. Однако сам Туризинд после долгих приключений очутился вовсе не в подземелье.

Стражники выгнали своего пленника на двор таверны и крепко скрутили ему руки за спиной, невзирая на раны. Кинжалы из его тела удалили без всякого сострадания — их попросту выдернули, предоставив крови течь, как ей заблагорассудится. Туризинд чувствовал, как с каждым мгновением все больше теряет силы.

— Я не смогу идти, — предупредил он стражников.

Его не слышали. Теперь, когда он был схвачен и связан, с ним обращались так, словно он был бессловесной скотиной, вообще не достойной человеческого внимания.

Стражники переговаривались между собой, словно бы не замечая пленника. Один сказал:

— Нужно забрать Иареда.

Другой вызвался:

— Я схожу.

На мгновение раненный Туризиндом стражник встретился с ним глазами, и пленник не увидел в этих глазах ничего хорошего. Что ж, ничего иного ожидать и не приходится, ведь Туризинд убил одного из них и еще двоих ранил.

Сдерживаясь изо всех сил, чтобы не застонать, Туризинд ждал, пока стражники закончат свои дела в таверне.

Неожиданно Туризинд усмехнулся. Тайна таверны «Напиток бессмертия» была раскрыта: кувшин с заманчивой надписью разбит — он оказался пуст! Таковы, по всей видимости, все великие тайны человечества.

Туризинд покачал головой. Что за мысли появляются в самый неподходящий момент! Должно быть, он и впрямь испуган, коль скоро заботится сейчас о такой ерунде, а не о том, как бы сбежать.

Он пошевелился, и резкая боль тотчас отозвалась в ранах. Нет уж, лучше побережь силы. Их и без того осталось совсем немного. Судя по всему, стражники намерены гнать его по улицам до са-

мого герцогского замка. Трудно представить себе, что будет, если Туризинд упадет. Вряд ли они понесут его на руках, это он знал точно.

Притащили убитого стражника: его волокли, положив на плечо, так что руки и ноги мертвеца бессильно болтались. Большая черная рана на горле зияла жуткой ухмылкой.

Туризинд отвел взгляд. Он не хотел убивать, но слишком уж неожиданно произошло нападение. Кроме того, он злился. На себя — что позволил себя выследить; на стражников — что так ловко обошли его и превратили таверну в настоящую ловушку. В первое мгновение он растерялся и потому наносил удары как в обычном бою — так, чтобы сразу убить. И только потом все-таки взял себя в руки и даже, кажется, никого серьезно не покалечил.

Для Туризинда всегда легче было убить противника, чем вывести его из строя, не нанося серьезных увечий. Этому искусству господин Муадвин так и не обучил его... Не успел.

Муадвин. Еще одна лишняя мысль. Туризинд сильно зажмурился, изо всех сил стиснул веки, так что перед глазами поплыли желтые и красные круги.

— Эй, ты! — послышался голос того стражника, что ранил его. — Что закрываешь глаза? Боишься смотреть? Хе, правду говорят, что самые лютые убийцы боятся видеть плоды деяний своих.

Туризинд почувствовал толчок в спину и едва не вскрикнул, такой сильной была боль.

— Открой глаза! — рявкнул стражник. — Гляди! Гляди и запоминай, потому что когда тебя потащат вешать, ты не должен будешь считать себя невинной жертвой.

— Проклятье, я убил его в бою, — пробормотал Туризинд, мысленно проклиная себя за слабость.

— В бою? — Стражник громко захохотал, широко разевая рот, точно намереваясь зевнуть. — В бою? Да ты даже оружие не дал ему вытащить! Ты нападаешь первым и не задумываешься о последствиях. Ты считаешь, что дерешься честно? — В голосе стражника зазвенела нехорошая, дрожащая струна, и Туризинд догадался: в свое время этот человек уже имел с ним дело. Где и когда — этого Туризинд вспомнить не мог. Слишком многих он за свою жизнь задел, слишком многим причинил боль. Иногда — сам того не желая.

Между тем стражник продолжал:

— Ты — машина для убийства. Никто из тех, кто вышел сражаться с тобой один на один, не имеет шанса. О какой честности можно говорить? Ты знаешь то, что для других остается тайной.

Стражник вынул кинжал и поднес к горлу пленника.

— Оставь его, — устало приказал другой, очевидно, старший над прочими. Он вздохнул. — Он надоел мне. Давайте скорей покончим с делом и пойдем выпить.

На шею Туризинда набросили веревку. Старший из стражников сел на лошадь, взял конец веревки в руку. Конь недовольно заплясал на месте, вскинул морду, заржал: животное чувствовало близость мертвеца.

Раненого стражника посадили на коня, позади старшего, и он стал держаться за пояс сидящего впереди. Прочие отправились пешком. Туризинд поплелся за лошадей. К счастью, стражник ехал шагом.

Туризинду казалось, что он провалился в какую-то черную бездну. Никогда за всю свою жизнь он не испытывал такого отчаяния. Царившая вокруг ночь как нельзя лучше соответствовала его состоянию. Никакой надежды для него не оставалось.

В первые мгновения он еще пытался бороться с этим чувством, думать. Вспоминать прошлое. Вспоминать людей, которые учили его. Его первый командир утверждал, что безнадежность — прекрасное состояние: когда человеку нечего терять, он становится непобедимым. «Чем меньше ты боишься умереть, тем меньше вероятность твоей гибели», — говорил он. Отказавшись от надежды уцелеть, человек побеждает.

Туризинд растянул рот в кривой усмешке. И ведь он побеждал — побеждал когда-то! Он выводил свой отряд из самых безнадежных засад, они ухитрялись уцелеть в самых кровопролитных сражениях. И вовсе не потому, что находились на сравнительно безопасных участках — нет! Наем-

ников никто не жалел. Напротив, ими всегда затыкали самые жуткие дыры. И они выходили оттуда почти без потерь — потому что не боялись. И потому что их командир учил этому.

Туризинд командовал наемниками больше двух лет и потерял за эти годы всего пятнадцать человек. Нет, семнадцать. Семнадцать. Последних двоих он повесил сам.

Он вспомнил тот день, когда закончилась последняя междуусобная война между герцогом Эброндума и графством. Армия герцога получила приказ возвращаться. Победа! Спорные территории отошли к герцогству.

Кругом смеялись и пили, безудержно пили. И только один человек не был счастлив посреди общего веселья. Туризинд сидел в лагере, возле своей палатки, и, уронив голову на большой полковой барабан, безутешно плакал. Слезы изливались из самой глубины его души. Он рыдал, как ребенок, и не мог остановиться. Так он не плакал, кажется, никогда за все двадцать семь прожитых им лет. Даже в детстве, даже похоронив родителей, даже в годы голодных скитаний по всему Аргосу, по Зингаре и Аквилонии.

Он и сам не мог бы сказать в тот день, что оплакивает. Свою молодость? Да, тогда, в миг окончания войны, закончилась его молодость, и он знал это — знал так хорошо, словно некто сказал ему об этом.

Может быть, он плакал над погибшими товарищами? Может быть...

Ни раньше, ни потом Туризинд не уронил ни слезинки. Все выплакал тогда. Вернулись другие солдаты, пьяные и счастливые, и смеялись над ним. А он что-то кричал им, захлебываясь рыданиями и проклятиями, и, кажется, пытался лезть с ними в драку, но он слишком ослабел от слез, а они — от выпитого, и потому вышла обычная веселая беспорядочная свалка.

И ведь вышло так, что Туризинд действительно оказался прав! Не прошло и года, как все его товарищи оказались мертвы... Он остался из всего отряда последним.

Надежды нет. И никогда не было. Для таких, как он, не может быть надежды. Вероятно, в этом обстоятельстве скрыт некий глубинный смысл, да только от Туризинда он постоянно ускользает. Кто знает? К старости, возможно, он поймет... если дотянет до старости.

Теперь только Туризинд понял, что первый командир, тот, что оставил ему свой отлично обученный отряд отборных наемников, обманывал его. За той чертой, которую Туризинд переходил, теша себя мыслью о том, что ситуация безнадежна и смерть близка, — за той чертой была надежда. И еще какая надежда! Сверкающая, как принцесса. Она предназначалась лишь для тех, кто забыл о себе и своем страхе.

А безнадежность — вот она: ночь, веревка на шее, связанные за спиной руки, безмолвный человек на коне — человек, который ненавидит и презирает пленника. Человек, который никогда

не согласится увидеть в нем такое же живое существо, как он сам.

Человек, который сделал все, чтобы Туризинд был пойман, как зверь, и позорно убит.

* * *

Герцогский замок в Эброндуме был старше города: его заложили еще в те годы, когда не было ни города, ни герцогства. На скале, возвышающейся над быстрой речкой Тирсис, притоком большой пограничной реки Коротас, некий воин устроил себе настоящее орлиное гнездо. Здесь была разбойничья крепость, взять которую было почти невозможно. Только предательство открыло ее ворота спустя сорок лет после того, как она была основана.

Немного позже, когда замок уже перешел во владение к герцогу, на берегах Тирсиса начали строить дома. Спустя сто лет выросла вторая стена; Эброндум превратился в настоящий город и скоро обрел статус столицы герцогства с тем же названием.

Гордое наименование «герцогства» было присвоено этому владению, совсем, в сущности, небольшому, потому что первые властители его были полководцами и хорошо защищали аргосские рубежи от зингарских набегов.

Название так и осталось, хотя считать Эброндум «великим герцогством» мог лишь человек с манией величия.

И все же для многих эта земля была единственной, которую они знали. Люди готовы были сражаться ради нее и умирать.

Особенно в случае последнего конфликта — с графом. Немногие знали, что этот конфликт имел не только территориальное значение — в дело были замешаны куда более серьезные силы, и причина для разногласий была куда важнее, нежели несколько акров пахотной земли, пусть даже и очень плодородной...

Туризинд потерял сознание где-то на середине подъема к замку. Он не помнил, как входил в ворота. Должно быть, стражник взвалил его на коня и последние шаги провез. Если бы его тащили по дороге, то порвали бы одежду и изранили бы гораздо сильнее.

Туризинд очнулся в комнате, которая ничем не напоминала ему то мрачное сырое подземелье, которым он пугал сам себя, когда размышлял о возможности попасть в плен.

Комната эта, несомненно, находилась в замке и помещалась где-то в угловой башне, под самой крышей. Из узкого оконца была видна долина Тирсиса; блестящая полоса речки и красные черепичные крыши домов, выглядывающие из-под густой листвы, а чуть правее — ровная светлая зелень полей.

Туризинд никогда не занимался крестьянским трудом и, щедро пользуясь его плодами, никогда не считал подобный образ жизни достойным. Он без жалости мог пустить отряд прямо

через поля, если в этом возникала надобность. Не раз и не два ему доводилось биться с врагами среди спелых колосьев. Зная, что обрекает на голодную смерть целую деревню, он не колеблясь принимал бой и губил урожай.

И все же он любил смотреть на нивы. Он видел их глазами солдата, бездомного путника; они представлялись ему красивыми — и вместе с тем напоминали о той жизни, от которой Туризинд и его люди решительно отказались, раз и навсегда, считая ее скучной и слишком для себя тяжелой.

Вот и опять он смотрит на созревающие поля взором стороннего наблюдателя. Взором пленника.

Поля ничуть не изменились. Все та же радостная зелень, все то же обманчивое обещание сытости и счастья. Слегка изгибаясь под легкими порывами ветерка, нива как будто говорила человеку: будут пироги, будет эль, будет долгая, ничем не омраченная радость. И, разумеется, она человека обманывала. Никогда не бывает довольно зерна, чтобы благоденствие сделалось прочным.

Туризинд отвел взгляд от окна, вздохнул. Многие он бы отдал сейчас за возможность беспечно, как прежде, шагать по той дороге, мимо полей и лесов, навстречу веселой смерти.

Пока он был без сознания, его освободили от веревок и перевязали ему раны. Туризинд схватился за стену, чувствуя подступающее головокружение. Должно быть, он потерял много крови.

Одежда на нем была прежняя, запачканная кровью и забрызганная уличной грязью. Зато

обувь с него сняли. Стоять на каменном полу было холодно, и Туризинд вернулся к своему ложу — дырявому покрывалу, которое для пленника специально бросили в углу.

Устроившись там, он уставился в потолок.

Комната была маленькой, но светлой, и воздуха в ней было довольно. Сквозь узкое окошко залетал туда ветер. Башня находилась очень высоко, там, где всегда царили сквозняки. В редкие летние дни там бывало душно.

Туризинд вдруг почувствовал лютый голод. Он облилиз пересохшие губы. Ни еды, ни питья в комнате не было. Голые стены и кусок тряпки, больше ничего.

Он лежал в углу и старался расслабиться — сделать так, чтобы воспоминания тихо проплывали сквозь мысли, не задевая и не причиняя боли. Раньше ему это удавалось, удастся и теперь.

* * *

Туризинд шел за человеком, которого должен был убить. Воспоминание было таким ярким, словно Туризинд спал и видел до странного реальный сон. Сон, где любую вещь можно было потрогать рукой и ощутить ее плотность и фактуру.

Человек шагал впереди, не торопясь и как будто дразня убийцу. Туризинд крался за ним следом, чувствуя, как внутри него закипает злобная ненависть. Что он о себе возомнил, этот нич-

тожный человечиска? Что он сумеет отбиться от Туризинда? От капитана самого отчаянного отряда наемников, от убийцы, который ни разу не упустил свою жертву?

Туризинд прижимался к стенам, ощущая холод и влагу камней. Улицу перед ним постепенно заволакивало туманом, но Туризинд был уверен в том, что не потеряет идущего впереди человека.

Вот темный силуэт обрисовался под фонарем, раскачивающимся над дверью какого-то дома...

Странно. Туризинд остановился, провел по лбу вспотевшей ладонью. Ему только что казалось, будто стоит день, светит солнце. Когда же наступила ночь? Неужели преследование заняло столько времени? Но почему, в таком случае, будущая жертва ведет себя столь странно? Неужели он так и бродил по городу — целый день, сворачивая из одной улицы в другую?

Или в дело вступила магия?

Туризинд коснулся меча — холодная сталь под ладонью всегда успокаивала его. Но меча на месте не оказалось, не было и кинжала. Они забрали.

Туризинд так и подумал: «Они забрали».

«Кто такие — они?» — хотел было спросить он сам себя, но вместо этого злобно засмеялся и решил: «Что ж, в таком случае я убью голыми руками!» Он не сомневался, что, подкравшись к человеку сзади, сможет без труда задушить его.

«Дождусь, чтобы хрустнули шейные позвонки»...

Он выждал удобный момент и прыгнул. Прыгнул, как дикий кот из укрытия. Человек без сопротивления поник в его руках. Туризинд все крепче сжимал пальцы на его шее. Затем раздался тот самый звук, о котором думал убийца: слабый, но отчетливо слышный хруст.

Тело мягко осело на мостовую, пушистая прядь волос мазнула убийцу по обнаженной ступне. Туризинд глянул вниз. Так и есть! Он босой, и мертвец доверчиво лежит щекой возле самой его ноги, а прядка щекочет пальцы ног.

Туризинд брезгливо оттолкнул от себя труп ударом ноги. Покойник перевернулся на спину, медленно, лениво раскинул руки. Туризинд бросил на него последний взгляд и обомлел.

Перед ним, разметавшись на камнях мостовой, лежал он сам, только постарше лет на десять.

Туризинд узнал собственное лицо.

Он закричал и увидел залитый бегающим светом потолок комнаты, в которой был заключен.

* * *

Тотчас отворилась дверь, и на пороге показался дюжий детина с кожаным ведром в одной руке и глиняным горшком — в другой.

Он поставил свою ношу у порога и захлопнул дверь. Туризинд снова остался один.

Тяжело дыша, весь покрытый липким потом, он приподнялся на локте и вновь бессильно повалился обратно на покрывало. У него начинался

жар. «Проклятые костоправы», — пробормотал он. Должно быть, воспалилась рана на ноге, потому что рука почти не болела.

То, что принес стражник, вероятнее всего было едой и питьем. Если Туризинд хочет жить, ему нужно добраться до подношения. Он полежал на спине, глотая ртом воздух и собираясь с силами. Затем перевернулся на четвереньки и прополз несколько шагов. Полежал, чувствуя под щекой каменный пол. Снова бросок — и снова отдых.

В третий раз он повалился, утыкаясь макушкой в кожаное ведро. Плеснула вода. Так и есть! Он сунул голову в ведро и начал жадно пить, захлебываясь и постанывая.

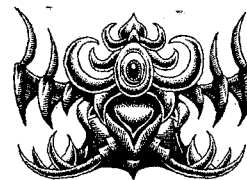
Еда в горшке выглядела, против ожиданий, вполне пристойно. Вместо ожидаемой похлебки, по виду, вкусу и запаху напоминающей помой, там были тушеные овощи и, о чудо, кусок мяса!

Туризинд жадно проглотил их, чувствуя, как с каждым куском к нему возвращаются силы.

Вероятно, стражники знали об этом, потому что больше к нему никто не заходил. Обессиленный пленник — это одно; но Туризинд, знаменитый наемник, капитан головорезов и убийца, внушал к себе уважение. Рисковать не стоило.

Свет в узком оконце постепенно угасал. Туризинд спал. Лихорадка то принималась трепать его, навевая жуткие сновидения, то отступала, и тогда сон пленника был спокоен и черен.

Так прошел первый день, и так минула первая ночь.

Глава третья

Публичная казнь

туризинда разбудил скрежет замка. Пленник пошевелился и услышал новый звук: лязг железа. Он поднес к глазам руки и увидел, что ночью, пока он спал, его заковали в цепи. Должно быть, в питье помешали какое-то зелье, которое усыпило пленника.

И, кстати, помогло избавиться от лихорадки. Жар прошел, осталась только противная слабость.

Туризинд сел, положив на колени скованные руки, и с интересом уставился на дверь. Хотелось бы ему знать, что еще приготовили для Туризинда люди герцога!

Дверь наконец открылась, и в комнате очутились двое: гигантского роста детина в кожаном фартуке, с ножом и еще десятком жуткого вида инструментов за поясом, и с ним — невысокий, чрезвычайно аккуратный человек с умным, немного грустным лицом.

«Палач и с ним доктор, — подумал Туризинд. — А может, секретарь, чтобы записывать показания, — впрочем, при нем нет чернильницы, а это по меньшей мере странно... Но не станут же они допрашивать меня прямо в этой комнате? Да и о чем спрашивать? Им и без того все известно...»

Детина в фартуке приблизился к Туризинду, в то время как маленький сухой человечек остался стоять возле двери.

Присев на корточки перед лежащим пленником, верзила сказал:

— Сядь.

Туризинд повиновался, глядя на палача спокойно, почти даже без интереса.

— Ага, — молвил верзила и вдруг резко оттянул у пленника веко.

Полюбовавшись на глаз, отпустил. Взял за скованные руки, сдернул повязку. Почти с детским любопытством уставился на рану: края ее чуть воспалились, набухли, но были розовыми, не багровыми и не лиловыми.

— Угу, — сказал детина.

Он снял с пояса тонкие клещи и осторожно раздвинул края раны. Туризинд увидел наконец то, что причиняло ему столько неудобства: длинную узкую щепку, проникшую под кожу. Когда и как он ухитрился посадить себе эту занозу, да еще в столь неудачном месте, — он не помнил.

Причиняя пленнику немалые страдания, детина ухватил щепку клещами и вытащил ее. За-

тем пробормотал: «Эге» — и, взяв какой-то пузырек, облил рану жгучей жидкостью.

Туризинд не выдержал: запрокинув голову назад, дико закричал. Детина посмотрел на него удивленно, как будто не ожидал ничего подобного, затем перевел взгляд на того, которого Туризинд считал секретарем или писарем.

— Э? — молвил мучитель вопросительно.

— Продолжайте, — сказал секретарь.

— Что вы хотите знать? — с трудом выговорил Туризинд. — Я все скажу, только перестаньте.

— Ну, — неопределенно уронил детина. Он стянул рану свежим полотном, обращаясь с пленником довольно грубо.

Затем, сидя на корточках, переместился к раненой ноге. Здесь верзила повел себя более разговорчиво. Он изрек:

— Ну нет! — и вытащил длинный нож.

Туризинд попробовал еще раз:

— Не нужно — я же сказал, что готов все объяснить...

— А? — детина посмотрел на него мельком и снова явил себя болтуном: — Молчи уж!

И с тем разрезал повязку. Она присохла, так что Туризинду пришлось плохо. Детина не обращал никакого внимания на то, что пытаемый вздрагивал, пытался отодвинуться и молить о пощаде. В конце концов Туризинд закричал:

— Прекратите — пожалуйста! Я ведь не отпираюсь!

Детина молча ударил его в лоб рукояткой ножа и, когда Туризинд ошеломленно замолчал, спокойно принялся расковыривать рану у него на ноге.

Снова явился пузырек со жгучей жидкостью. Туризинд покрылся испариной.

Неожиданно спокойный человечек — писарь или секретарь — рассмеялся и обратился к верзиле:

— А ведь он вас считает за палача, господин Имбор!

— А, ну, э-э... — отозвался тот, кого называли «господин Имбор».

Человечек презрительно фыркнул.

— Всегда поражался — отчего самые беспощадные убийцы всегда так трусят и просят о пощаде? Скольких человек ты убил, Туризинд?

— Не помню, — выдавил Туризинд, стараясь сделать так, чтобы голос его хотя бы не дрожал.

— Вот и я не помню, скольких я убил, — вздохнул человечек. — Много. Но я, в отличие от тебя, не боюсь ни страданий, ни смерти. Ты думаешь, что Имбор — палач, да? — Он хохотнул. — Не ты первый делаешь эту ошибку. Имбор — врач, и один из лучших. Может собрать человека из кусочков. Одного парня, помню, поставил на ноги после падения со стены замка, так что к виселице тот шел своим ходом... Волшебник!

— А кто же ты? — спросил Туризинд, холодея.

— Я-то? — Человечек весело улыбнулся. — А

вот я — палач. — И снова обратился к врачу: — Ну так что, господин Имбор, будет он ходить?

— Ну, — протянул господин Имбор.

Неожиданно Туризинд понял, что нога почти не болит. То ли по контрасту с адской болью, которую он испытал, когда врач плеснул на рану своим зельем, то ли действительно лечение подействовало, но Туризинд встал без особого труда и прошелся по комнате.

Палач потер сухонькие ручки.

— Превосходно, господин Имбор! — объявил он. — Как всегда.

— А, — сказал Имбор и протиснулся к выходу.

Туризинд остался наедине с палачом.

— Как мне вас называть? — спросил он.

Палач сказал:

— Табран. Без «господина». Называть палача «господином» запрещено законами герцогства, если ты не знал. Я принадлежу к так называемому презренному сословию, хотя получаю жалованье побольше иного командующего армией. У меня, знаешь ли, много работы.

— Хорошо, — кивнул Туризинд. — Я понял.

Палач мелко захихикал.

— До чего же вы, храбрые парни, становитесь сговорчивыми, стоит мне только потолковать с вами! Впрочем, у тебя еще будет возможность убедиться в том, что герцог не даром платит мне столь хорошее жалованье. Собирайся, идем.

Туризинд шагнул к выходу. Палач преспокойно повернулся к нему спиной. И не потому он не

боялся Туризинда, что тот был закован в цепи и находился в самом сердце герцогской цитадели, — отчаянные головы даже отсюда, наверное, ухитрились сбегать; нет, этот невзрачный человек обладал огромной силой духа и действительно не испытывал страха перед опасным преступником.

Следуя за палачом, Туризинд вышел на винтовую лестницу и начал осторожно спускаться, шаг за шагом. Палач бежал впереди легко, как юноша. Туризинду приходилось труднее. Никогда прежде его не заковывали в цепи — он и не знал, что руки так нужны бывают при ходьбе.

На предпоследнем витке лестницы Туризинд оступился и проехался вниз на спине, пересчитав позвоночником не менее двадцати ступенек, к счастью, довольно вытертых.

Он очутился во дворе крепости. Двое дюжих стражей, повинуясь знаку Табрана, подхватили Туризинда и поставили его на ноги. Оба стражника были вооружены алебардами и, судя по выражению их лиц, готовы были пустить оружие в ход по первому же знаку возможной опасности.

Туризинд покачал головой. Нет, отсюда не сбежишь, об этом лучше даже и не задумываться.

Его провели через двор к наружной стене. Здесь Туризинду пришлось опять карабкаться по лестнице. Один из стражников шел впереди, другой внимательно следил за пленником сзади. Стоило Туризинду замешкаться, как стражник,

каналья, колот его пониже спины острием кинжала и при этом гнусно посмеивался.

Эта стена выходила не на долину реки, а прямо на город. Когда Туризинд поднялся, он увидел внизу море крыш, паутину узких улочек; блеснули одна-две знакомых вывески. Площади были заполнены народом. Наверняка множество людей собрались и в окнах, и на улицах, и на балконах, только Туризинд не мог их отсюда разглядеть.

Он перевел взгляд на стену и похолодел. К одному из зубцов стены была прикреплена веревка с уже готовой петлей. Она лежала на стене, точно дохлая змея. Палач рассматривал петлю, подталкивая ее ногой; потом вдруг стремительно опустился на корточки и поправил что-то в скользящем узле. Снова проверил и теперь остался удовлетворенным.

Рядом находилось пятеро стражей. Между ними Туризинд рассмотрел странно-знакомую фигуру. Он прищурился — солнце било ему прямо в глаза, поэтому он не вдруг узнал этого человека.

Его звали Эдред. Да, Туризинд знал его. Последний из отряда, кто еще оставался в живых. Эдред оставил своих товарищей-наемников вскоре после окончания войны. Он еще принял участие в нескольких грабежах, когда никому не нужные солдаты скитались по дорогам и искали себе пропитания привычными средствами, то есть кражами и насилием.

Туризинд давно забыл о существовании Эдреда. Они крупно поссорились тогда, и тот ушел. Повздорили из-за добычи или из-за женщины, Туризинд не помнил причины.

Палач больше не обращал на Туризинда никакого внимания — он был целиком и полностью поглощен Эдредом. Тот выглядел по-детски растерянным, как будто не мог понять — как это вышло, что с ним произошел столь странный казус. Потом вдруг Эдред перевел взгляд вниз, на петлю, и пронзительно, тонко закричал, широко раскрыв глаза.

— Ну, ну, — успокоительно молвил ему палач, — как ты можешь? Стыдно! Ты ведь половину жизни имел дело со смертью. Ты убивал — теперь ты умрешь.

Эдред не слушал, он вырывался из рук державших его солдат и кричал, едва успевая переводя дух, кричал непрерывно...

Туризинд громко произнес:

— Молчать!

Услышав знакомый голос — голос из прошлого — Эдред замолчал. В наступившей тишине Туризинд продолжал:

— Молчать! Веди себя достойно, Эдред! Если мы сейчас умрем — пусть те, внизу, видят это...

— Ты тоже здесь, — выдохнул Эдред и потянулся к Туризинду.

Стражники остановили его. Палач произнес: «Вот и хорошо» и, приподнявшись на цыпочки, заботливо накинуд петлю Эдреду на шею. Взреве-

ли трубы, их медные тела ослепительно сверкнули на солнце.

Затем Эдред полетел вниз. Веревка натянулась, закрутилась, несколько раз судорожно шевельнулся закрепленный на зубце конец — а затем все стихло. Снизу донесся громкий рев: горожане видели казнь и приветствовали ее.

Туризинд понял, что наступает его черед. Он глянул на синее, издевательски-яркое небо и сглотнул.

Между тем палач весело подмигнул ему. Стражники бесцеремонно подтолкнули Туризинда к лестнице. Он споткнулся, потому что не понял, чего они от него добиваются. Им пришлось несколько раз огреть его по спине, прежде чем до Туризинда дошло: они требуют, чтобы он спустился обратно во двор.

Сегодня его не убьют. Его водили на стену лишь для того, чтобы показать ему казнь Эдреда.

И только после того, как Туризинд очутился во дворе, у него подогнулись колени. Ему пришлось прислониться к лестнице, чтобы не осесть на землю.

Стражники смотрели на него и, посмеивались. Он слышал чей-то голос:

— Убивать людей ударом в спину — это он может, а как самому помереть — тут уж сразу слезы и страхи...

Другой голос с невыразимым презрением подхватил:

— Одно слово — бандит!

Глава четвертая

Тайное поручение

После казни Эдреда Туризинд несколько дней оставался в своей комнате. Еду и питье ему приносили, пока он спал. Почти наверняка в питье было снотворное зелье, потому что спал он очень крепко и никогда не слышал, как открывается дверь его тюрьмы и появляется стражник. Должно быть, несмотря на цепи, в которые был закован узник, они продолжали испытывать страх перед ним.

Господин Имбор — неразговорчивый врач — появлялся еще один раз, чтобы осмотреть узника и переменить повязки. Судя по всему, он был весьма доволен ходом лечения. Впрочем, своими наблюдениями врач с пациентом никак не делился. Вообще, судя по поведению господина Имбора, его занимала исключительно телесная составляющая Туризинда, в то время как моральное состояние пленника нимало не занимало лекаря. Что ж, оно и понятно, если учесть, что Имбору приходилось ставить на ноги самых закоренелых

преступников — и зачастую только для того, чтобы они могли выдержать дальнейшие пытки или хорошо выглядели во время казни.

Туризинд терялся в догадках. Расспрашивать своих тюремщиков он не имел возможности; к тому же те почти не показывались в поле зрения. Предположение, одно страшнее другого, теснились в голове Туризинда.

Последнее было связано со сплетнями касательно того, что герцог время от времени продает преступников из камеры смертников за реку Коротас, в Зингару, в небольшое княжество Дарантазий, затерянное в Рабирианских горах. По слухам, там в ходу самая страшная черная магия, и постоянно требуются для жертвоприношений живые люди. Впрочем, это только слухи...

Туризинд пытался одергивать себя, но мысли одна кошмарней другой посещали его с назойливостью бедных родственников. Как многие из тех, кто избрал себе ремесло наемника, Туризинд был суеверен. Он боялся привидений, его страшило все, что связано с высшей магией (на какое-нибудь обычное заклинание, вроде заклятья невидимости оружия, этот страх, естественно, не распространялся). Как и его солдаты, Туризинд предпочитал не иметь дел с тем, чего не мог объяснить.

А сейчас самым необъяснимым было для него поведение его стражников.

Туризинд утратил счет времени. Он предполагал, что провел взаперти приблизительно пол-

месяца. Он даже понял, когда ему перестали давать снотворное: в последние четыре дня. Он стал хуже спать, и кошмарные сны вернулись.

Кроме того, теперь Туризинда время от времени видел стражника, приносящего ему еду. Впрочем, тот входил без боязни, поскольку преступник был прикован к стене: еще одна цепь, обхватывающая лодыжку и прикрепленная к кольцу в стене, появилась однажды ночью, когда пленник еще крепко спал.

Следующее приключение ждало пленника на двадцать пятые сутки сидения в комнате.

* * *

На сей раз Туризинда не стали выводить во двор: по ходу внутри крепостной стены его доставили в полутемные покои, где горели масляные лампы. Теряясь в полумраке, в кресле с высокой спинкой восседал какой-то рослый человек. Туризинда почти не видел его лица. Вооруженные стражи стояли справа и слева от кресла.

На столе перед важным господином в кресле находились письменные приборы, а также кинжал и большой хрустальный шар. Туризинда с опаской поглядывал на шар. Бывший наемник не мог бы утверждать, что он «чуует запах магии за десять шагов», как говаривал один из его солдат; но тем не менее нечто нехорошее в этой комнате явно имелось.

Помимо человека в кресле и стражей там находился еще кто-то, но он терялся в глубокой тени. Кажется, он даже не стоял, а сидел на низенькой скамеечке или же скорчился на коленях. Во всяком случае, он был очень маленьким.

Туризинда остановился в дверях. Его подтолкнули, чтобы он прошел дальше, и он повиновался. Ни палача, ни доктора в комнате не было, и это также встревожило Туризинда. Странно, но палач действовал на него успокаивающе. Палач был понятен, человек в высоком кресле — нет.

— Оставьте нас, — приказал сидящий за столом господин.

Тюремные стражи повернулись и вышли. Другие — видимо, личная охрана человека в кресле, — даже не пошевелились. Привыкли, надо полагать, к подобным сценам, подумал Туризинда.

Пленник продолжал стоять неподвижно и смотреть на человека в кресле.

Тот после паузы заговорил. Голос оказался глуховатым и очень ровным, без малейшей интонации:

— Как с тобой обращаются?

— Благодарю — недурно, — ответил Туризинда.

— Я слышал, при задержании ты был ранен.

— Это правда, — не стал отпираться Туризинда.

— Что говорит врач о твоём состоянии?

— Полагаю, он доволен... Впрочем, господин, вы можете спросить его.

— Если бы я мог, я бы спросил, но ему незачем знать о моем интересе... — Человек в кресле пошевелился, устраиваясь удобнее.

«Странно, — подумал Туризинд, — ерзает так, словно не привык к этому насесту. Может быть, это вовсе не его кресло?»

— Называй меня «господин Рикульф», — велел человек в кресле. — Так будет удобнее и тебе, и мне. Впрочем, это не настоящее имя.

— Ну, — протянул Туризинд развязно (он вдруг понял, что этому человеку, Рикульфу, что-то от него нужно, и успокоился), — «Туризинд» — тоже не настоящее имя.

— Да? — деланно удивился Рикульф. — А каково же настоящее?

— Настоящего попросту нет.

— Что ж, это многое объясняет... — Рикульф постучал по столу костяшками пальцев и без всякого перехода осведомился: — Что тебе известно о Дарантазии?

Туризинда передернуло. О Дарантазии говорить ему хотелось в самую последнюю очередь. Странно, однако, что об этом зашел разговор. Совсем недавно Дарантазий всплывал в мыслях Туризинда...

Тем не менее человек за столом ждал ответа, и поэтому пленник через силу произнес:

— Многое — и ничего.

— Поясни.

— Я знаю то же, что и все. Что Дарантазий — небольшое владение, княжество или графство,

называют по-разному. Находится в Рабирианских горах. Почти не поддерживает сношений с внешним миром. Говорят, поблизости живут странные существа — не то потомки лемурийцев, не то пикты... Сам я никогда не был в тех краях. Власть в Дарантазии принадлежит графу Кондатэ. Другие называют его князем Кондатэ. Станный человек. Никто его толком не видел. Насколько я знаю, он никогда не нанимал солдат. Об этом человеке ходят разные слухи, но ничего конкретного... Впрочем, Дарантазий всегда считался обителью магии. Запрещенной магии. Точнее, той, что запрещена в Эброндуме.

— Очень хорошая оговорка, — похвалил Рикульф. — Именно так. В Дарантазии практикуется та магия, что запрещена в герцогстве. Разумеется, мы не можем указывать графу Кондатэ, что ему разрешать в его владениях, а что — запрещать, не так ли?

Туризинд неловко пожал плечами. Разговор приобретал весьма странный оборот. Каким образом пленный наемник может рассуждать о подобных вещах?

Какое дело человеку, арестованному за дерзкое убийство, совершенное прямо под носом у герцога, до внутренней политики графа Кондатэ, странного владетельного князька, засевшего посреди Рабирианских гор?

Тот, кто называл себя Рикульфом, засмеялся. Кажется, все сомнения и страхи Туризинда он читал с легкостью, как открытую книгу.

— Оставим пока графа Кондатэ и Дарантазий. Поговорим о тебе. Надеюсь, эта тема тебе ближе. А? Отвечай, Туризинд!

— Да, — сказал Туризинд. — Моя жизнь интересует меня гораздо больше.

— Ладно, — Рикульф махнул рукой и с силой припечатал ладонь к столешнице. — Впрочем, это временно. Потом поймешь. Расскажи, как ты убил господина Легера.

Туризинд молчал.

Рикульф приподнялся, впился в Туризинда взглядом. Туризинд не мог видеть глаз Рикульфа, но ощущал на себе его взор, тяжелый, как мешок с зерном.

— Я задал вопрос, и тебе лучше быть повнимательней к своему ответу, — спокойно проговорил Рикульф и снова откинулся на спинку своего кресла.

Туризинд нехотя проговорил:

— Господин Легер, знатный дворянин, происходящий из очень древнего рода... был богат. Я выслеживал его в Эброндуме почти месяц. Я ходил по тем же улицам, что и он. Я знал все его любимые места: таверну, где ему наливали в долг, портного, парикмахера, сапожника. Он был большой щеголь. Хорошо одевался. Много денег тратил на свою внешность. Даже обращался пару раз к маленькой знахарочке, которая составляла для него отбеливающие мази. К моему большому сожалению, господин Легер почти никуда не ходил один. С ним всегда был телохранитель.

— Неужели braveго наемника останавливал какой-то один жалкий, растолстевший телохранитель? — в тоне Рикульфа прозвучало презрение.

— Мне не хотелось убивать телохранителя, — признался Туризинд. — Наверное, я бы мог сделать это без труда. Но пока я расправлялся бы с охранником, его господин успел бы сбежать. А мне хотелось добраться до самого Легера.

— Ты должен был убить его?

— Нет, вы меня неправильно поняли...

— Я не закончил говорить! Никогда не перебивай тех, от кого зависит твоя жизнь. Неужели тебя этому не учили, Туризинд? Ты меня огорчаешь! Итак, отвечай на мой вопрос: ты должен был убить Легера?

— Нет, господин Рикульф, я собирался ограбить его.

— Почему именно его?

— Я уже отвечал на этот вопрос: потому что господин Легер был весьма богат. Он имел привычку носить при себе большие суммы денег.

— Сто серебряных. Когда ты убил его, при нем было всего сто серебряных монет. Это, по-твоему, много?

— Мне просто не повезло.

Повисла нехорошая пауза. Неожиданно Рикульф закричал:

— Кто тебя нанял?

— Простите, господин Рикульф, я не понял вашего вопроса, — вежливо произнес Туризинд.

— Я спросил, кто нанял тебя. Вопрос очень простой. Ты должен назвать мне имя.

— Я не понимаю.

— Кто-то нанял тебя для того, чтобы ты убил господина Легера. Назови мне имя нанимателя.

— Господин Рикульф, я наемник, солдат, — но не наемный убийца.

— От наемного солдата до наемного убийцы — крошечный шаг. Особенно если припомнить, чем ты и твои дружки занимались после окончания войны.

— Господин Рикульф, я видел, как казнили последнего из моего отряда.

— Да, — небрежно молвил Рикульф, — это я распорядился. Мне хотелось, чтобы ты это увидел.

— Для чего? — осмелился спросить Туризинд.

— Для наглядности.

Опять воцарилось молчание. Туризинд переступил с ноги на ногу, звякнул цепями.

— Не надоело еще? — осведомился Рикульф.

— Мне нечего сказать вашей милости.

— Тебя познакомили с палачом?

— Знакомство наше было кратким и, скажем так, не касалось профессиональных интересов Табрана.

— О, он не пытал тебя? Жаль, — молвил Рикульф. — Впрочем, ситуацию можно исправить. У Табрана нет сердца. Он глух к мольбам о пощаде. Он работает точно и всегда добивается своего. Разумеется, он будет разочарован, когда узнает,

что ты от него ускользнул. Он давно мечтал поработать с настоящим закоренелым убийцей.

— Жаль будет его разочаровывать, — пробормотал Туризинд, совершенно сбитый с толку.

— Я могу устроить это в любой момент, — сказал Рикульф. Голос его по-прежнему звучал бесстрастно. — Итак, назови мне своего нанимателя. Пожалуйста.

— Я... не могу, — выговорил Туризинд, опуская голову.

— Почему?

Туризинд молчал.

— Я спросил — почему, — напомнил Рикульф.

— Я до сих пор не получил с него плату. Если я выдам его имя, то потеряю всякую надежду на деньги. Такое объяснение подходит?

— Нет, потому что оно лживо. Впрочем, — Рикульф равнодушно махнул рукой, — я сделаю вид, будто поверил. Пока. Вернемся к Дарантазию. Мне нужно, чтобы ты отправился туда и сделал там кое-какую работу. Лично для меня, понимаешь? В виде одолжения. Тогда я забуду даже об убийстве господина Легера. Это в моей власти — вспоминать о совершенных убийствах и забывать о них. Тебе все понятно?

— Мне понятно, что в вашей власти, господин Рикульф, закрыть глаза на мое последнее преступление, — сказал Туризинд.

— Мы почти договорились, — в тоне Рикульфа прозвучало удовлетворение. — Меня это радует. А тебя?

— Да, господин Рикульф.

Рикульф неожиданно весьма похоже изобразил голубиное воркованье. Такие звуки раздаются по весне, когда птицы начинают подыскивать себе пару, чтобы свить гнездо.

От неожиданности Туризинд пошатнулся.

Оборвав «голубиную песню», Рикульф осведомился:

— Хочешь сесть? К несчастью, здесь только одно сиденье. Так что придется тебе, дружок, постоять на ногах. В моем присутствии сидеть таким, как ты, не позволено.

Туризинд отмолчался. Ему нужно было понять, чего от него добиваются.

— Я отпущу тебя в Дарантазий, — сказал Рикульф. — Ты поедешь туда скрытно. Желательно, чтобы о тебе и цели твоего путешествия никто не знал.

— Это в моих интересах, — сказал Туризинд.

— Ты опять перебил человека, который держит твою жизнь в своих руках, — укорил его Рикульф. — Никогда больше так не поступай. Советую в последний раз. — И продолжил как ни в чем не бывало: — В Дарантазии ты должен будешь найти для меня одну вещь. Укради ее. Надеюсь, твоих воровских навыков для этого хватит. Принесешь ее сюда, в герцогство. И будешь свободен.

— Один вопрос, — выдержав паузу, произнес Туризинд.

— Спрашивай.

— Откуда ваша милость будет знать, что я не убегу? Ведь когда меня отпустят, я могу попросту свернуть на любую из тысячи дорог и отправиться восвояси...

— Да нет, не можешь, — сказал Рикульф. — Потому что в случае твоего согласия я дам тебе спутника. Хороший человек. Добрый.

И тут тень возле стола зашевелилась. Рядом с силуэтом Рикульфом вырос еще один. Судя по тому, что мог разглядеть в полутьме Туризинд, это новое действующее лицо представляло собой вовсе не нечто незначительное, как почудилось ему в первый миг. Напротив, это был гигант на полголовы выше самого Туризинда, с широчеными плечами. Он был молод и весело ухмылялся. В темноте блестели его белоснежные зубы.

Черные спутанные волосы гиганта падали ему на плечи. На нем была кожаная куртка и кожаные штаны; широкий пояс стягивал его талию. Рукоять большого меча виднелась из-за его плеча. Судя по манере держаться, этот человек вообще не привык расставаться с оружием.

Интересно, кто он такой? Похож на наемника... Однако в мире наемников, где все друг друга знают, этот человек оставался для Туризинда неизвестным.

— Будешь называть его Конан, — сказал Рикульф. В тоне говорящего прозвучала некоторая неуверенность, как будто Рикульф и сам сомневался в том, что незнакомца действительно зовут Конан. — Он пойдет с тобой до Дарантазия. По-

может тебе добыть необходимую вещь. Можешь задавать ему любые вопросы. Он никогда не наговорит лишнего, в нем я уверен. — Он помолчал и добавил: — Как уверен и в том, что от него ты не сбежишь. Понимаешь ли, — Рикульф наклонился и навалился грудью на стол, — поначалу я нанял для этого дела одного только Конана, но затем счастливый случай отдал мне в руки еще одного человека. Человека, которым можно пожертвовать, если придется кем-то жертвовать... Понимаешь меня?

— Разумно, — признал Туризинд.

— Если все сложится благополучно, вы вернетесь оба и получите награду. Если что-то пойдет не так, Конан вернется один. Тебе ясно, почему?

— Да, — сказал Туризинд. — Я пленник.

— Прелестно! — обрадовался Рикульф. — Ты умнее, чем притворялся. Да, Туризинд, ты пленник и будешь подстраховывать моего наемника. А он поступит так, как сочтет нужным. Полагаю, он человек справедливый...

— Один вопрос, — сказал Туризинд.

Рикульф поднял брови:

— Да?

— Если Конан вернется один, он получит все деньги? В таком случае ему было бы выгодней избавиться от меня.

— Нет, — покачал головой Рикульф, — хоть я и уважаю Конана безмерно, хоть и считаю его лучшим, но сумма не будет увеличена, если он вернется один. Здесь все по-честному.

Конан фыркнул в полумраке.

— Понятно, — сказал Туризинд.

— Ты согласен? — уточнил Рикульф.

— Да.

— Поклянись.

— Клянусь моей жизнью и всем, что есть на земле святого! Я согласен отправиться в Дарантазий вместе с этим замечательным Конаном и украсть там для вашей милости некую вещь. Мы украдем ее и доставим в Эброндум. Осталось только выяснить, как эта вещь выглядит и где она может находиться в Дарантазии. Ну, хотя бы приблизительно.

— Когда будем на месте, я объясню, — произнес Конан. Он очевидно намеревался оставить за собой главенствующую роль.

Конан приблизился к Туризинду и, взяв его за руки, одним быстрым резким движением разорвал цепи.

Глава пятая

Дорога на Юваум

транную пару представляли двое спутников, что вышли на рассвете из восточных ворот Эброндума и двинулись по дороге на Юваум, небольшой городок, расположенный на той же реке — Тирсис, но ниже по течению.

Впереди на крупной рыжей кобыле ехал Туризинд: рослый, широкий в кости, с густыми темно-рыжими волосами и блестящими зелеными глазами, особенно заметными на загорелом лице при ярком солнечном свете. Чуть поодаль на крепкой вороной лошадке восседал Конан. Он держался в седле с небрежностью опытного наездника. Туризинд постоянно видел его широкую спину, перечеркнутую широкой, потемневшей от пота перевязью.

Конан был выше Туризинда почти на полголовы и значительно шире в плечах. Судя по одежде, он не мог принадлежать к аристократии. И все же в его манере держаться угадывалась некая

аристократичность. Как будто этот человек был тайным принцем в изгнании или королем в поисках трона, никак не меньше.

Кроме того, Туризинд никак не мог угадать, откуда Конан родом. На аквилонца не похож; синие глаза и черные волосы выдавали в нем горца и северянина. Возможно, он киммериец. «Возможно» — потому что Туризинд прежде никогда не имел дела с уроженцами льдистой Киммерии.

Не исключено, решил для себя Туризинд, что Конан только назвался наемником, дабы сбить с толку своего невольного компаньона, а на самом деле является одним из стражников, что принадлежат к тайной службе герцога. О таковой Туризинд слышал и прежде, а вот теперь судьба привела столкнуться лицом к лицу.

У Туризинда был легкий характер. Он довольно быстро смирился с присутствием нового лица, кем бы это лицо ни являлось. По крайней мере, часть пути они проделают вместе. В любом случае Конан вряд ли будет Туризинду помехой. Напротив, Риккульф твердо обещал, что спутник будет помогать Туризинду.

Что ж, это весьма кстати: несомненно, Конан обладал чудовищной физической силой, что успел продемонстрировать весьма впечатляющим образом — разорвав цепи, сковывающие руки Туризинда.

Туризинд улыбался, подставляя лицо солнцу и жадно вдыхая свежий воздух. Ветер прилетал откуда-то из полей и лугов и приносил с собой

веселые ароматы зрелого лета. Немного же требуется человеку для счастья!

Неожиданно Конан обернулся к Туризинду, прерывая его размышления, и осведомился, ухмыляясь, как будто предвкушал какое-то развлечение:

— Ты бывал в Ювауме?

Туризинд очнулся от своей задумчивости и поглядел на него с неприязнью.

— В мои обязанности входит беседовать с тобой?

Подобное отношение, казалось, ничуть не задело Конана. Он только улыбнулся еще шире. «А он, пожалуй, хорош собой, — подумал Туризинд. — По-своему. Женщины, наверное, без ума от его улыбки. Находят ее доброй и всякое такое. Хотя глаза у него холодные... С таким человеком нужно держаться настороже, вот что», — решил он.

— Ты обязан беседовать со мной, когда я того потребую, — твердо заявил Конан. — Имей в виду: ты нравишься мне не больше, чем я тебе. Моя воля — ты бы уже давно лежал на обочине со свернутой шеей. Но я обязан надзирать за тобой и давать тебе добрые советы. Мне обещали хорошо заплатить за это.

При слове «добрые» лицо Конана исказила угрожающая гримаса.

— В таком случае, я слушаю тебя, — сказал Туризинд.

Конан возразил:

— Нет, это я слушаю тебя. Я задал вопрос: ты бывал в Ювауме?

— Да.

— Превосходно. Это упрощает дело.

— Уточни, пожалуйста. Какое дело?

— В Ювауме у нас с тобой будет одно дельце. Я обдумывал это по дороге и пришел к выводу, что нам неплохо бы обзавестись еще одним человеком. Ну, чтобы было кем жертвовать. Помнишь, Риккульф посоветовал мне при случае отдать тебя на съедение. Чтобы выполнить задание, куда колдуны из Дарантазия будут обглаживать твои косточки.

— Я имею право хотя бы уточнять, задавать наводящие вопросы, просить о более полных указаниях? — осведомился Туризинд. — Умолять о подробностях? Выпрашивать детали? Как велики твои полномочия, Конан?

— Мои полномочия неограничены, а указания ты получишь без всяких просьб, — ухмыльнулся Конан. — Любишь публичные казни? Скоро поглядим еще на одну. Завтра в Ювауме должны казнить одну девку. Да ты и сам увидишь: народ уже начинает стекаться в город. Казнь всегда сопровождается ярмаркой, так что многие туда ринулись в надежде на хорошую поживу. Розничные торговцы, пирожники, проститутки, продавцы всяких снадобий... Разный сброд.

Он помолчал и вдруг ослепительно сверкнул ярко-синими глазами.

— Но нас должна интересовать не ярмарка, а

именно эта девка. Я еще не принял окончательного решения.

— Можешь обсудить со мной, — предложил Туризинд, наполовину забавляясь.

Как всякий наемник, Туризинд привык иметь дело преимущественно с мужчинами и женщинам он не доверял. Изредка он привечал возле себя ту или другую в качестве временной подружки, но и только. Менее всего ему нравились особы, принадлежащие к «прекрасному полу», которые вооружались мечами и требовали, чтобы их воспринимали как «воинов», как «равных прочим» солдат. В отряде у Туризинда таких никогда не водилось. Он на дух их не переносил и изгонял поближе к горизонту, едва только замечал где-нибудь в поле своего зренья.

Поэтому известие о казни какой-то «девки» мало заинтересовало его. Если женщина довела власти до того, что те вознамерились предать ее публичной смерти, значит, она вполне достойна подобной участи. Женщина-преступница — это злостная воровка, подлая убийца, отравительница или колдунья. Все эти категории решительно были противны Туризинду.

Бывший командир наемников скривился.

— Давай оставим эту тему, Конан, — попросил он. — Я никогда не соглашусь с присутствием женщины в отряде. Тем более с такой, которую должны были повесить.

— Э-э... — протянул Конан, внезапно — и весьма неприятно — напомним Туризинду доктора.

После паузы Конан добавил:

— Но я еще не принял решения. А когда решу — ты сделаешь по-моему. Кстати, это не твой отряд, а мой. Хорошо бы ты постарался запомнить это.

— Я никак не могу повлиять на твоё решение? — спросил Туризинд.

— Нет, — отрезал Конан. — Если я сочту девушку полезной, я возьму ее. В МОЙ отряд.

Некоторое время они молчали.

Туризинд постепенно убеждался в том, что Конан был совершенно прав в том, что касалось ярмарки. Дорога наполнялась людьми. Празднично одетые крестьяне, пешком и на телегах, двигались в сторону Юваума. Многие весело переговаривались, перешучивались; девушки кокетничали с мужчинами. Некоторые совершенно явно давали понять, что не прочь провести ночь с новым приятелем.

«Близость смерти всегда возбуждает, — подумал Туризинд. — Когда человек видит, как умирает ему подобный, первое, что ему хочется, — это почувствовать себя живым. Дьявольски живым, до ужаса живым. А лучший способ ощутить себя на этом свете — заняться любовью. Можно даже с первым встречным. Лишь бы тебя ласкали, лишь бы под ладонями было чужое горячее тело, а рядом раздавалось чье-то дыхание... Знаю. Помню. Да, я действительно это помню...»

Он криво улыбнулся воспоминанию. Туризинд любил свои воспоминания, но никогда не

тосковал по ушедшему. Ему было под тридцать, он вошел в лучший возраст для мужчины — и был уверен в том, что впереди у него не меньше прекрасного, чем осталось позади. Особенно если учесть то, каким жестоким было его детство.

До Юваума оставалось совсем немного, когда Конан снова заговорил:

— Это проститутка.

Туризинд в этот самый момент рассматривал очень хорошенькую девушку, которая явно строила глазки рослому всаднику, поэтому при звуке низкого голоса Конана он вздрогнул:

— Что ты сказал?

— Говорю, что это проститутка.

Туризинд еще раз посмотрел на ясно улыбающуюся девушку.

— Нет же, думаю, она простая крестьянка. Очень хорошенькая крестьяночка, которая после десяти лет каторжных трудов и рождения седьмого ребенка превратится в старую страхолюдину, вроде ее мамы... Жаль, конечно, да ничего не поделаешь: такова судьба сословия, рожденно-го ковыряться в грязи.

— Ты меня не слушаешь! — рассердился Конан. — Я говорю о той, которую должны повесить.

— А, — разочарованно протянул Туризинд. — Я-то думал, мы уже закрыли эту тему.

— Мы еще не открывали ее, — возразил Конан. — Я обдумываю.

— Значит, она еще и шлюха... — вздохнул Туризинд. — Неужели мы не можем обойтись без

шлюхи? Я найду тебе десяток в любом трактире. Наверное, ты так страшен и уродлив, что с тобой ни одна не хочет пойти, да? Я буду их уговаривать. Клянусь. Только не надо мне шлюхи в отряде. В *твоем* отряде, — добавил он поспешно и изобразил угодливую улыбку.

— Если ты не замолчишь, — угрожающе начал Конан, но осекся, а потом махнул рукой. — Просто слушай. Рикульф подробно рассказал мне о том, чем она промышляла. Она предлагала мужчинам свое тело. И, поскольку она очень красива, они охотно соглашались покупать ее ласки. Затем их находили раздетыми и ограбленными до нитки где-нибудь за городом, на сеновале, а то и просто на обочине дороги. В их памяти оставались обрывки каких-то дивных картин: сладкие поцелуи, небывалое блаженство... а после полное забвение.

— Обычный трюк, — сказал Туризинд, безглаголиво морщась. — Чем она их опаивала?

— В том-то и дело... При ней не нашли никакого яда. Да и эти мужчины никак не пострадали. За исключением неприятностей, связанных с тем, что их маленькое ночное приключение делалось общим достоянием. Ну и грабеж, конечно. Она обогатилась за их счет весьма значительно. Когда ее взяли, при ней нашли больше тысячи золотых монет. Она держала их в дорожном сундучке.

— А как вышло, что ее схватили? — заинтересовался Туризинд.

Конан покачал головой.

— Хочешь знать? Рикульф лично занялся этим делом. Продолжать?

Туризинд кивнул.

Конан продолжил задумчиво, и в его голосе Туризинд вдруг уловил легкий отзвук восхищения: несомненно, на киммерийца произвела сильное впечатление работа грабительницы. Вероятно, он считает воровку коллегой по ремеслу. Хороший же спутник у Туризинда! Туризинд, по крайней мере, — честный наемник, а вот киммериец...

Ладно. Лучше сперва выяснить все обстоятельства, а уж после принимать решение. Может быть, удастся удрать...

— Когда число ограблений перешло за первый десяток, о ловкой грабительнице стало известно по всему Эброндуму, — рассказывал Конан. — Тогда-то Рикульф и выдвинул свое предположение. Он считал, что воровка пользуется не ядом, а магией. Если бы она покупала одурманивающие составы, она оставляла бы больше следов. Ей потребовался бы сообщник, кто-то, кто разбирается в ядах.

— А если она варила их сама? — спросил Туризинд.

Конан метнул в него иронический взгляд.

— Ты действительно считаешь, что в тайной страже его светлости герцога работают дураки? Или просто хочешь показать мне свою заинтересованность в этом деле?

— Ни то, ни другое, — ответил Туризинд, не смущаясь. — Я всего лишь пытался проявить смекалку.

— Будешь проявлять смекалку тогда, когда я прикажу... Если бы эта девка варила свои снадобы сама, ей понадобилось бы место для адской кухни. Какая-нибудь лачуга с очагом.

— Может быть, она приготавливала их на костре, — вставил Туризинд. — В лесу.

Он прикусил язык, сообразив, что господин Рикульф наверняка изучал и эту возможность.

Конан никак не стал комментировать новое выступление своего спутника. Просто двинул широченным плечом и сказал:

— Рикульф предположил, что означенная особа пользовалась недозволенной магией. Магия не оставляет следов, а действует более эффективно. Отсюда и воспоминания о «неземном блаженстве», которые оставались у всех одураченных. Будь это яд, блаженство не было бы таким «неземным».

— Сдается мне, ты мало знаком с теми эмоциями, которые дарит мужчине женская ласка, — сказал Туризинд.

Конан с презрением ответил:

— А мне сдается, ты вообще не имеешь понятия о том, что такое добровольная женская любовь, потому что всех своих постельных подружек ты покупал на нечистые деньги.

— Ладно, оставим дискуссию о женщинах на потом, — примирительным тоном произнес Туризинд.

Конан умудрился задеть весьма чувствительную струну в сердце своего спутника: Туризинд действительно никогда не знал настоящей любви, хотя случайных возлюбленных у него действительно было много — и большинство из них действительно были шлюхи.

Сам же Конан держался так, словно его тема женской любви вообще не задевала. Ну точно. Он находил себе подружек где угодно и никогда не придавал большого значения их ласкам. Есть — хорошо, нет — можно обойтись. Никакой тоски, никаких поисков, ожидания. Интересно, сколько лет киммерийцу? Чуть больше двадцати?

Хорошо быть юным и мускулистым...

Однако, каким бы молодым ни казался Конан, мыслил он на удивление ясно.

И, как все больше убеждался Туризинд, вполне в состоянии был командовать небольшим отрядом.

Туризинду не хотелось испытывать к Конану какие-либо чувства, кроме отвращения и ненависти, но он поневоле вынужден был признать: киммериец вызывал у него уважение.

— Мне продолжать? — осведомился Конан, ухмыляясь.

Туризинд кивнул.

— Ладно. Рассказываю, что было дальше. Наш смысленный Рикульф направил в Юваум одного из наших стражников. У того имелось при себе защитное заклинание. Естественно, разрешение на это заклинание было получено у его светлости

герцога. Все было надлежащим образом заверено. Бюрократы! Чего ожидать от цивилизованных людей, верно?

Он фыркнул и мотнул черными волосами.

Туризинд не понял, чем была на самом деле эта демонстрация. Не то Конан по-дружески выказывал нелюбовь к любому рода проявлениям цивилизованности — или того, что киммериец считал «цивилизованностью», — то ли просто хотел спровоцировать своего спутника на какое-нибудь нелояльное высказывание. Туризинд решил воздержаться от проявления каких-либо эмоций по этому поводу.

— Законная сторона вопроса интересует меня мало, — вставил Туризинд.

— Я просто уточняю, — сказал Конан, морщась. — Несколько дней наш человек сорил деньгами и вел себя очень глупо, а затем, прогуливаясь по улице поздним вечером, поймал взгляд весьма привлекательной незнакомки. Она манила его к себе пальцем и улыбалась просто восхитительно. Разумеется, он не позволил себе упустить подобный случай и приблизился к ней на расстояние поцелуя.

— Продолжай, — подбодрил рассказчика Туризинд, когда тот сделал небольшую паузу. — Очень занимательно.

— Едва он коснулся губами ее губ, как сразу ощутил воздействие магии. Первое заклинание было очень слабым, просто для того, чтобы мужчина не передумал и, увлеченный незнакомкой,

пошел за нею, как баран на бойню. Для нашего человека вся эта уловка была как на ладони, а злоумышленница даже не заподозрила, что раскрыта. Она повела его за городские ворота. Они вышли в лес незадолго до того, как ворота закрылись на ночь.

Найдя укромное место среди деревьев, она разделась и еще раз поцеловала свою жертву. На сей раз заклинание было чрезвычайно сильным. Тот человек говорит, что даже ощущал покалывание по всей коже.

Смутные образы проносились перед его глазами. Он ясно видел, что женщина сидит перед ним на траве, скрестив ноги. Сидит совершенно обнаженная, и просто смотрит. Даже руками не двигает. А между тем в голове у него рисовались совершенно другие картины. Как будто она ласкает его, все более бурно и страстно, как будто она отдается ему и кричит в экстазе. И его тело охватывает то самое неземное блаженство, о котором твердили все прочие. Он едва не потерял сознание. Тем временем она пристально наблюдала за ним. Он понял, что нужно притвориться, и застонал сквозь зубы.

— Я слышал о том, что женщины иногда изображают страсть, которой не испытывают, — сказал Туризинд. — Так поступают неверные жены и коварные любовницы, а мне об этом рассказывали шлюхи. Хвастались, что мужчины-де никогда не могут разобрать, действительно ли они довели женщину до исступления или же она прикидыва-

ется. Но чтобы мужчина имитировал блаженство — о таком я слышу впервые.

— Весьма непристойная история, — осклабился Конан. — Впрочем, ты не девственница, чтобы краснеть, выслушивая такие подробности. Поправь меня, если я ошибаюсь.

— Я и не краснею, — возразил Туризинд, чувствуя, однако, что краска заливает его лицо.

Конан оглушительно захохотал:

— Я всегда знал, что настоящие убийцы отличаются редкостным ханжеством, но вижу такое впервые. Итак, продолжаю. Когда девка вообразила, что мужчина одурачен ею вполне и теперь уже ничего не понимает из происходящего, она преспокойно наклонилась над ним и стала вытряхивать из его карманов содержимое. Она срезала с его пояса кошель, сдернула с пальцев перстни, пошарила у него за пазухой... И тут он открыл глаза и схватил ее за руку. И совершенно твердым голосом произнес: «Ты арестована». Ха-ха, воображаю, какое у нее сделалось личико! Она, думаю, едва не описалась от ужаса.

Туризинд удивленно посмотрел на рассказчика. Он и не подозревал, что Конан способен на подобные проявления чувств. И тем не менее тот откровенно злорадствовал. «Наверное, ему доставалось от женщин, — подумал Туризинд. — Здорово же они его обижали, если его так радует позор одной из них».

Впрочем, у самого Туризинда воровка не вызвала больших симпатий. Пару раз его тоже об-

чищали проститутки. Правда, он тогда был не околдован, а просто-напросто сильно пьян. Но все равно он помнил острое унижение, которое ощущал, проснувшись наутро с головной болью и пустым кошельком, а то и вовсе без кошелька.

— Он схватил ее, как была, голую, и, не позволив ей даже набросить на плечи плащ, потащил в город. Стража у ворот пришла в неописуемый восторг, когда заметила эту парочку. Стражник показал бумаги от герцога, так что его вместе с арестованной впустили внутрь. Опасаясь, как бы она не применила свои чары и не спаслась, человек герцога повесил ей на шею свой амулет — тот самый, что разрушил ее волшебство. Когда она почувствовала прикосновение амулета к своей голой коже, она завизжала. Она корчилась от боли и орала, как сумасшедшая, так что в конце концов стражники завязали ей рот и набросили ей на лицо мешок из дерюги. Но одеться ей так и не позволили.

— Давно это произошло? — спросил Туризинд.

— Ее схватили почти одновременно с тобой, — ответил Конан, осклабясь.

Это сближение почему-то сильно не понравилось Туризинду. Как будто одновременный арест — хотя и в разных городах — устанавливал какую-то странную связь между проституткой-воровкой и бывшим капитаном наемников, убийцей господина Легера.

С точки зрения Туризинда, убивать — занятие почтенное, а морочить людям голову и красть у

них деньги — весьма и весьма непочтенное. А Конан, кажется, считал Туризинда и эту девку ягодами одного поля.

Непонятно зачем, Туризинду захотелось разубедить своего спутника. Но он не знал, как это сделать.

Конан видел, что его спутник втайне злится и с трудом сдерживает ярость. Видимо, поэтому киммериец и ухмылялся во весь рот.

— Ну вот, кончилось тем, что нашу красавицу, как была, с кляпом во рту, с мешком на голове и амулетом на шее, выставили у позорного столба. Ее приводили туда утром под усиленной охраной и приковывали. Весь день горожане — и все желающие — могли любоваться ее телом. Женщины бросали в нее грязью, дети глупо хихикали, мужчины же, как мне передавали, старались не подходить близко. Потом это всем надоело, и на нее перестали обращать внимание.

— Если она успела всем надоесть, то почему же столько народу валит поглазеть на казнь? — спросил Туризинд. — Что они, не видели, как людей вешают?

— Ну, это же простой расчет, как это называется у цивилизованных людей, — протянул Конан. — Городские власти Юваума не вчера родились. Они знают, как привлечь народ на ярмарку. Ведь все доходы от этого ареста и казни идут в городскую казну. Сам подумай. Сперва все валом валяли полюбоваться на тело знаменитой шлюхи, которая так бесцеремонно грабила мужчин. А те-

перь, когда ее тело перестало быть новостью, отцы Юваума решили продать то, что приберегали напоследок: ее лицо. Лица-то нашей красавицы никто прежде не видел!

— Ловко, — восхитился Туризинд. — Стало быть, они продают ее по частям.

— Да, — жестко подтвердил Конан. Его хорошее настроение куда-то улетучилось.

— Тебе ее жаль? — поразился Туризинд.

— Ни в малейшей степени, — отрезал Конан.

Туризинд подумал, покопался в своей очерстевшей душе и не без раскаяния обнаружил полное отсутствие сострадания. В этом они с Конаном были на диво похожи, и Туризинду почему-то сделанное открытие было неприятно.

— Стало быть, мы зайдем в Юваум — посмотреть на лицо и тело преступницы, а заодно насладиться ее казнью? — уточнил Туризинд. — Ну и прикупим сладостей на ярмарке, чтобы не так скучно было. Я правильно тебя понял?

— Возможно, эта женщина была бы нам полезна, — сказал со вздохом Конан. — Рикульф советовал присмотреться к ней...

— Полезна, как ядовитая змея, — сказал Туризинд. — Но змею можно по крайней мере посадить в мешок, а куда ты денешь шлюху с ее магией? Она обворует нас в любой момент — и была такова.

— Для начала нужно подумать о том, как спасти ее от смерти, — сказал Конан.

* * *

Юваум вскорости показался из-за холма: это был небольшой нарядный городок, разубранный в честь праздника флагами. Люди непрерывным потоком вливались в широко открытые ворота.

— Ворот двое, — сказал Конан, обращаясь к Туризинду. — На западе и на востоке. Впрочем, если ты бывал здесь, то знаешь.

— Я бывал здесь, но не помню... — Туризинд вздохнул. — В те времена меня совершенно не интересовали ворота Юваума. Я был здесь с большой армией. Мы набирали добровольцев.

Конан сморщил нос.

— Ненавижу наемную сволочь, так что избавь меня от подробностей.

— Да ладно, — примирительно махнул Туризинд. — Нам ведь с тобой еще столько дел предстоит совершить! Давай будем друзьями.

— Мы прекрасно можем совершать дела, и не будучи друзьями, — возразил Конан, как будто совершенно не уловив иронию в тоне Туризинда. — Да будет тебе известно, лучше всего мне работалось с людьми, которых я терпеть не мог.

— У тебя извращенный взгляд на жизнь.

Конан пропустил это замечание мимо ушей.

Они въехали в город и двинулись, прокладывая себе дорогу сквозь толпу, к площади. Лошади шли шагом, беспокойно поводя ушами.

Конан сказал:

— Оставь лошадь на попечение какого-нибудь местного ребенка. Дай ему монетку и пусть поддержит твоего коня. Постарайся, чтобы это было шагах в десяти от помоста, не дальше. Я буду ждать здесь. — Он прищурился, оценивая расстояние. — Шагов тридцать. Неплохо. Когда ее выведут, пробейся к самому помосту. С твоим ростом это будет не очень трудно. Дождись, чтобы ее вздернули. Ты хорошо умеешь метать ножи? Перебей веревку и хватай тело. Тебе нужно будет добраться до лошади, а дальше скачи ко мне — дави людей, если понадобится. Ты понял?

— Понял почти все, — сказал Туризинд. — Осталось неясным последнее: для чего нам эта гадюка?

— Я принял решение, — ответил Конан не без высокомерия. — Ты не обязан понимать все. Освобождаю тебя от тягостной обязанности думать.

— Ну хорошо, — продолжал упираться Туризинд, — а если нас схватят?

— Если такое случится, нас все равно не повесят сразу. У них только одна веревка заготовлена, — успокоил его Конан. В синих глазах киммерийца появилась насмешка. — Да и ту ты перережешь. Так что нас потащат к начальнику стражи. А там я сумею уговорить его. Хотя было бы лучше, чтобы все произошло именно так, как я сказал: отчаянная вылазка, чудесное освобождение и всеобщая паника. Тогда девица будет нам доверять. Да и страже в Ювауме совершенно незачем знать о том, что столица затевает ка-

кую-то авантюру, для которой требуются люди с... э... нестандартными способностями.

Было очевидно, что выражение «нестандартные способности» он выучил совсем недавно и втайне порадовался тому, что ловко ввернул новое слово.

— Тайная стража герцога хочет воспользоваться запрещенной магией и для этого затевает освобождение осужденной преступницы? — Туризинд, казалось, не верил собственным ушам.

— Я же говорил, что все убийцы и наемники в душе ханжи хуже любой старой девы, — фыркнул Конан с презрением. — Не притворяйся, будто ты никогда не применял недостойные средства! Разве тебе не доводилось пытаться пленных или пользоваться услугами перебежчиков? По-твоему, герцогская тайная стража должна блюсти себя, как девственница знатного рода перед свадьбой? Ничего подобного! Наше дело — достаточно грязное для того, чтобы... — Он оборвал сам себя. — Ты меня понял, и я не желаю больше тратить слов на очевидное. Сделай, как я приказал, и постарайся не допускать ошибок.

Площадь была полна народу. Прямо в ухо Туризинду вопила какая-то лоточница: «Купите ленты! Ленты, ленты!» Рядом надрывался басистый молодец: «Пирожки, сладкие пирожные! Пирожки, сладкие пирожные!» Его перекрикивали продавцы маринованных рыбок, деревянных игрушек, тряпичных кукол, разноцветных платков, костяных резных пуговиц... Все это кишело и

бурлило. Несколько раз Туризинд ловил на себе призывные взгляды женщин, но он отворачивался: они вызывали у него неприязнь.

Никто, казалось, даже не вспоминал о преступнице. Все спешили, всем хотелось успеть как можно больше прежде, чем казнь свершится, и праздник закончится.

Конан, верхом на вороной лошадке, остался на углу площади и небольшого переулка, достаточно узкого, чтобы преследователи, когда они погонятся за беглецами, не могли хлынуть толпой и вынуждены были бы растянуться цепью шириной не более трех человек.

А с тремя разом могучий киммериец справится без труда.

Туризинд, повинуясь приказу своего компаньона, протискивался ближе к помосту. Осужденную еще не вывели, толпа гудела и колыхалась. Шагах в семи от высокого деревянного настила Туризинд остановился и, приметив в толпе белоголового мальчика, поманил его к себе серебряной монеткой.

Ребенок сперва не поверил собственному счастью, затем указал на себя пальцем и скорчил вопросительную рожицу.

— Да, да, — кивнул ему Туризинд.

Оставив отца, который крепко держал его за руку, мальчик пробрался к щедрому господину.

— Последи за моей лошадкой, — сказал ему Туризинд. — Я хочу подойти еще ближе, а на коне не подберешься.

— Да ведь и отсюда хорошо видеть, — отозвался мальчик.

— Я хочу не только видеть, но и чувствовать запах, — сказал Туризинд. — Ты еще маленький и не понимаешь таких вещей, так что лучше не спрашивай.

— Ну, — протянул мальчик, — за серебряную монетку я могу ни о чем не спрашивать, ведь так? Мой отец так говорит. Он трактирщик.

— Для чего он взял тебя с собой? — не удержался от вопроса Туризинд.

— Как — для чего? — удивился мальчик. — Для назидания. Тут много детей. Мы должны знать, к чему приводит знакомство с дурными женщинами.

— Если твой отец трактирщик, то у него в заведении бывают... разные женщины, — сказал Туризинд.

Мальчик засмеялся.

— Те, что у моего отца, — честные. У нас никогда не обкрадывают, так что ежели вы хотите задержаться в Ювауме, милости просим. Правда, все комнаты у нас сейчас заняты, да я шепну отцу словечко — и комнатка найдется. Идет?

— Идет, — кивнул Туризинд. — Хочешь посидеть на моей лошади? Сверху-то лучше видно.

Он посадил мальчика в седло и добавил:

— Только будь осторожен, не делай резких движений и не кричи. Просто подожди меня здесь.

— Ладно.

Туризинд еще раз махнул монеткой.

— Дам, когда вернусь.

— Ладно, — повторил мальчик.

Яростно расталкивая толпу локтями и не обращая ни малейшего внимания на негодующие крики, Туризинд двинулся к самому помосту. На поясе он нащупывал кинжал.

Вдруг по толпе пронесся общий вздох. Туризинд скорее уловил его, чем услышал. Волнение всколыхнуло естество каждого из присутствующих, и это утробное чувство передавалось минуя разум.

На помост вывели осужденную.

Это была невысокая женщина с гибким, миниатюрным телом гимнастки. Как и рассказывал Конан, она была совершенно обнаженной, если не считать небольшого коричневого камушка, висевшего на веревке у нее между маленьких грудей и холщового мешка на голове. Ее руки были связаны за спиной. Она шла одна, уверенно ступая по мостовой, в коридоре, который для нее расчистили вооруженные стражники.

Туризинд отметил: стража стояла только на пути от здания ратуши, где содержалась перед казнью пленница, до помоста. Еще трое находились на самом помосте. Было совершенно очевидно, что в Ювауме опасались не столько возможных сообщников преступницы, сколько общих беспорядков. Опасность грозила именно пленнице, поскольку в толпе имелось немало желающих расправиться с нею самолично. Власти Юваума

даже предположить не могли, что найдутся люди, которым захочется вырвать коварную колдунью из рук правосудия.

«Отлично, — подумал Туризинд. — Люблю удивлять добропорядочных граждан».

Когда женщина добралась до помоста, она остановилась, и одни из стражников помог ей подняться по ступенькам. Туризинд сделал еще несколько шагов к своей цели, пока толпа взволнованно колыхалась.

Наступал решающий миг. Палач, высокий человек в красном плаще с капюшоном, приблизился к женщине и сорвал холщовый мешок с ее головы. Громкий вздох, гораздо более прочувствованный, нежели первый, раскатился над площадью. Туризинд прикусил губу, не в силах сдерживать возбуждение.

Женщина оказалась прекрасной. На вид ей было меньше двадцати. Весь ее облик дышал поразительной юной свежестью, которой не повредило ни долгое пребывание в заключении, ни допросы, ни унижения, которым ее подвергали на протяжении целого месяца. Вьющиеся черные волосы свободно падали на ее прямые крепкие плечи, синие глаза лучились удивительно ясным светом.

Медленно она обвела взглядом толпу, мимолетно скользнула глазами по Туризинду. Это длилось лишь миг — но и единого мига хватило, чтобы ему показалось, будто ее взор предназначен только для него.

«Чары, — подумал он. — Она пользуется своей магией для того, чтобы очаровывать мужчин, а потом поступать с ними подло».

Но тут же вспомнил о камне, который так и оставался на шее преступницы. Если чары и существовали, то их должен подавлять амулет, который повесили женщине на шею при аресте.

Нет, магия здесь ни при чем. Просто она — красавица, вот и все. И к тому же с сильным характером.

Только сейчас, когда оглашали приговор, Туризинд узнал ее имя. Дертоса. Сначала оно резануло слух, потому что звучало слишком странно — по-иноземному, — но почти сразу вслед за тем Туризинд уловил в нем особенную сладкую музыку.

Он подумал: «Конан — точнее, Рикульф, — прав. Она слишком хороша для того, чтобы умереть так скоро и так бесславно».

Его охватило волнение, сладко заныло под сердцем.

Жизнь этой прекрасной женщины была теперь в его руках. Если он допустит, чтобы ее казнили, — она умрет. Но если он попытается спасти ее, она останется жить. Пусть даже стражники схватят их во время бегства — Конан обещал устроить так, что они вывернутся из любой ситуации. Операция будет провалена, но Дертоса все же не погибнет.

Ему хотелось, чтобы она знала об этом. Знала сейчас, когда еще ничего не случилось. Чтобы

она предвкушала свое спасение и хотя бы единым взглядом попросила Туризинда не медлить.

Но она больше не смотрела на него. Ее голубые глаза устремились на человека, зачитывающего приговор. На чиновника городской магистратуры, облаченного в яркие геральдические одежды.

Скучный сухой голос неприятно контрастировал с праздничным одеянием герольда, когда он бубнил, уткнувшись в широкий, украшенный десятком свисающих печатей, лист:

— Означенная Дертоса... уличенная в использовании недозволенной магии... выдавая себя за уличную женщину... общая сумма награбленного...

Затем он повысил голос и с усилием выкрикнул:

— ПРИГОВАРИВАЕТСЯ!!! К десяти ударам кнутом по телу, а затем к публичной смертной казни через повешение...

В толпе утробно застонали. Зрелище обещало быть интереснее, чем предполагалось изначально. Смерть растягивалась во времени.

Дертоса побледнела и вздрогнула всем телом. Очевидно, известие о публичной порке оказалось новостью и для нее. Туризинд увидел, как исказились отчаянием ее прекрасные черты. Ей потребовалось время, чтобы взять себя в руки.

Чиновник магистратуры свернул лист с приговором и вручил его палачу. Палач торжественно вознес свиток над головой, тряхнул им, так

что все печати застучали, точно кастаньеты, а затем сунул себе за пояс.

Чиновник не без облегчения покинул помост. Так. Теперь там остались трое стражников и палач.

Туризинд протиснулся еще на один шаг. В такой давке ему с трудом удалось поднять руку и взяться за рукоять кинжала, торчащего за поясом. Все. Теперь он почти готов к решительным действиям.

Тем временем палач взял Дертосу за плечо и подвел к столбу с перекладиной. Она медленно подняла голову, глянула на веревку, болтающуюся наверху.

Палач почти нежно подтолкнул ее к вертикальной балке, помог ей встать и, надавив ей на спину широкой ладонью, прижал ее к столбу. Ее руки по-прежнему были связаны за спиной. Палач быстро набросил ремень ей на шею и затянул, привязав женщину к столбу. Затем таким же ремнем он привязал ее за талию. Осторожно провел кончиками пальцев по обнаженной коже.

Туризинда поразило это прикосновение. В нем не было ничего оскорбительного для жертвы, напротив — палач держался с почеркнутым уважением. Все, что он делал, было профессионально.

Толпа возбуждалась все больше. Внезапно Туризинду пришло в голову, что и палач, и его жертва — оба великолепные артисты. Их хлеб — развлекать публику. Вероятно, Дертоса, прежде чем заняться грабежами, была гимнасткой или танцовщицей.

Палач вытащил из-за пояса кнут и развернул его. Несколько раз щелкнул в воздухе — хлопок получился звонкий, веселый. А затем, повернувшись к женщине, нанес ей первый удар. На молочно-белой коже появилась красная полоса.

И снова несколько щелчков в воздухе — и новый удар. Вторая полоса. На сей раз Дертоса застонала.

Туризинд почувствовал, что больше не выдержит этого. А палач, ни разу не улыбнувшись под капюшоном, продолжал свой безупречный спектакль. Он расхаживал по помосту, демонстрируя кнут всем собравшимся. Гибкий конец кнута то выписывал замысловатые фигуры над головой палача, то змеился у него под ногами. И всякий раз новый удар жертве он наносил неожиданно — и для нее самой, и для толпы зрителей.

Туризинд считал полосы, появляющиеся на спине Дертосы. Они как будто вырастали сами собой: седьмая, восьмая... Безупречно ровные, они ложились одна под другой: даже расстояние между ними было приблизительно одинаковое.

Женщина уже не стыдясь кричала, а в промежутках между ударами хрипло, с рыданием вдыхала воздух. Над ухом у Туризинда кто-то сладострастно сопел. Туризинду хотелось бы отодвинуться, но такой возможности в плотной толпе у него не было.

По ногам Дертосы струилась кровь: два последних удара оказались самыми сильными, они рассекли кожу почти до кости. Туризинд не со-

мневался, что палач сделал это нарочно: жертва не должна была привыкать к боли, которая возрастала с каждым новым ударом.

Когда экзекуция закончилась, Туризинд резко выдохнул. Он понял вдруг, что с какого-то момента затаил дыхание и напрягся всем телом. Рядом с ним хрипло переводил дыхание какой-то толстяк.

Палач отвязал Дертосу и взял ее за плечи, развернув лицом к толпе. Зрители разразились криками. Женщина искусала себе губы в кровь, ее веки распухли от слез, на скулах горели красные пятна нездорового румянца.

Палач бесстрастно высился над своей жертвой. Несколько минут публика бушевала, любясь страданиями той, что издевалась над слабостями здешних мужчинам. Особенно неистовствовали в толпе почтенные горожанки.

Действуя ловко, как эквилибрист, палач повернул свою «подопечную» в другую сторону, затем в третью... Каждое их движение на помосте вызывало новый взрыв восторженных и гневных воплей. Затем он обнял ее и почти танцевальным шагом повел к петле.

Дертоса несколько раз споткнулась. Она все еще пыталась держаться с достоинством, хотя видно было, что палач почти совершенно сломил ее волю.

«Что ж, — подумал Туризинд, — возможно, это мне только на руку. Нет хуже, чем спасать кого-то, у кого имеется собственное мнение. Луч-

ше уж пусть будет безвольной. А еще лучше — пусть потеряет сознание. Впрочем, здешний палач слишком хорош — у него жертва никогда не потеряет сознание...»

Дертоса оказалась слишком маленького роста. Даже встав на специальные деревянные козлы, она не дотягивалась до петли. Палач помог ей приподняться на цыпочки. Мгновение она балансировала на кончиках пальцев, как заправская танцовщица. Грубая петля резко выделялась на ее белой шее.

Затем одним быстрым движением палач выбил опору у нее из-под ног.

Пора!

Туризинд выхватил из-за пояса кинжал и метнул его, целясь в натянувшуюся веревку. С громким хлопком веревка оборвалась, женщина повалилась на помост. Палач резко обернулся.

Туризинд уже вскочил на помост, радуясь тому, что долгое заключение никак не повлияло на силу и гибкость его мышц. Второй кинжал полетел в ближайшего из стражников, третьим Туризинд угрожал палачу.

Палач чуть отступил назад. «Неужели он посвящен в замысел? — подумал Туризинд, не веря увиденному: под красным палаческим капюшоном появилась легкая улыбка. — Ну я и болван! Должен был догадаться. Откуда бы в Ювауме взяться такому великолепному мастеру? Наверняка его прислали из столицы... Разумеется, он все знает. Тем лучше — не придется его увечить».

Все эти мысли вихрем пронесли в голове у Туризинда, когда он хватал бесчувственное тело женщины и прыгивал вместе с нею с помоста. С другой стороны помоста началось кипение: стражники, охранявшие проход от ратуши до места казни, пытались пробиться сквозь толпу к преступнику.

До Туризинда доносились громкие проклятия и крики боли. Вероятно, стражники пустили в ход копья и алебарды. Однако при всем желании люди попросту не могли расступиться. Возникла страшная давка.

Туризинду оставалось до цели десять шагов.

Он нашел взглядом свою рыжую лошадь и мальчика, сидевшего на ней.

Десять шагов. Но сделать их казалось делом невозможным. И тогда Туризинд громко свистнул, подзывая к себе лошадь.

Конан говорил, что эта животиная привыкла идти на свист. И точно: заслышав знакомый звук, лошадь вскинула голову и тонко заржала, а затем двинулась вперед, не обращая внимания на людей, которые падали, отталкиваемые широкой мощной грудью животного.

Мальчик кричал, сжимал коленями бока лошади — все тщетно. Она взвилась на дыбы. Мальчик чудом удержался в седле. Туризинд рванулся навстречу спасению. Одним быстрым движением он забросил женщину поперек седла. Мальчик закричал и начал отталкивать ее обеими руками, норовя сбросить.

Какой-то горожанин повис на плечах Туризинда и заорал ему в ухо, обдавая Туризинда чесночной вонью:

— Куда-а? Ты что удума-ал?!

Мальчик визжал, не умолкая.

Туризинд схватил мальчишку поперек живота и стащил с седла.

— Где твой отец?

— А-а-а... — заливался ребенок.

— Ты еще и ребенка!.. — надрывался воняющий чесноком горожанин.

Туризинда осенило.

— Это сын трактирщика, — крикнул он возмущенному человеку. — Спаси его в давке — и у тебя будет кредит. Точно? — Туризинд подтолкнул мальчишку в бок. Тот не слышал и продолжал надрываться воплем.

— Да я без всякого кредита!.. — кипятился горожанин. — Ты что удумал? Не пущу!

Вместо ответа Туризинд взгромоздил брыкающегося мальчика на крепкие плечи горожанина и поддал ему ладонью.

— Иди, иди.

Он вскочил в седло, придерживая женщину рукой.

Та глухо застонала, но явно еще не пришла в себя. Веревка болталась у нее на шее.

«Нехорошо — может зацепиться», — подумал Туризинд. Он схватил Дертосу за волосы и заставил ее сесть впереди себя. Она тяжело навалилась на него всем телом.

Лошадь плясала и брыкалась, не позволяя подходить к себе. Люди шарахались, чтобы случайно не попасть под копыта. Не обращая внимания на крики боли и возмущения, Туризинд погнал лошадь к переулку.

Конан молча смотрел на происходящее.

Он понимал, что Туризинд делает все, что может, но все равно оставался недоволен. Слишком уж много промедлений. Еще несколько минут — и стражники пробьются к беглецам, и тогда вся затея пойдет насмарку.

Туризинд вырвался из толпы, когда один из стражников уже поднял копьё, намереваясь метнуть его в рыжую лошадь.

Копьё пролетело мимо цели и влетело в открытое окно, откуда тотчас донеслись оглушительные крики: стражник не то ранил кого-то из любопытных горожан, не то просто смертельно напугал их. Этого Туризинд так никогда и не выяснил.

Конан развернул черного коня и погнал его по переулку. Туризинд со своей добычей скакал следом.

За ними по пятам бежали люди.

Конан молча мчался в сторону восточных ворот. Там еще ничего не знали о случившемся на площади. Восточные ворота далеко от ратуши. Там наверняка даже шума не слышали. А если что-то и доносилось, то стражники наверняка отнесли это на счет общего ликования при виде свершившейся казни.

За пределами площади улицы были совершенно пустынными. Это и не удивительно: весь Юваум, все торговцы и крестьяне из окрестных деревень собрались возле ратуши. Контраст между кишачей людьми площадью и этими гулками, безжизненными улицами показался Туризинду почти болезненным.

Стук копыт громко отдавался эхом от стен. Дома, раскрашенные в разные цвета, мелькали так быстро, что в глазах рябило. Конан, несомненно, хорошо знал дорогу к воротам. Будь Туризинд один — он непременно заплутал бы в этом лабиринте. Конан же ухитрялся выбирать те улицы, где мог проехать всадник.

Здесь наверняка имелись и такие переулки, по которым люди протискивались боком. Юваум — очень древний и очень маленький город. Здесь дорожили каждой пядью земли, потому что герцог запретил возводить вокруг Юваума вторую стену, а жить вне защиты городских стен люди не решались.

Пленница вдруг застонала и начала вырываться. Не имея времени ничего ей объяснить, Туризинд просто ударил ее кулаком в висок, и она снова обмякла.

Прикосновение обнаженного женского тела не вызывало у Туризинда совершенно никаких эмоций. У него не было даже мгновения свободного, чтобы осознать это обстоятельство.

Они летели стрелой.

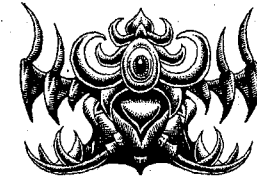
Вдруг Конан обернулся и крикнул:

— Ворота! Не сбавляй хода!

Друг за другом, пригибаясь к гриве коней, они выскочили из ворот. Почти сразу же беглецы услышали, как громко, разногласно бранятся стражники. Застучали копыта: они спешно седлали коней и снаряжали погоню. Гул толпы настиг их, как морской прибой.

Всадники, как сумасшедшие, мчались по дороге на восток.

Глава шестая

Дрогонские болота

огда дорога сделала очередной поворот, Конан неожиданно остановил коня.

Туризинд со своей ношей подъехал к нему.

— Почему ты остановился?

— Нет смысла загонять лошадей, — спокойно отозвался Конан. — Нужно передохнуть.

— О чем ты говоришь? Нас вот-вот настигнут.

— Нет, если мы спрячемся. К тому же ты не можешь постоянно бить эту девушку по голове — от подобного обращения она может утратить остаток своего и без того скудного рассудка.

Конан развернул коня и направился прямо в лес.

Туризинд догнал его.

— Куда ты? Здесь начинаются болота.

Конан обернулся к своему спутнику и смерил его насмешливым взглядом.

— Вот именно. Чудесные Дрогонские топи. У места слияния Тирсиса и Коротас они тянутся на

несколько миль. Ни один человек, если только он в здравом уме, сюда не сунется. Так что стражники сочтут нас погибшими.

— Ты знаешь дорогу?

— Возможно, нам повезет, — фыркнул Конан. — Впрочем, кто знает? Судьба чрезвычайно переменчива. Ты знаешь каких-нибудь сговорчивых богов, которые согласились бы помочь трем беглецам, не имеющим ни стыда ни совести? К несчастью, тот бог, который приветствовал меня при рождении, не интересуется людскими делами.

Подобный ответ ни в малейшей степени не устроил Туризинда, однако другого от своего товарища по путешествию он так и не дождался. Пришлось довериться его чутью и опыту, да еще положиться на удачу.

Боги, которых почитал наемник, вряд ли могли считаться «сговорчивыми». В минуты опасности он вспоминал богинь-сестер Бадб и Морриган, которые в облике воронов кружились над полем битвы. Богини ярости и смерти. Вряд ли имеет смысл молить их о помощи в трудную минуту. Они бы предпочли увидеть, как весь маленький отряд, — отряд Конана, если угодно, — вступит в неравный свирепый бой и героически погибнет, напивав своей кровью сырые болотные земли.

Несколько минут лес оставался сухим, затем под копытами лошадей начало хлюпать. Скоро путники увидели ручей, называемый Дрогон. Как и Тирсис, Дрогон впадал в Коротас.

Точнее, терялся в необъятном болоте. Его воды, несомненно, питали широкий пограничный поток, реку Коротас, которая отделяла Аргос от Зингары.

Чуть севернее отсюда, там, где проходила дорога, через Дрогон был построен мост, но дальше ручей разливался и почти совершенно исчезала в трясине. Поэтому, кстати, и дорога здесь делала большую петлю к северу.

Растительность сразу изменилась. Вместо высоких стройных деревьев здесь появились какие-то чахлые искривленные стволы, почти без листьев. Зато трава сделалась густой и пышной, она достигала лошадям почти до колен, а иногда даже щекотала им брюхо.

Конан уверенно направлял коня по одной ему ведомой тропинке. Туризинд следовал за ним шаг в шаг. В какой-то миг Туризинд огляделся по сторонам, и внутри у него все застыло от ужаса: куда ни бросишь взгляд, везде смертоносные топи. Среди блестящих луж, в которых отражались неправдоподобно яркие синие клочки неба, росли густые желтые пучки травы. Камышины торчали, как копья, брошенные бойцами и забытые на поле битвы. Ветер слегка колыхал их, и они издавали тихий стук, соприкасаясь между собой упругими стеблями.

В бездонной бездне, под таинственным сплетением корней, в самом чреве болота зарождались пузыри. Медленно всплывали они к поверхности и вздувались, позволяя солнцу скользить

по их гладкой поверхностью радужными лучами. Затем с тихим звоном они лопались, и по разорванному в клочья небу разбегались крохотные волны, все дальше и дальше, так что вся верхняя часть болота покрывалась рябью.

Туризинд и думать забыл о погоне. Вот уж воистину, Конан был прав: ни один человек в здравом уме сюда не сунется.

Внезапно Туризинда посетило странное ощущение. Ему показалось, что когда-то он уже побывал здесь. В самом сердце Дрогонских топей. Это было очень давно — если только память не решилась сыграть с ним злую шутку и не поддавалась на ложное воспоминание.

...Мальчик-бродяжка, заблудившийся в лесу. В темноте он брел, не разбирая дороги, а затем заснул на сухой кочке. Утром, при пробуждении, он увидел эту самую картину: бескрайние просторы, залитые водой. Как ни мал был ребенок, он сразу же догадался о том, что находится в смертельной опасности.

Болото, как и ядовитая змея, предупреждало о своих намерениях — убить, поглотить, — чрезмерно яркой окраской. Слишком желтая трава, слишком белые цветы, чересчур синее небо, отраженное в лужах. Мальчик шел по собственным следам, тщательнейшим образом выбирая дорогу. Он очутился на дороге только через два дня после того, как пришел в себя на болоте.

Было это или не было? Или Туризинд побывал на другом болоте, похожем на Дрогонское?

Не одно же, в конце концов, болото в мире существует... А может быть, эти воспоминания принадлежат колдунье? Туризинд взял женщину за спутанные потные волосы, оттянул ее голову, заглянул ей в лицо. Глаза под веками беспокойно шевелились. Что ей снится? На что еще способна колдунья?

— Мы на месте, — раздался голос Конан.

Туризинд остановил коня.

Они стояли посреди круглой сухой полянки. Здесь можно было развести костер и провести какое-то время, которое понадобится им для того, чтобы Дертоса пришла в себя и кое о чем им рассказала. Да и Конану не помешало бы объяснить. Ведь Туризинд знал только конечную цель пути — Дарантазий; он не имел представления ни о предмете, который им надлежит добыть, ни о цели этого опасного предприятия.

И если Конан не хочет в одно прекрасное утро проснуться с кинжалом в горле, то рано или поздно ему придется подробно растолковать своему спутнику — чего добывается от них тайный совет герцога.

* * *

Когда Дертоса открыла глаза, первым, что она увидела, был костер. Оранжевое пламя весело подпрыгивало на поленьях. Две темных тени виднелись по другую сторону костра. Поблизости мирно фыркали лошади.

Стояла тишина, от которой ломило в ушах. Не было ни города, ни бурлящей толпы, ни солнечного света. Полумрак сумерек успокаивал.

Дертоса пошевелилась, попробовала сесть. У нее болела спина и раскалывалась голова.

Она позвала тех двоих, которых заметила возле костра:

— Дайте мне воды...

Один из них тотчас приблизился и уселся рядом с нею на корточках. Она с интересом взглянула на него: широкоплечий, с черной гривой спутанных волос, молодой. Пожалуй, красивый... если варвара можно считать красивым. На загорелом лице ярко блеснули зубы — человек улыбнулся.

— Хочешь пить?

Судя по голосу, настроение у него было хорошее.

Дертоса прошептала:

— Да.

— Не вставай.

Он подал ей флягу.

Она сделала несколько жадных глотков, опять улеглась. Провела ладонью по своему обнаженному телу.

— Об этом мы не позаботились, — признал Конан, улыбаясь еще шире. Казалось, ситуация его, скорее, забавляет, нежели озадачивает. — Я отдам тебе мою рубаху, а Туризинд — свой плащ. Позднее что-нибудь найдем тебе из одежды.

Она просто сказала:

— Спасибо.

И закрыла глаза. Конан наклонился над женщиной и прислушался к ее ровному дыханию. Она спала.

* * *

Под утро Дертоса начала бредить и разбудила Туризинда. Он сел в сумерках и, прислушиваясь к тихому, сбивчивому голосу женщины, долго не мог заснуть. Ему все казалось, что он вот-вот поймет, о чем она говорит, но она повторяла два-три слова на непонятном языке, а затем принималась бессвязно утверждать, что не лжет.

Наконец рядом с Туризиндом зашевелился Конан. Рослый киммериец приподнялся на локте, повел блестящими в предрассветном сумраке глазами и молвил:

— Дай ей воды. Пусть успокоится.

Туризинд спохватился и поднес флягу к губам женщины. Она выпила несколько глотков и действительно вскоре затихла.

Утром, при солнечном свете, они смогли как следует рассмотреть свою добычу. Дертоса лежала на плаще, принадлежавшем Туризинду, и тяжело дышала, широко открыв запекшийся рот.

— Ну, — проговорил Конан, переводя взгляд на своего спутника, — что мы будем с нею делать? Сдается мне, мы застряли в этом болоте надолго. Если потащить ее в путь дальше, она может не выдержать. С такими ранами на лошади не посидишь.

— Я посмотрю, что можно сделать, — сказал Туризинд.

Конан глянул на него с сомнением, однако Туризинд был уверен в себе: как всякий солдат, он кое-что понимал в ранах. Ему не раз доводилось перевязывать себя и других прямо на поле боя. Тем более, что в отряде не всегда имелся врач.

Вдвоем они перевернули женщину на живот, подняли на ней рубашку. Она хрипло застонала. Туризинд присел, на корточки возле ее головы, заглянул ей в глаза.

— Сейчас будет легче, — обещал он.

Прохладный болотный мох, приложенный к ранам, действительно принес некоторое облегчение. Она вздохнула.

— Спасибо.

— У тебя будет возможность выразить свою благодарность, — вмешался Конан.

Женщина метнула на него недоверчивый взгляд.

Конан усмехнулся:

— Я знаю, что смазливые юнцы, вроде этого, — он кивнул в сторону Туризинда, — вызывают у людей больше доверия, чем такие неотесанные варвары, как я. Полагаю, он даже получил неплохое воспитание. А, Туризинд? Ты умеешь кушать яблочки изящными столовыми приборчиками? Некоторые дамы это любят... Но ничего не поделаешь, — Конан снова перевел взгляд на Дертосу и весело засмеялся, — вышло так, что в

нашей компании главный — я. Так что отвечать тебе придется на мои вопросы. Ему-то ты быстро задумишь голову. Со мной этот номер не пройдет. Я повидал и не таких, как ты, да и сам обманывать мастак, знаешь ли...

Она покачала головой.

— Вы до сих пор не освободили меня от талисмана.

— Этот камень? — Конан презрительно сощурился. — Глупости! Я не верю в чудодейственную силу талисманов. Тебе не удалось заморочить голову человеку Рикульфу — тому, что схватил тебя, — исключительно по одной причине: он знал, с чем столкнется. Ты не застала его врасплох, вот и все. Если Туризинд будет рассчитывать на талисман, он пропадет. Ты вползешь к нему в душу, как змея, и совьешь там свое ядовитое гнездо.

Дертоса горько засмеялась.

— Хорошего же ты мнения обо мне!

— Дорогая моя, какого же мнения я должен о тебе быть? Ты пользовалась слабостями мужчин — вполне простительными, кстати, — а потом подло обирала их. Ты унижала их!

— Мужчины, — взгляд Дертосы стал жестким, — не должны потакать своим постыдным прихотям. Постыдным! Когда естество начинает диктовать взрослому, крепкому человеку, как ему поступать... Когда мужчина настолько забывает о своем человеческом достоинстве, что соглашается пойти со шлюхой и подчиняется лю-

бым ее приказаниям... Что я должна думать о таких людях? И ведь это — так называемые «достойные горожане», состоятельные граждане! Те, кого уважают, — в отличие от таких, как я!

Конан иронически похлопал в ладоши.

— Прекрасно. Звучит очень убедительно. В таком случае, ответь: каково это — быть шлюхой? Пойми меня правильно: честных шлюх, которые любят свое ремесло и обращаются с клиентами по-доброму, я уважаю, но вряд ли ты была честной... Судя по твоим высказываниям, ты ненавидишь мужчин, так что ремесло продажной женщины явно не для тебя.

— Я не была, а только считалась шлюхой, — поправила Дертоса. — Я никогда еще не отдавалась ни одному мужчине. И если меня не принудят, не отдамся. По доброй воле — никогда.

— Шлюха-девственница? — ахнул Туризинд. — Впервые о таком слышу.

— И впервые видишь, — добавил Конан. — Так что пользуйся случаем — любуйся.

— Говорят вам обоим, я не шлюха, — прошипела Дертоса.

Теперь она разозлилась не на шутку. Туризинд подумал, что она очень красива в гневе: глаза сверкают, распухшие губы приобрели цвет спелого рубина, бледное лицо чуть разругмнилось.

Впрочем, на Конана это не произвело ни малейшего впечатления.

— Да? — переспросил он сурово. — А кто же ты, если не шлюха? Ты предлагала мужчинам

свое тело! И большинство из них уверены, что познали тебя так, как не познавали ни одну из женщин.

Она опустила веки, как будто пытаясь тем самым отгородиться от обвинителя.

— Оставь ее, — вмешался Туризинд. — В конце концов, нам предстоит проделать долгий путь вместе. Не стоит ссориться с самого начала.

— Ссориться? — Конан пронзил его яростным взглядом. — Кто она такая, чтобы я с нею ссорился? Размолвки возможны между равными, а эта женщина — не ровня ни мне, ни даже тебе!

— В таком случае, объясни мне лишь одно: для чего мы рисковали жизнью, спасая ее от виселицы? — не выдержал Туризинд.

— Она — великолепный воровской инструмент, — ответил Конан. — Отмычка, которой не должен пренебрегать ни один вор. Не забывай, наше дело весьма темное и требует темных же средств.

Туризинд покачал головой.

— Я не могу видеть в другом человеке только оружие.

— И совершаешь большую ошибку, — предупредил его Конан. — Ты согласился работать на Риккульфа. Я там кое-чего наслушался... Так вот. Первое, чему учат новичков, поступивших в тайную службу, — это считать других людей не личностями, а свойствами. Ты не должен говорить: «Вот Флим, отец двоих детей, веселый парень, кузнец, любитель выпить, отличный человек».

Нет, говоря о Флиме, ты скажешь: «Вот кузнец, он может выковать любую вещь из металла. Вот мужчина, если взять в заложники любого из его детей, он сделает все, что ты потребуешь. Вот выпивоха, предложи ему кружку, и он разболтает тебе все, что ему известно». Ты обязан уметь пользоваться людьми. Иначе мы не добьемся цели. Пойми, — Конан подался к Туризинду и заглянул ему в глаза, — наш противник силен и страшен. Он-то без колебаний воспользуется любой нашей человеческой слабостью. Если мы не будем сильнее, мы проиграем, и последствия нашего поражения даже трудно себе представить.

— Я почти ничего не знаю о нашей задаче, — сказал Туризинд. — Как я могу судить, прав ты или ошибаешься?

— Ты и не предназначен для того, чтобы судить, — ответил Конан с неприятной улыбкой. — Ты просто будешь делать то, что я прикажу. А сейчас я тебе приказываю, хочешь ты того или нет: к этой женщине относись с предельной осторожностью. Представляй себе, что это не молодая, внешне соблазнительная женщина, а ядовитая гадина, которая укусит тебя в любой момент, стоит тебе зазеваться. Тебе будет легче, если ты вообразишь себе плоскую головку, раздвоенный язык и склизкое туловище...

Дертоса открыла глаза. Взгляд ее пылал ненавистью.

— Как ты смеешь говорить обо мне такое — да еще в моем присутствии! — прошипела она.

— Вот, изволь слушать, — Конан, как ни в чем не бывало, повернулся к своему собеседнику, — змеиное шипение. Что я тебе говорил?

— Ты, — продолжала Дертоса, — я ведь вижу по твоей внешности, что ты человек крайне низкого происхождения. Кто были твои родители? Какого подлого звания была твоя мать?

Туризинд видел, что Конан с трудом удержался от того, чтобы дать ей затрещину. Должно быть, он и впрямь аристократ. Обычный наемник запросто ударил бы женщину, да еще такого происхождения и поведения.

«В самом деле, интересно: какой была мать киммерийца? — подумал Туризинд. — Наверное, красивой. И неистойвой. Похожей на богинь Бадб и Морриган, когда они в обличии женщин, а не воронов»...

— А твоя мать? — спросил Конан, наклоняясь над женщиной. — Кто она была, твоя мать, а? Она была шлюхой, не так ли? Она родила тебя прямо на большой дороге, где и околела?

— Откуда ты знаешь? — вырвалось у Дертосы.

Конан захохотал, а Туризинд почувствовал, что внутри у него все похолодело. Случайно ли, нарочно ли — но варвар сказал правду: эта красавица была рождена какой-то бродяжкой от неизвестного отца... Ничего удивительного в том, что она так ожесточилась.

Желая хотя бы немного утешить Дертосу, Туризинд коснулся ее руки, но девушка восприняла его жест по-своему и резко отдернула руку.

— Не трогай меня! — вскрикнула она, точно подстреленная птица. — Я не то, что ты думаешь!

— Я ничего не думаю... — пробормотал наемник, обескураженный.

Она продолжала, не обращая внимания на его смущение и на иронически задранные брови Конана:

— Да, у меня есть кое-какие способности, и я ими воспользовалась, когда сочла нужным! Не вижу в этом ничего дурного. Люди обращались со мной отвратительно, и я отплатила им той же монетой.

— А почему люди должны были обходиться с тобой иначе? — осведомился Конан. — Ты была смазливая побродяжка с чванливым характером. Ты смеялась над мужчинами, которым кружила голову. Ты вносила раздор в семьи. Ты выпрашивала подавание с таким видом, будто делала другим одолжение... Что, разве не так? Пойми: я ненавижу магию и все, что с ней связано! Если бы ты знала, скольким магиям я свернул шею... — Он вздохнул и спокойней заключил: — ...ты бы вела себя потише.

Девушка промолчала. Туризинд решил было, что Конан опять попал со своими предположениями прямо в цель, но тут наемник поймал взгляд Дертосы. Та посматривала на Конана загадочно. Да, Дертоса не собиралась опровергать его слова, однако Туризинд вдруг понял: Дертоса — нечто иное, нежели сказал Конан. Не побирушка. Не

бродяжка. Даже не колдунья. Ее судьба одновременно и проще, и страшнее.

И она ничего им о себе не расскажет. Во всяком случае, не сейчас. Сейчас она будет хранить свою тайну, она будет лгать, изворачиваться — и даже соглашаться с оскорбительными предположениями Конана. Лишь бы только не выдать о себе правды.

Туризинд снова коснулся ее руки. На сей раз она не стала отбирать у него свою руку. Напротив, посмотрела на него с легкой улыбкой:

— Но ты-то мне веришь? — спросила она у Туризинда. — Ты ведь тоже хлебнул в жизни немало бед.

— Мои беды — не твоя забота, — ответил Туризинд хмуро. — И я не верю тебе. Но мне жаль тебя... — Он перевел взгляд на Конана. — Даже об оружии нужно заботиться, не так ли? Иначе любая отмычка заржавеет или, того хуже, сломается.

— В таком случае, предлагаю ее накормить, — сказал Конан.

Женщина ела жадно. Туризинд смотрел, как она обкусывает кусок сыра, как отрывает пальцами кусочки от лепешки, скатывает их в шарики быстрым нервным движением и потом заталкивает в рот, за щеку. «Станный способ есть хлеб, — подумал Туризинд. — Никогда такого не видел».

Она подняла голову. Одна щека у Дертосы была оттопырена: за нею находилось не менее де-

сятка хлебных шариков. С набитым ртом она улыбнулась.

— Спасибо.

Конан фыркнул:

— Ну и у кого из нас дурные манеры?

Во взгляде Дертосы появилось удивление. Туризинд подумал: «Кажется, она уверена в том, что манеры у нее самые изысканные... Кто же обучал ее? Кто вырастил это диковинное существо? Я никогда не встречал людей, которые держались бы так, как она... Кто же она такая?» Его охватила оторопь.

Между тем Дертоса закончила трапезу и растянулась на земле.

— Где мы? — спросила она сонным голосом.

— Посреди Дрогонских болот, — ответил Конан.

Она вздрогнула всем телом. Блаженного спокойствия как не бывало.

— Зачем мы забрались сюда?

— Потому что мы уходили от погони, — вмешался Туризинд. — Если ты помнишь, дорогая, тебя собирались повесить.

— Да, — ответила она равнодушно, — припоминаю нечто подобное.

— За нами гнался весь город, — продолжал Туризинд. — Мне до сих пор кажется чудом, что мы оторвались от преследователей. Но теперь за нами будет вестись охота.

— Мы отправляемся в такие места, куда добропорядочные горожане и носу не кажут, — уте-

шил обоих Конан. — Так что стоит воспользоваться моментом и как следует отдохнуть. И не вздумай пустить в ход свои чары, ведьма! Если я замечу, что у Туризинда мутнеют глаза и в углах рта появляется сладенькая слюнка, если я только заподозрю, что он думает о тебе лучше, чем ты заслуживаешь, — я изобью тебя дубиной и как следует разукрашу твое очаровательное личико синяками.

— Если я на самом деле ведьма, как ты говоришь, то синяки не помешают моим чарам, — устало вздохнула Дертоса. — Но я не ведьма, и чары, которыми я владею, — всего лишь мои собственные способности. Я была наделена ими с раннего возраста — без всякой моей просьбы или пожелания... и не понимаю, отчего бы не воспользоваться тем, что даровано тебе судьбой.

— Постарайся избегать того, что «даровано тебе судьбой», — посоветовал Конан. — И доживешь до преклонных лет.

Он наклонился над пленницей, связал ей руки за спиной и прикрепил конец веревки к дереву.

— Отдыхай, Дертоса.

И с тем зашагал прочь, желая получить осмотреться на болоте и выбрать дорогу, по которой им предстояло следовать дальше.

Туризинд подошел к своему спутнику.

— Зачем ты привязал ее? Она и без того еле двигается.

— Я ей не доверяю, — просто сказал Конан.

— Брось! Мы же спасли ей жизнь.

— Такие существа не знают, что такое благодарность.

— Она всего лишь человек, Конан. Молодая женщина. Она напугана, ей больно... Над ней издевались целый месяц, а вчера секли кнутом и едва не повесили... Неужели нужно усугублять ее страдания?

Конан хмуро молчал. Туризинд продолжал, сам не замечая, что говорит все с большим жаром:

— Сейчас она, почти беспомощная, с незнакомыми людьми, полураздетая, на гиблом болоте... Ты насмехаешься над ней, бранишь ее, а теперь еще и связываешь. Не слишком ли много?

— Нет! — рявкнул Конан. — Не слишком. Для нее ничего не слишком, она колдунья. И перестань давить из себя слезу. Я ей не верю и тебе не советую. Гляди, чтобы она и впрямь не околдовала тебя. Она очень красива и очень хитра.

— Ты действительно намерен использовать ее как отмычку?

— Она — совершенный воровской инструмент. Да, разумеется. Отмычка — наилучшее наименование для этой женщины.

Туризинд покачал головой:

— И наемников еще обвиняют в цинизме!

— Да, это несправедливо, — согласился Конан. — По сравнению с людьми из тайной стражи самый зверский наемник — просто девственница из приюта для невинных сироток... Кстати, ты поверил тому, что она сказала насчет своей девственности?

— Что она никогда не была с мужчиной? — Туризинд пожал плечами. — Звучит неправдоподобно, не так ли? Но... пожалуй, да, я ей поверил. У нее глаза дикие. У тех, кто испытал плотскую страсть, глаза другие. Более теплые, что ли.

— Не поддавайся, — еще раз сказал Конан и хлопнул Туризинда по плечу.

И тут до них донесся пронзительный крик, в котором звучал неподдельный ужас.

У Туризинда кровь заледенела в жилах. Он повернулся к Конану, однако и тот выглядел не лучшим образом: было очевидно, что рослый варвар растерялся.

— Скорей! — воскликнул Туризинд.

И первым помчался на голос.

Кричала Дертоса. Когда Туризинд представил себе, что из болота выползло какое-нибудь неведомое чудовище, а связанная девушка тщетно пытается избежать ужасной участи и спастись, ему делалось дурно. На бегу он обнажил меч.

Однако то, что он увидел, намного превосходило самые страшные фантазии.

Из глубины болота один за другим поднимались зловонные зеленовато-коричневые пузыри. Они всплывали на поверхность и лопались, и из каждого выскакивал облепленный жижей обнаженный человек.

Люди эти были невысоки ростом, ниже, чем Конан, но руки и ноги их бугрились от мускулатуры. Длинные слипшиеся волосы яростно взметывались, когда они трясли головами. Желтые

острые зубы сверкали на солнце, а маленькие глазки под низкими скошенными лбами горели злобой.

Их становилось все больше. Пузыри, зарождавшиеся в глубине болота, приносили с собой все новых и новых карликов. Они бежали к тому месту, где путники разбили лагерь, и Туризинд увидел, что эти существа без всякого страха проносятся прямо над трясинной, там, где сверкает вода над самыми гиблыми топями.

Вода легко отталкивала их от себя. Их ноги даже не проваливались в мягкий мох или в лужи. Они как будто летели над болотом.

Совсем близко от Туризинда поднялся очередной пузырь. Туризинд как зачарованный смотрел на происходящее. Он видел, как вздувается поверхность болота, как медленно поднимается горб, похожий на панцирь огромной черепахи, как этот горб растет, раздувается... и вот уже сквозь мутную радужную пленку стало различимо лицо со звериным оскалом, растопыренные мощные руки, короткое туловище и мускулистые кривые ноги...

С тихим звоном пленка пузыря лопнула, окатив Туризинда зловонной жижей, и наружу выскочил еще один воин с дубинкой в руке. Не теряя ни мгновения, он ринулся в атаку на человека.

— Конан! — закричал Туризинд, с трудом уворачиваясь от удара дубинкой. — Развяжи ее! Освободи!

Конан не отвечал, но Туризинд слышал, как тот бьется с врагами где-то неподалеку.

«Сколько же их? — думал Туризинд смятенно. — Откуда они взялись?»

А неприятелей все прибывало. Казалось, в глубине болота созрела икра, которую отложило некое таинственное чудовище. Туризинд никогда прежде не слышал о подобных созданиях. Но в их намерениях сомневаться не приходилось. Им не ведомы были колебания: они неслись на чужаков с явным намерением раздробить им головы дубинками.

Туризинд размахнулся мечом и скошил одного из бегущих, разрубив его почти пополам. Болотный карлик упал, разбросав руки; его мертвое лицо сохраняло гневное выражение: смерть не принесла ему покоя.

Двое других разом навалились Туризинду на спину. Они повисли у него на плечах, точно охотничьи псы, загнавшие оленя. Туризинд встряхнулся всем телом, но сбросить с себя напавших ему не удалось: они держались крепко.

Тогда Туризинд упал на спину и придавил их. Он вонзил кинжал в руку одному и, избавившись от хватки этого врага, занялся вторым. Подмывая его под себя, Туризинд мгновение всматривался в желтые, горящие лютым пламенем глазки карлика, а после сдавил ему горло. Что-то хрустнуло; огонь в глазах карлика погас.

Но врагов становилось все больше и больше. Они бежали к месту схватки, крича на ходу и

размахивая руками. Куда ни посмотри, все болото было заполнено ими: везде приземистые фигуры, развевающиеся волосы, брызги воды, расплескиваемые босыми плоскими ступнями.

Туризинд понял, что положение безнадежно. Они с Конаном могут сражаться здесь целый день, убивая болотных человечков одного за другим, но в конце концов силы обороняющихся иссякнут. Карлики навалятся на них всей толпой и сомнут.

Туризинд не мог взять в толк, почему болотные люди напали на них. Возможно, они просто ненавидят всех чужаков, а появление троих незнакомцев посреди болота восприняли как вторжение. Так же поступают и дикие звери.

— Конан! — снова закричал Туризинд, отбивая атаку очередного врага. — Конан! Освободи Дертосу!

Совсем близко от себя Туризинд видел горящие ненавистью глаза и оскаленные зубы. Этот карлик был чуть повыше ростом, чем остальные, и на шее у него болтались бусы, сделанные из необработанных камней. Должно быть, он занимал какое-то важное положение среди своих братьев. Он набросился на чужака с голыми руками, надеясь на свою силу.

И впрямь, в мощи этому заляпанному болотной грязью человечку не откажешь! Туризинд почувствовал сильный удар в плечо, затем кулаки осыпали его целым градом ударов: по переносице, по виску. У Туризинда закружилась голова,

перед глазами поплыли круги. Он понял, что еще немного — и потеряет равновесие.

Сзади на него налетел еще один карлик, и краем глаза он видел двоих, что приближались со всех ног, размахивая дубинками.

Взревев от ярости, Туризинд занес меч и раскроил одному из них голову. Дрыгающееся тело повалилось наземь. Туризинд увидел, что болото расступилось и втянуло в себя труп. Миг — и от мертвеца не осталось и следа. Прочие, как будто не заметив случившегося, наседали на Туризинда со всех сторон.

Они обменивались воплями на непонятном языке. Слова звучали отрывисто и грубо, голоса карликов были гортанными и как будто вырывались не из горла, а из самой их утробы, из крепких животов с выпирающими пупками.

Внезапно один из бегущих споткнулся и упал, не домчавшись до цели. Затем повалился второй, рядом с ним охнул и осел на землю третий...

Туризинд почувствовал, как натиск на него ослабевает. Он опустил меч и тяжело перевел дух. Нападавшие отступили, повернулись к Туризинду спиной.

Он яростно закричал и бросился на них с мечом. Прежде чем карлики сообразили, что происходит, Туризинд разрубил одного из них со спины.

И вновь изувеченное тело сгнуло в болоте: земля расступилась прямо под ногами у Туризинда, так что он едва успел отскочить.

Еще трое упали. Туризинд увидел, как в их маленьких мускулистых телах выросли стрелы. Это происходило точно по волшебству, само собой: мгновение назад человек стоял и угрожающе поднимал дубинку — и вот уже он лежит, и тонкая длинная стрела с белым оперением подрагивает в его горле вместе с затихающим пульсом.

Туризинд опустил меч и с трудом переводя дыхание огляделся по сторонам. Конан подошел к нему, покрытый кровью и потом, забрызганный грязью, но на удивление спокойный и даже как будто не уставший. Он встал рядом с наемником, держа меч наготове.

— Где Дертоса? — спросил Туризинд.

— В безопасности, — выдохнул Конан. — Смотри!..

Бесшумно, точно так же, как и неведомо откуда прилетевшие стрелы, на край поляны выступили рослые люди, странно похожие между собой. Они напоминали братьев. Общими были их повадки, одинаковыми казались их взгляды — испытующие и вместе с тем безразличные.

Туризинд, приоткрыв рот, удивленно смотрел на незнакомцев.

Все они были выше среднего человеческого роста, с узкими плечами и тонкими чертами смуглых лиц. Их раскосые светлые глаза как будто лучились, но ничего теплого Туризинд не ощущал в их взорах, напротив: от незнакомцев исходил ледяной холод.

На них были одежды из выделанной кожи, украшенные кусочками меха и вышивкой. Некоторые из них были босы, и Туризинд увидел длинные узкие ступни с перстнями на пальцах. Другие носили мягкие сапоги.

Конан сказал Туризинду:

— Стой здесь и глупо улыбайся. Они спасли нам жизнь, так что ведай себя соответственно. А я приведу эту шлюху.

Туризинд поклонился людям, которые продолжали стоять неподвижно и рассматривали его, как будто человек был для них каким-то диковинным животным, неведомо как забредшим в их охотничьи угодья.

Уходящего Конана они проводили глазами, но не сказали ни слова. И лишь когда Конан вернулся, держа связанную Дертосу за плечо, на лицах чужаков появилось странное выражение. Они как будто узнали женщину.

Один из них повернул голову, обменялся с другими взглядом, а затем, снова устремив взор на тройку путешественников, сделал им знак приблизиться.

Старательно обходя трупы болотных людей — трясина забрала внутрь себя далеко не всех! — путники подошли к рослым людям.

И только тут Туризинд понял, с кем имеет дело.

«Лигурейцы!» — прошептал он. Разумеется, наемник кое-что слышал о них. Но прежде никогда с ними не сталкивался. Он даже не думал, что такое для него возможно.

Много столетий назад в древнем, ныне погибшем Ахероне возникла новая религиозная секта. Ее адепты поклонялись силам природы и почитали богиню-мать, прародительницу всего живого.

В Ахероне их сочли еретиками. Обвинение было серьезным и влекло за собой страшные последствия. Спасаясь от смерти, жрецы богини-праматери бежали к пиктам, в дикие земли.

Они осели среди дикарей и принесли к ним свой религиозный культ. Как ни странно, пикты охотно приняли богиню-мать и начали поклоняться ей наряду с другими божествами. Богиня-мать, которую лигурейские друиды называли Дану, у пиктов именовалась Баннут. Но это была одна и та же богиня, и одни и те же жрецы от-правляли ее культ у лигурейцев и пиктов.

Часть их отделилась и ушла искать для себя новые земли для поселения. Причины этого отделения остались неизвестными. Вероятно, сами лигурейцы когда-то знали об этом, но затем и они потеряли память о давнем событии. Столько всего случилось за эти годы...

Крохотный клочок земли в Аргосе, в смертоносных Дрогонских болотах, зажатых между реками и Рабирианскими горами, принадлежал странным племенам, чья история была забыта. Говорят, лигурейские жрецы смешались с потомками атлантов — кое-кто из них уцелел во время великого Катаклизма...

Как бы там ни было, люди, вышедшие из леса, чтобы спасти троих путников от нападения

болотных карликов, не были похожи на аргосцев. Если уж на то пошло, они ни на кого не были похожи. Во всяком случае, ни Конан, ни Туризинда не встречали подобных.

По слухам, в жилах лигурейцев текла кровь не только ахеронцев, но и киммерийцев. Таковы были последствия их переселения на север.

Но те, кого повстречали путешественники, если и имели примесь киммерийской крови, то очень небольшую. Кровь атлантов оказалась сильнее, и даже Конан не мог бы признать в чужаках свою отдаленную родню. Он хмуро смотрел на воинов и соображал, как держать себя с ними.

Туризинду было не по себе. Он стоял не двигаясь и ждал дальнейшего развития событий. Наемник одинаково готов был и к дружескому приему, и к жестокому обращению. С малочисленными народами, которые долгое время живут в глуши и изоляции, всегда так. Никогда нельзя предсказать заранее, как они себя поведут при встрече с чужаками.

Дертоса повела себя непонятно. Даже во время нападения болотных людей, когда она подвергалась смертельной опасности, она сохраняла самообладание. Но сейчас, когда главный риск остался позади, она побелела и, вырвавшись из хватки Конана, бросилась прочь. Связанные руки мешали ей, она споткнулась и упала лицом вниз.

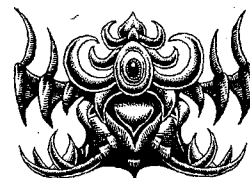
Один из незнакомцев побежал к ней. Туризинда поразили его движения: он как будто летел, плавно, точно птица с широко расправлен-

ными белыми крыльями. Несколько прыжков — и он уже наклонился над женщиной.

Сильные руки схватили ее, подняли, забросили на плечо. Глаза Дертосы были закрыты, как будто она боялась взглянуть на незнакомцев. Из-под опущенных ресниц девушки непрерывно текли слезы.

Незнакомец взял ее на руки и тихо произнес несколько слов. Дертоса распахнула глаза и вдруг, простонав, обвисла на руках держащего ее человека. Она потеряла сознание.

Глава седьмая

Из огня в полымя

пасшие троих путешественников люди легко находили дорогу среди гибельных топей Дрогонских болот. Создавалось впечатление, будто они видят на несколько локтей в глубь земли. Они шли так, что даже ноги не замочили, хотя кругом все так же пузырилась мутная болотная жижа и все так же поблескивали смертоносные озерца среди ядовито-зеленой травы.

Скоро стало суше, а спустя полчаса болото сменилось лесом. Высокие стволы уходили в небесную синь, под ногами лежал густой упругий мох, совершенно не похожий на тот, что рос на болотах. Впереди между деревьями мелькнули золотые шатры.

Туризинд молчал, не находя слов. Конан угрюмо озирался по сторонам, как будто старался запомнить дорогу. Странно, что незнакомцы — кем бы они ни были — не завязали им глаза. Вряд ли они настолько доверяют своим пленни-

кам, которых только что спасли от болотных людей. «Боюсь, они перережут нам горло после того, как хорошенько расспросят нас обо всем, — думал Туризинд, поглядывая на своих молчаливых спасителей. — Что ж, они в своем праве. В конце концов, нас сюда никто не звал. Мы свалились на эти болота, как снег на голову, и тотчас принялись здесь хозяйничать».

Как бы ни была справедлива эта мысль, она ни в малейшей степени не утешала. В справедливости, как заметил Туризинд, вообще редко можно было найти что-либо отрадное. Обычно она разит беспощадно, и спорить с нею — бесполезное занятие.

Дертоса уже пришла в себя, однако глаз не открывала и старалась не шевелиться. Туризинда это обстоятельство также немало заботило. Девушка оставалась твердой даже под кнутом палача.

Конечно, она стонала и даже кричала, но кто тут останется спокойным! Туризинду доводилось видеть, как взрослые сильные мужчины рыдали, точно дети, когда дело доходило до экзекуции. Но если тело Дертосы страдало, душа ее оставалась безмятежной.

Не смущалась она и потом. Когда Конан недвусмысленно высказывался по поводу ее поведения и способа зарабатывать на жизнь, она сохраняла равнодушие.

Во время нападения болотных людей она лишь один раз вскрикнула от неожиданности,

когда один из первых пузырей разорвался возле нее, но затем хранила молчание.

И лишь когда их спасли, она совершенно потеряла голову. Следовательно, она знает этих... — нет, не людей, вовремя поправил себя Туризинд, — этих лигурейцев. Этих потомков атлантов и ахеронцев... И ей отлично известно, чего от них можно ожидать.

Судя по ее реакции — ничего хорошего.

Что ж, следует подготовиться к худшему. Туризинд сжал губы. Иногда лучше ничего не знать заранее, это помогает собрать силы в кулак.

Пленников доставили в лагерь. Среди деревьев горел большой костер, и десяток разноцветных шатров стояли кругом. Самый большой из них был золотого цвета, шелковый, расшитый яркими красными цветами. Другие были синими или красными, также с богатыми украшениями: длинные кисти свисали с опор и шевелились на ветру, многохвостые вымпелы развевались на шестах между шатрами.

Пленникам показали их место — неподалеку от костра, но в максимальном удалении от большого золотого костра, — и оставили в одиночестве. Туризинд, правда, ни на мгновение не сомневался в том, что за ними пристально следят. Но сами стражи заметны не были: они где-то скрывались.

Дертосу уложили на землю рядом с остальными. Туризинд несколько раз принимался тормошить ее, желая, чтобы она пришла в чувство и

кое-что им объяснила, но девушка лишь стонала и мотала головой, как будто пыталась дать отрицательный ответ на вопрос, который ей еще никто не задал.

— Оставь ее, — сказал Конан. — Рано или поздно все выяснится само собой. Передохни. Как бы внушить нашим новым хозяевам, что мы голодны? Как ты полагаешь, Туризинд, понимают они человеческую речь?

— Оскорбления не обязательны, — раздался негромкий мелодичный голос, и из ближайшего к пленникам шатра вышел стройный молодой человек с длинными серебряными волосами.

Конан посмотрел на него бесстрастно.

— Если не подслушивать чужие разговоры, не услышишь лишнего, — произнес варвар. — И уж тем более такого, что можно было счесть за оскорбление.

— Упрек разумен! — рассмеялся юноша с серебряными волосами.

Он уселся рядом с пленниками и, отведя прядь, упавшую на глаза Дертосы, всмотрелся в лицо девушки. Удивление, а затем и боль появились во взгляде молодого человека.

— Кто она? — тихо спросил он.

— Что именно ты хочешь о ней узнать? — вопросом на вопрос ответил Конан.

Юноша с серебряными волосами задумался, потом встретился взглядом с киммерийцем.

— Я могу тебе сказать: «Это женщина», — начал Конан. — Или: «Это шлюха». Или: «Она дев-

ственница». Или: «Это беглая преступница, которую должны были повесить». Или: «Наша спутница, с которой мы путешествуем». Что именно мне сказать? Выбирай. Правда, выбор не слишком велик...

— Прости, — отозвался юноша с серебряными волосами, — я на мгновение забыл о том, что вы, люди, отличаетесь от нас. У нас на подобный вопрос существует только один ответ: имя. Имя заключает в себе все.

— А, — протянул Конан, — ну так бы и сказал с самого начала... Это Дертоса.

Дрожь прошла по всему телу молодого человека. Медленная, страшная дрожь. Глядя на него, Туризинд прикусил губу. Наемнику все меньше и меньше нравился оборот, который принимала вся эта история. Дертоса явно знала друидов, появившихся так неожиданно — и так вовремя. Знала и боялась их. Ее страх был настолько велик, что эта сильная девушка потеряла сознание и до сих пор отказывалась приходить в себя.

А друиды... они как будто узнавали — и в то же время не узнавали ее. Имя «Дертоса», к примеру, явно было знакомо молодому человеку с серебряными волосами. Отчего-то оно вызвало у него дурные воспоминания.

— Что же она натворила?! — вырвалось у Туризинда. — Что могла натворить такая юная, такая красивая девушка? Что настолько ужасное она совершила, что тебя бросает в дрожь при упоминании о ее имени?

— Прости, — сказал юноша. — Меня зовут Эндоваара.

— Что ж, в таком случае самое время назвать и мое имя. Туризинд. Бывший капитан наемников, а теперь — ничтожный раб, последний из самых жалких людишек в тайной службе его светлости герцога.

— Хе-хе, господин Туризинд шутит, — встрял Конан.

Туризинд бросил на него удивленный взгляд, но Конан продолжал еще более развязным тоном:

— Господин Туризинд — вовсе не «ничтожный раб». Просто он недоволен заданием, которое мы получили, вот и изволит иронизировать. Он — важная персона в тайной службе герцога. От него многое зависит. Но он злится и потому произносит лишние, ничего не значащие слова.

— Это неважно, — сказал Эндоваара.

Он наклонился над Дертосой и внимательно всмотрелся в ее черты. Она стала хмуриться и корчиться, как будто в своем забытии испытывала боль.

— Я и узнаю, и не узнаю ее, — признал юноша. — Когда-то она жила здесь, среди нас.

— Но ведь она — не одна из вас! — сказал Туризинд.

— Да, — тотчас согласился Эндоваара. — Она была чужачкой. Но это не мешало мне любить ее...

Он вздохнул и замолчал, задумчиво глядя на огонь. Оба пленника наблюдали за ним насто-

женно. Казалось, друид готов был рассказать им что-то важное, и требовалось лишь вести себя тихо, чтобы не спугнуть его.

Затем Эндоваара вновь прервал безмолвие.

— Ее нашли на болотах... Маленький ребенок, совсем крошечный, не больше года.

— Неужели у кого-то хватило духу бросить в болотах такую крошку? — презрительно кривя губы, произнес Конан. — Впрочем, говорят, в голодные годы некоторые племена избавляются от дочерей. И от слабых сыновей. — Глаза его мечтательно затуманились: он как будто сожалел о том, что этот обычай не получил повсеместного распространения.

— Да... — сказал Эндоваара и посмотрел на него своими ясными, широко раскрытыми глазами. — Думаю, да. Думаю, ее отнесли в лес и оставили умирать, как это делают иногда со своими детьми крестьяне в неурожайный год.

— Всегда я презирал этих копателей земли, — фыркнул Туризинд. — У них грязь под ногтями — и душа не чище.

— У них выдаются тяжелые времена, — возразил Эндоваара. — Мы не должны осуждать их. Иногда на помощь таким детям приходят друиды или болотные карлики, а иной раз — и дикие звери... Вероятно, девочка шла по лесу и звала мать, но заблудилась и оказалась на болотах. Ее подобрала и отнесла сюда. Здесь она и выросла. Я помню ее маленькой. Помню, как она становилась старше, как созревала ее красота...

— Сколько же тебе лет? — удивился Туризинд.

Юноша с серебряными волосами улыбнулся.

— Друиды, потомки атлантов, дольше взрослеют и живут гораздо больше, чем люди... Я проводил уже двести семьдесят три весны. И сорок три весны я встречал и провожал вместе с Дертосой. Сорок три чудесных весны...

Он погладил девушку по щеке. Она вздохнула и улыбнулась.

Туризинд вдруг забеспокоился:

— Почему она не приходит в себя?

— Она должна поспать, иначе раны на ее теле будут слишком долго заживать. Это больно и неприятно. Люди живут очень мало. У людей нет времени на боль, на хвори и страдания. Следует сокращать время болезни, иначе жизнь пройдет мимо.

— Странная точка зрения, — пробормотал Туризинд.

Он никогда не мыслил подобным образом. Все, что приносила жизнь, — будь то сражения, походы, сидение в гарнизоне, лежание в палатке вместе с другими ранеными, издающими зловоение, — все это было в его глазах одинаково ценно. Все это составляло его жизнь, было частью его судьбы. Неповторимой, единственной судьбы неповторимого, единственного человека по имени Туризинд.

Конан, в противоположность своему впечатлительному товарищу, обладал умением схва-

тывать главное, отмечая эмоции как нечто излишнее.

— Стало быть, эта Дертоса, — медленно проговорил Конан, — была найдена вами на болотах сорок три года назад и выросла среди друидов? Интересная подробность. Нам об этом ничего не было известно.

— Я сказал, что она провела с нами сорок три года, — возразил Эндоваара, продолжая с нежностью смотреть на девушку, — ей был приблизительно год по людским меркам, когда мы нашли ее, и еще два года я ее не видел...

— Значит, ей почти пятьдесят, — пробормотал Туризинд. — А выглядит она так, словно ей нет и двадцати.

— Такое случается, если человека любят, — объяснил Эндоваара. — Я хочу сказать: если человека любит друид. Мы умеем продлевать молодость любимому существу. Ненадолго, всего лет на тридцать, но все же... — Он вздохнул. — Впрочем, она предпочла оставить нас. Жизнь среди людей внесла в ее облик значительные искажения... Поэтому я едва узнал ее.

Он встал, намереваясь покинуть пленников, но Туризинд удержал его за руку.

— Как же вышло, что она ушла от вас?

— Для меня это загадка, — грустно отозвался Эндоваара. — Я учил ее всему, что знал сам. Мне казалось, ей хорошо... Но я ошибался. Человеку никогда не бывает довольно любви. Человек всегда ищет чего-то еще. А когда он понимает, что

можно жить одной лишь любовью, — обычно становится слишком поздно. Люди чересчур быстро стареют.

— Ей захотелось «чего-то еще»? — переспросил Конан. — А она не говорила — чего именно?

— Думаю, того же, к чему стремятся все люди: власти над другими, богатства... — Эндоваара покачал головой. — Простите меня. Я хотел бы уйти, хотя бы на время. Мне слишком больно видеть ее такой.

— Мы старались сделать для нее все, чтобы... — начал Туризинд, однако Эндоваара прервал его:

— Я не говорю о том, как поступаете с нею вы. Наверняка вы добры к ней, насколько люди умеют быть добры друг к другу. Нет, я говорю о том, что сделала с ней жизнь среди людей. И... что-то еще. — Он сдвинул брови, рассматривая девушку. — В ней появилось что-то еще, чего не было прежде. Я действительно едва могу распознать прежнюю Дертосу в этом... создании.

Он решительно отвернулся и зашагал прочь. Скоро он скрылся среди деревьев.

Туризинд вопросительно уставился на Конана.

— Как тебе это нравится, Конан? — обратился он к своему спутнику. — «Что-то еще»? И что же это такое может быть, по-твоему?

— Что ни говори, а наша прекрасная воспитанница друидов некоторое время была воровкой и шлюхой, — фыркнул Конан. — Как, по-твоему, это не оставило некоего отпечатка на ее

личности? Друиды — люди чуткие. Или мне следовало бы лучше сказать — «существа»? Для них душевная нечистота смердит так же гнусно, как для нас — нечистота телесная.

Дертоса пришла в себя к вечеру. Некоторое время она лежала молча, наблюдая за своими спутниками сквозь опущенные ресницы, потом решила заговорить:

— Кто здесь был, пока я спала?

— А, очнулась! — сказал Конан и бесцеремонно задрал на ней рубаху.

Она вздрогнула, однако вырываться не стала. В прикосновении Конан не было ничего личного: он всего лишь хотел посмотреть, зажили ли ее раны.

Те, что были глубже других, еще оставались красными, а прочие затянулись; три первых вообще исчезли без следа.

Конан восхищенно присвистнул.

— Они знают толк в целительных заклинаниях, эти друиды! — произнес он. — Взгляни-ка, Туризинд!

Туризинд подошел и молча одернул на девушке рубашку, после чего закутал ее в плащ. Дертоса улыбнулась ему:

— Спасибо.

— Здесь был один парень с серебряными волосами, — сказал Туризинд, устраиваясь на земле рядом с Дертосой. — Он назвал свое имя — Эндоваара. Тебе знаком человек с таким именем?

Дертоса кивнула.

— Значит, он не приснился мне... Да, я его знаю. Я знаю его всю мою жизнь.

— Он говорил, что нашел тебя на болотах...

— Да. Правда, этого я не помню, но... должно быть, так все и было. Эндоваара был моим первым воспоминанием. Он всегда находился рядом. Когда я росла, он показывал мне, как стрелять из лука, как метать ножи... Мы вместе танцевали при лунном свете — он научил меня разным акробатическим трюкам. Потом я показывала эти трюки на площадях. Потом. Когда ушла к людям.

— Он до сих пор в недоумении — зачем ты оставила его, — укорил ее Туризинд.

— Зачем? — Она приподнялась, опершись на локоть, посмотрела на него удивленно. — Зачем? А ты разве не понимаешь?

Туризинд покачал головой.

— Разрази меня гром, если я что-нибудь в этом понимаю! Здесь тебя любили, здесь ты ни в чем не знала отказа...

— Да, — горько проговорила она. — Здесь я выросла. И поняла, что состарюсь на глазах у тех, кто меня любит. А они все еще будут молоды и прекрасны. Нет уж, избавьте меня от такой муки! Видеть, как мои руки становятся слабыми и дряблыми... Замечать в отражении в чаше, как морщины покрывают мое лицо... А он по-прежнему будет юн! И в один прекрасный день я увижу его с другой женщиной, такой же юной, как и он сам... И что я скажу ему? «Ты обманул меня»?

Смешно! Как я, старуха, смогу требовать от него верности, если... если...

Она замолчала. Слезы так и не выступили на ее глазах, хотя — Туризинд видел это, — ей стоило немалых трудов подавить рыдание.

— Поэтому ты покинула друидов, — вмешался Конан. — Что ж, это понятно. Во всяком случае, мне. И что дальше?

Она пожала плечами.

— Я захотела того же, что и все люди. Власти над другими и богатства. И нельзя сказать, что я не преуспела.

— Даже слишком преуспела, — вздохнул Конан.

Девушка насторожилась:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да так... — Конан пожал плечами с деланным равнодушием. — Пожалуй, я поговорю об этом с нашими хозяевами, когда они сочтут нужным уделить нам время и внимание.

— О чем? — настойчиво повторила Дертоса.

— Да какая тебе-то разница? — Конан устался на нее удивленно, но Туризинд, успевший немного изучить гримасы своего напарника, понял, что тот притворяется. Ничуть он не удивлен. Напротив, Дертоса ведет себя именно так, как и рассчитывает Конан. Она вот-вот выдаст какую-то важную для себя тайну.

Туризинд напрягся. Он и прежде ощущал, что эта девушка не просто пользовалась недозволенной магией.

Будь это так, вряд ли ею заинтересовалась бы тайная служба. Ну, подумаешь, купила какая-то проститутка некое заклинание у некоего колдуна! Ну, заключила незаконную сделку... Ничего в этом особенного нет.

В Дертосе тайлось нечто совсем странное, из ряда вон выходящее. В ее постуках заключалась важная тайна.

Шлюха-девственница. Она попалась лишь потому, что агент тайной стражи точно знал, что именно ему предстоит и как следует себя вести. Амулет действительно тут ни при чем. Дело вовсе не в амулете — дело в знании. Знание разрушает почти любую магию. Даже недозволенную. Потому что практически вся магия заключается в том, что человек смотрит не туда и видит не то.

Если твердо знать, куда следует смотреть и что надлежит там увидеть, то никакие заклинания не помогут.

— Где ты его встретила? — спросил вдруг Конан абсолютно спокойным тоном.

Девушка вздрогнула и зажала ладонями уши.

— Не притворяйся, будто не слышишь, — повторил Конан. — Я расскажу твоим друзьям друидам обо всем, можешь не сомневаться. Обо всех твоих похождениях. Лучше уж ты Расскажи мне сама — прежде, чем я открыл рот и наболтал при наших хозяевах лишнего. Поведай-ка мне во всех подробностях свои милые приключения. А после мы с тобой вместе решим, что открывать твоему

Эндовааре, а что утаить от него. Чтобы ты не пала в его замечательных глазах слишком низко. Ты ведь не хочешь пасть слишком низко?

— Он все равно... узнает всю правду, — вздохнула она и посмотрела на Конан тоскливо. — Откуда ты знаешь?

— Оттуда... Ты не одна такая умная, — вздохнул Конан. — Но только тебя удалось поймать. И уж тебя-то мы используем! Всю, без остатка. Можешь не сомневаться. Так где ты его встретила, того человека, который дал тебе силу?

— Я выступала на площади в Темном Бору — так назывался один городок, чуть западнее Дарантазия... Я имела там успех, — добавила она не без гордости. — Но денег мне дали совсем мало. Люди не любят платить за выступления, даже если артист им нравится. Один человек предложил мне пойти к нему домой. «Покажешь эти трюки мне и моему брату, — сказал он, — и мы заплатим тебе десяток золотых. Не бойся, у нас хорошие условия для акробатки. Постель мягкая, покрывала свежие, и всегда отменное питье и закуски. Не пожалеешь!» Я рассердилась и ударила его по лицу. Ненавижу, когда заранее всех артисток считают доступными!

— Ты напрасно ударила его, — осудил девушку Конан. — Судя по тому, что ты рассказываешь, этот человек был честен с тобой. И условия, которые он тебе предлагал, вполне приемлемые. Насколько я понял, он отнесся к тебе и твоему ремеслу вполне уважительно.

— Просто перепутал ремесла, — сердито возразила Дертоса. — Я не шлюха, а танцовщица. Он оскорбил меня, поэтому я его и ударила. Тогда поднялся возмущенный крик, меня схватили и потащили в местную магистратуру. — Ее передернуло при этом воспоминании. — Ужасная дыра! Орава невежественных, чванливых, надутых зануд. Они смотрели на меня, как на грязное животное. А сами-то! Рожи опухшие, в бородавках...

— Полагаю, ты немного преувеличиваешь, — сказал Туризинд, улыбаясь. — Но в главном ты права: те, кто нас арестовывают, всегда представляются нам отвратительными уродами.

Он покосился на Конана, как будто намекал на что-то, но Конан не обратил на эти выразительные взгляды ни малейшего внимания.

— Продолжай, — велел он Дертосе.

Та вздохнула.

— Особенно продолжать нечего... Меня приговорили к публичной порке и высылке из города. Смешно. Главная улица этого городишки — шагов триста. «Высылка»! Правда, публичная порка меня не слишком радовала. Вот я сидела там заперти и думала о том, что мне предстоит, когда туда пришел один человек. Я его не видела во время судилища. Он сказал, что может вывести меня незаметно. Разумеется, я согласилась!

— Ну, разумеется, — поддержал ее Конан. — Пойти в дом к порядочному мужчине и развлечь его с братом — это мы ни в какую, слишком гордые. А довериться первому встречному, который

пообещает избавить тебя от публичной порки, — это мы пожалуйста. И что, по-твоему, лучше: получить десять золотых или не получить по заднице десять ударов кнутом?

— Не перебивай, — попросил Туризинд.

Конан пожал плечами и замолчал.

Дертоса судорожно перевела дыхание:

— Мы шли с ним всю ночь. Почему-то я совершенно не боялась его. А когда настала зоря, он сказал мне такое... Он сказал мне нечто, и это перевернуло всю мою жизнь.

— Да, — не удержался Конан. — И в конечном итоге привело на виселицу.

— Он проводил меня в горы, в Дарантазий, — продолжала девушка. — К людям, которые совершили со мной обряд черных зеркал.

— Я так и думал! — Конан хлопнул себя по колену. — Я так и думал!

Дертоса удивленно посмотрела на него и вдруг краска залила ее бледное лицо:

— Так ты не знал? Ты не знал? — Казалось, она готова была наброситься на Конан и вытрясти из него душу. — Ты ничего обо мне не знал, да?

— Да, — нехотя признался Конан. — Я прилеплялся. Но ведь это, согласишься, принесло хорошие плоды: ты сама мне все рассказала!

Она вдруг засмеялась. Смех этот звучал жутко, грозя каждое мгновение перейти в судорожные рыдания.

— Да, я сама все рассказала! Рассказала первому встречному — хотя давала страшную клятву

молчать обо всем, что со мной сделали в Дарантазии!

— Теперь отступать уже поздно, — примирительно заметил Конан. — Придется тебе идти до конца, моя дорогая. Придется тебе поведать нам о черных зеркалах Дарантазия все, что тебе известно. И советую сделать это, как у нас с тобой и заведено, исключительно по доброй воле. Иначе я посоветую милым друидам пытаться тебя.

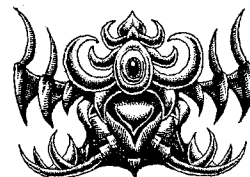
— Лигурейцы не пытаются людей! — возмутился Туризинд. — Дану — милосердная богиня... Остановись, Конан! Не заходи слишком далеко. Твои угрозы просто смешны...

Конан злобно захохотал.

— Дану — милосердная богиня? Мать-природа не может быть милосердной в человеческом понимании! Ей все равно бывают нужны жертвы, спроси хоть у пиктов... Уж я их в свое время убивал, так что кое-что о них знаю... Друиды — добры и прекрасны? Еще одна смешная вещь! — Киммериец сотрясаясь от хохота. — Разумеется, друиды не пытаются людей! Конечно, не пытаются... людей!

Он вдруг оборвал свой яростный смех и схватил Дертосу за плечи. Голова девушки беспомощно мотнулась.

— Людей — нет! А болотных карликов? — В голосе Конана звенело дикое торжество. — Что ты скажешь об этом, дорогая Дертоса?

Глава восьмая

Тайна происхождения

чем я еще должна тебе рассказать? — устало спросила она. Теперь ее голос звучал еле слышно.

— Кто была твоя мать?

Туризинд схватил Конана за руку:

— Ты заходишь слишком далеко. Оставь ее! Твои вопросы ее убивают!

Конан посмотрел на своего спутника зло, синие глаза киммерийца заблестели. Он оскалил зубы:

— Я всего лишь спросил о ее матери. Как ты полагаешь, кем нужно быть, чтобы подобный вопрос убил тебя?

Туризинд недоуменно пожал плечами. Конан фыркнул:

— Давай проверим. Поставим опыт на живом Туризинде. Итак, отвечай: кто была твоя мать, Туризинд?

— Женщина, — буркнул он. — Крестьянка. Она умерла, когда я был ребенком. Я почти не помню ее.

— Она была доброй?

— Наверное... Да. Доброй. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому, — сказал Конан, — что даже тебя не оскорбляет подобный вопрос. А она начинает умирать, как ты выражаешься, стоило мне поинтересоваться ее матушкой. Знаешь, почему? Потому что она помнит свою мать! Да? — Он обернулся к Дертосу. — Ты ведь все помнишь, не так ли? Ты только выглядела годовалой по счету людей, а на самом деле была куда старше!

Дертоса молчала. Она до крови прикусила губу и отвела глаза.

— Говори! — Конан ударил ее по щеке.

Туризинд схватил своего компаньона за руку и сильно стиснул ему запястье.

— Остановись, Конан, иначе, клянусь моей жизнью, я тебя убью!

Конан медленно повернулся к нему.

— Ты меня не убьешь, — коротко сказал он.

И тут его взгляд изменился. Он поднял голову и увидел, что вокруг троих пленников стоят друиды. Друиды появились бесшумно. Они выступили из-за деревьев, вышли из шатров; казалось, они стояли здесь всегда, просто прежде люди их не замечали.

Среди них был и Эндоваара с серебряными волосами. Он смотрел на Дертосу так, словно та находилась где-то очень далеко, на неизмеримом расстоянии от него, и никогда в жизни им больше не сойтись вместе.

Туризинд заметил, что некоторые друиды были такими же серебряноволосыми, как и Эндоваара: видимо, они принадлежали к одному роду. Другие имели темные волосы, а трое или четверо — медно-рыжие.

Теперь Туризинд ясно видел, насколько друиды отличаются от обычных людей, аргосцев, аквилонцев и зингарцев. Дело заключалось не только в их внешности, хотя она, разумеется, была первым, что бросалось в глаза. Друиды, потомки атлантов, иначе двигались, иначе смотрели: нечеловеческая длительность жизни научила их другому воспринимать время и движение. Они никуда не спешили. У них было довольно времени, чтобы внимательно рассматривать все, что появляется на их пути.

Темноволосый друид с пронзительными синими глазами вышел вперед. Его одежда, богато украшенная вышивками, переливалась в свете костра, будто оперение экзотической птицы. Но это, как ни странно, ничуть не умаляло величественности его облика.

«Хотя, — подумал Туризинд, — вздумай так вырядиться человек, и он был бы смешон. В лучшем случае его воспринимали бы как умелого шута, в худшем — видели бы в нем простого дурака без капли вкуса...»

— Как я погляжу, люди всегда готовы мучить друг друга, — проговорил темноволосый, впиваясь взглядом в хмурое лицо Конана.

Тот выпустил девушку и встал.

— У меня есть основания подозревать ее, — вежливо произнес Конан.

Туризинд не без удивления понял, что его вспылчивый компаньон умеет при желании быть приятным собеседником и даже выглядит при этом обаятельной личностью.

— В чем ты подозреваешь ее?

— Мое имя Конан, и я подозреваю эту девушку в том, что она лжет.

— Расскажи нам подробнее.

Неподвижные высокие фигуры стояли вокруг пленников и молча смотрели на них. Туризинду было не по себе; что касается Дертосы, то она уткнулась лицом в колени и закрыла голову ладонями. Ей было страшно, хотя до сих пор никто из друидов не проявлял никакой враждебности.

«У них полно времени, — думал Туризинд. — Если они сочтут нужным, они проявят к нам враждебность. Всему свой черед, так они считают...»

— О чем ты спрашивал у этой девушки? — продолжал темноволосый друид.

Конан небрежно ответил:

— Я всего лишь поинтересовался, помнит ли она свою мать; но она испугалась.

— Какие основания у тебя были задавать ей подобные вопросы?

— По пути на нас напали болотные люди. — Конан прижал ладони к груди. — Разумеется, мы благодарны тем, кто спас нас от смертельной опасности.

— Смертельной опасности не было, — подал голос Эндоваара. — Мы часто сталкиваемся с болотным племенем и знаем, как оно вооружается, когда выходит, чтобы убить. Они не хотели убивать вас. Они вооружились только дубинками.

— Это обстоятельство лишний раз подтверждает мои подозрения, — сказал Конан невозмутимо.

После долгого молчания темноволосый предводитель произнес:

— Продолжай.

— Я считаю, что болотные люди напали на нас для того, чтобы забрать свое. С нами была вот эта женщина, Дертоса, которую вы знаете... — Он обернулся к своему спутнику, и Туризинд, повинуясь молчаливому приказу Конана, наклонился над Дертосой, поднял ее и отвел ее ладони, которыми она прикрывала лицо. — Вот эта женщина. По человеческим меркам ей около пятидесяти лет, а выглядит она на двадцать. Даже любовь друида могла продлить ее молодость всего на тридцать лет, но ей не нужна была любовь друида, чтобы оставаться юной гораздо дольше...

— Выражайся более определенно, человек, — повелел темноволосый предводитель.

Конан быстро обвел глазами слушателей. Они по-прежнему оставались бесстрастными, но в глубине некоторых глаз Конан заметил настоящую боль. Они внимательно ловили каждое его слово. И, несомненно, верили ему.

— Хорошо, — молвил Конан. — Я утверждаю, что эта женщина не является ни друидом, ни человеком в полной мере. Посмотрите, как она сложена! Ее мать происходила из болотного народа. Когда мы попали в Дрогонские топи, она наверняка кое-что вспомнила. — Он повернулся к девушке. — Ведь ты кое-что припомнила, не так ли, Дертоса?

— Нет! — отчаянно выкрикнула она и дернулась в руках Туризинда.

— Да, ты прав: несомненно, она что-то помнит, — задумчиво проговорил друид. — Осталось решить: нужно ли нам знать то, что знает она?

Конан тяжело дыша ожидал общего решения. Друиды обменивались взглядами, кое-кто отводил глаза, некоторые пожимали плечами. Эндоваара воскликнул:

— Какое значение имеет теперь то, кем была ее мать? Она выросла среди нас!

— Она нас предала, — сурово произнес предводитель друидов. — Она ушла от нас к людям и, судя по тому, что говорит о ней вот этот человек, сделалась преступницей. Она торговала своим телом — ведь именно это означает слово «шлюха», не так ли?

Среди собравшихся поднялся ропот. Согласно древнему обычаю, лигурейские девы могли дарить свою любовь свободно, по собственному выбору, и это не осуждалось; но продавать свое тело за деньги считается у друидов одним из самых тяжких преступлений.

— Я не продавала тело! — выкрикнула Дертоса.

Она отчаянно дернулась в руках Туризинда, но тот преспокойно закрыл ей рот ладонью и ослабил в ответ на вопросительный взгляд друида с темными волосами.

Рыжеволосая женщина с длинным копьем, украшенным кистями, вышла вперед и остановилась перед Дертосой.

— Я была той, что дала тебе твое имя, — произнесла она. — Берегись, как бы я не отняла это имя у тебя! Презренная женщина, я сожалею о нашей дружбе!

Она плюнула Дертосе под ноги и отошла в сторону, отвернувшись.

Слезы покатались по лицу Дертосы. Туризинд чувствовал, как она дрожит, и усилием воли подавил в себе жалость.

Однажды он уже пожалел женщину. Та просила о помощи, что-то лепетала о своих голодных детях, которые остались в подвале... Молодой наемник, как распоследний дурак, полез в этот подвал — спасти голодных детей. И нарвался на засаду. Если бы не друзья, лежать бы Туризинду мертвым. И проклятая шлюха выплясывала рядом, пока Туризинда пытались убить, и орала: «В горло бей! В горло! Перережь ему горло!»

Нет уж. В последний раз он пожалел тогда женщину. Впоследствии ни одна из них не дождалась от него пощады. Он мог приказать, чтобы отпустили девушку, которую расстелили, желая

изнасиловать; мог даже сунуть монетку какой-нибудь оборванной бабе, но пойти выручать попавшую в беду женщину или поверить на слово заплаканной красавице — от этого увольте.

Предводитель друидов спокойно приказал:

— Привяжите ее к дереву. Выберите дерево сухое, чтобы она не повредила живому.

Двое друидов приблизились к Туризинду и забрали у него Дертосу. Она покорно пошла за ними, только раз обернулась и растерянно посмотрела на наемника. Он отвел взгляд. Ему не хотелось, чтобы она знала: его тронула ее доверчивость. Она до последнего мгновения надеялась, что Туризинд вступится за нее.

Но этого не случилось.

Ее привязали между двумя деревьями, растянув ее руки. Рубаха Конана, в которую была одета Дертоса, доходила ей до колен; она была босой.

Ее густые черные волосы волной падали ей на плечи, непослушная прядь закрыла один глаз и как будто перечеркнула прекрасное лицо. Как и во время экзекуции в Ювауме, Дертоса сохраняла странное, нечеловеческое спокойствие. Туризинда поразила ее способность мгновенно покоряться судьбе и принимать любые удары, какие та ни наносит.

Предводитель друидов подошел к Дертосе и сам проверил, хорошо ли она привязана. Тонкие кожаные ремешки обвивали ее запястья, они впивались в кожу, но не причиняли особенной боли. Друид взял ее за подбородок, поднял голо-

ву. Волосы упали девушке на спину. Она закрыла глаза.

— Посмотри на меня, — приказал друид.

Веки послушно поднялись.

— Ты расскажешь нам все, — тихо произнес он. — Хочешь ты этого или нет.

— Я... не все помню, — отозвалась она.

— Ты вспомнишь, — ответил он с жутковатой уверенностью.

Дрожь прошла по телу Дертосы. Друид наклонился над ней и поцеловал ее в лоб.

— Ты вспомнишь обо всем, — повторил он. И добавил тихо: — Мне жаль тебя, дитя, но иначе я поступить не могу.

Он отвернулся и махнул рукой одному из друидов. Молодая девушка с серебряными волосами, похожая на Эндоваару, — может быть, его сестра, — выступила вперед. В руках у нее был маленький, сильно изогнутый лук.

— Нет!

Дертоса выгнулась всем телом и закричала. В ее глазах появился ужас. Ремешки сильнее впивались в кожу, по левому запястью потекла кровь — пытаясь вырваться, Дертоса поранилась.

— Нет!

Не обращая никакого внимания на бьющуюся пленницу, друидийка с серебряными волосами подняла свой лук. Туризинд увидел, что она положила на тетиву первую стрелу. Это были короткие стрелы с пестрым оперением. Девушка с серебряными волосами проговорила какое-то ко-

роткое гортанное слово, и стрела вспыхнула. Маленький огонек пролетел по воздуху и впился в тело Дертосы. Первый, второй.

Сохраняя бесстрастный вид, лучница вынимала стрелы из колчана одну за другой, спокойным мелодичным голосом произносила заклинание и, превращая стрелы в пламя, безжалостно посылала их в цель.

Скоро в теле Дертосы пылали пять стрел, расположенных пентаграммой. Пленница раскачивалась в своих путах, извивалась всем телом, запрокидывала голову так, что волосы ее касались земли, и кричала, напрягая горло.

Туризинд рванулся было к ней — наемник не выдержал этого зрелища; но Эндоваара перехватил его за руку и остановил. Хватка у друида была железной, Туризинд сморщился от боли. Он встретился взглядом с Эндоваарой, и вдруг его охватил странный, неземной покой. Из глаз друида исходила вечность, и Туризинду захотелось заснуть, погрузиться в тишину — и никогда больше не слышать ни криков, ни шума сражений.

— Молчи, — донесся до него голос Эндоваары. — Дай ей говорить. Она должна вспомнить.

Огни в теле Дертосы пылали все ярче. Пламя из оранжевого сделалось желтым, потом потемнело, в нем появились синие языки. Пленница больше не кричала. Она бессильно обвисла между стволами.

Туризинд прошептал:

— Вы убили ее!..

— Может быть, — пожал плечами Эндоваара. — Она не друид и не человек. Наши законы не распространяются на болотное племя, хоть мы и прожили бок о бок сотни лет. Она должна вспомнить обо всем и все нам рассказать, иначе она умрет.

Неожиданно до них донесся хриплый голос Дертосы:

— Погасите их. Я скажу все.

Лучница с серебряными волосами засмеялась и щелкнула пальцами. Огни погасли. Рубашка Конана, в которую была облачена Дертоса, обгорела почти вся; она свисала черными лохмотьями, не прикрывая тела женщины.

Туризинд увидел на коже Дертосы черные ожоги. Магическое пламя выжгло пять совершенно ровных кругов.

— Теперь ты не сможешь торговать своим телом, — презрительно произнесла девушка с серебряными волосами. — Никто не купит женщину с таким клеймом.

Дертоса облизала губы и обвела глазами зрителей. Никто, однако, не пошевелился, чтобы отвязать ее или хотя бы дать ей напиться. Туризинд сделал движение, но Эндоваара опять остановил его:

— Сперва она должна рассказать нам то, что мы хотим знать.

— Вы не боитесь, что она солжет? — спросил Конан.

— Нет, — предводитель друидов покачал головой. — Это заклятие не только причиняет боль. Оно еще и заставляет говорить правду. Страх перед возвращением боли слишком силен, а малейшая ложь вызывает новое возгорание пламени.

— Моя мать была из болотного племени, — донесся сиплый голос Дертосы.

Туризинда поразило, что она ни о чем не просит и даже не ждет, чтобы кто-нибудь проявил к ней снисхождение. «Должно быть, она и раньше видела, как друиды обходятся с пленниками, — мелькнуло у Туризинды. — Видела и одобряла это. Что ж, настал ее черед. Интересно, что она расскажет...»

— Моя мать вышла с болот, потому что была молода и любопытна. В племени ее осуждали за любопытство. Я это знаю, потому что люди нашего племени обладают общими воспоминаниями. Дочь всегда знает, о чем думала ее мать; я могу припомнить и то, чем жила моя бабка; даже воспоминания прабабки не вполне для меня закрыты, хотя ни бабку, ни ее мать я никогда не видела...

— Нас не интересует твоя прабабка, — оборвал Дертосу предводитель друидов. — Говори о своей матери.

— Она хотела посмотреть, как живут люди. Правда ли то, что они возводят для себя дома из дерева и камня. Ей были интересны ткани из растений. Об этом она тоже слышала. Болотные

люди выглядят страшно, потому что они измазаны жижей, но это — сок болота, породившего нас, и мы любим этот запах. Оказавшись на воздухе, моя мать вынуждена была смыть с себя жижу болота, потому что та высохла и потрескалась, и эта сухая корка причиняла ей неудобства. С точки зрения человека, моя мать была довольно привлекательна.

— Как и ты? — спросил Эндоваара.

Не глядя на него, Дертоса ответила:

— Да. Но она была меньше ростом. Мой отец был человеком. Я не знаю его. Может быть, он был солдатом или крестьянином. Его позабавила обнаженная женщина маленького роста. Он захотел сделать с нею то, что делал со своей подружкой. Может быть, женщины нашего племени вызывают у людей вожделение. Я не знаю этого. Моя мать вернулась на болота. В племени не захотели держать ребенка, рожденного от человека. Моя мать сопротивлялась общему решению, сколько могла, но в конце концов ее вынудили меня оставить.

— На нас напали потому, что хотели вернуть тебя обратно в племя? — вмешался Туризинда. — Значит, это правда?

— Да, — сказала Дертоса. — Кое-кого из тех, кто напал на нас, я узнала... Я помнила их, хотя ушла из племени совсем ребенком.

— Ты ничего не рассказала нам о своем происхождении, — произнес Эндоваара.

Дертоса обратила к нему лицо.

Глаза ее покраснели от слез, губы распухли и потрескались.

— Никто из вас не спрашивал меня, — сказала она.

— Это правда, — признал Эндоваара. — Но почему-то мне сейчас все время кажется, что ты непрерывно лгала нам.

— Да, — сказала Дертоса. — Должно быть, я лгала вам...

Эндоваара вздохнул и отвернулся.

— Я сожалею о том, что любил тебя, — сказал он.

Ни один мускул не дрогнул на лице Дертосы. Она как будто не расслышала. «Слишком много боли, — подумал Туризинд. — Она перестает быть восприимчивой к оскорблениям».

— Пусть она расскажет о том, что случилось в Дарантазии, — вмешался Конан.

Предводитель друидов повернул к нему голову.

— Ты считаешь это важным?

— Да, — быстро ответил Конан. — В Дарантазии сейчас творятся страшные дела. Не надейся отсидеться в этих лесах! Беда дойдет и до вашего народа, если Дарантазий достигнет своей цели.

— Какой цели?

— Кое-что об этой мы узнаем, если она расскажет нам о себе, — сказал Конан.

— Что ж, — предводитель друидов, казалось, был не слишком доволен подобным поворотом разговора, но спорить не стал. В конце концов,

что такое — лишний вопрос, заданный пленнице? Пусть отвечает. — Говори, Дертоса! Как ты попала в Дарантазий?

— Меня привел туда случайный знакомец, — ответила она.

— Куда он тебя привел?

— Во дворец... В замок.

— Что там было?

— Зеркала... черные зеркала...

И, выговорив это, Дертоса потеряла сознание.

Глава девятая

Бойня в Юстриане

Ракое одинокое время — ночь! — думал Туризинд. — Днем, при солнечном свете, человек может строить иллюзии, воображать, будто он не одинок на белом свете... Но с наступлением тьмы все меняется. Все лишнее исчезает из поля зрения. Остаются только те, кто по-настоящему близок: И вот тогда-то человек и делает это поразительное открытие. Рядом — никого. Можно сколько угодно всматриваться в ночную тьму и все равно никого не увидишь поблизости. Никто не протянет тебе руку, не обменяется с тобой улыбкой. Все, что сияло тебе при свете дня, — все ложь...»

Он не хотел себе признаваться в этом, но откровения Дертосы потрясли его. До последнего Туризинд надеялся на то, что все обвинения Конана в адрес женщины окажутся ошибкой. Но она сама призналась. Ее нечеловеческая природа отталкивала Туризинда почти в той же мере, в какой и притягивала. Он не мог отрицать того

обстоятельства, что Дертоса вызывала у него определенные чувства. Ему хотелось все время видеть ее, иногда он даже представлял себе, как она отдается ему.

Верил ли он в то, что она говорила о своей невинности? Иногда ему казалось, что она лжет — или, по крайней мере, заблуждается на сей счет. Но порой он верил. И эта таинственная девственность делала Дертосу в глазах Туризинда еще более желанной.

Ему казалось, что приобщившись к телу этой красивой, загадочной девушки, он сам делается чище, лучше. Уйдут навсегда в прошлое все те преступления, что он совершил за долгую карьеру наемника и убийцы. Ему перестанут сниться сны, в которых он сжигает дома, выволакивает из укрытий спрятавшихся было горожан, вытряхивает добро из их сундуков. Он перестанет вспоминать всех тех людей, которых лишил жизни.

Друиды, казалось, забыли о Дертосе. Она провисела между деревьями еще час или два, пока наконец Эндоваара не перерезал ремешки. Но и после они немного внимания ей уделяли, только Конан укрыл ее плащом, да еще один друид, с темно-рыжими волосами и очень черными глазами, в которых отражалось все, на что он ни смотрел, дал ей воды.

Больше на пленницу внимания не обращали. Она не то погрузилась в забытие, не то попросту спала, устав от случившегося.

Конан постоянно находился возле нее, словно боялся упустить что-то. Он действительно предполагал, что она может заговорить во сне, и хотел бы услышать, о чем она скажет.

Прочие занимались своими делами. Туризинда даже не вполне был уверен в том, что их считали пленниками. Людей пригласили к общей трапезе вечером, когда все племя собралось у костра. Утолив голод, друиды исчезли: они умели уходить так же бесшумно и незаметно, как и появляться.

Конан устроился рядом с Дертосой. Он по-прежнему охранял ее и прислушивался к малейшему шороху, который она издавала.

Туризинда остался предоставлен сам себе, и мысли об одиночестве захлестнули его с новой силой.

Он ни о чем не жалел. Даже о том, что попался так глупо после убийства господина Легера. Наверное, не следовало браться за это дело. Тогда он по-прежнему скитался бы по дорогам в поисках случайного заработка. И не очутился бы в руках тайной стражи. И не получил бы это задание, не бродил бы сейчас в компании Конана и Дертосы.

Не узнал бы Дертосу... Она не проникла бы в его душу, не заставляла бы его мучиться несбыточными мечтами...

Туризинда думал о рыжей лошади, которую он потерял в болотах. Будь он сейчас верхом, он бы просто уехал. Оставил бы Конана с Дертосой.

Пусть сами, без него, разыскивают путь к черным зеркалам. Сейчас — самое подходящее время для бегства: Дертоса слишком слаба, а Конан чересчур занят тем, что шпионит за нею.

И тут, словно бы отвечая на безмолвные мольбы Туризинды, из леса выступила рыжая лошадь.

Туризинда не мог поверить собственным глазам. Но это была она, та самая. Желая окончательно удостовериться в чуде, Туризинда присвистнул, и лошадь весело зашагала на свист, покачивая на ходу головой.

— Ах ты, моя хорошая! — умиленно прошептал Туризинда. Он обхватил ее морду руками и поцеловал мягкий нос. Лошадь фыркнула, обдавая его теплым дыханием.

Туризинда забрался в седло и двинулся прочь. Никто не обратил внимания на него внимания. Просто еще одна тень, что тихо проходит сквозь ночь.

* * *

Лошадь несла Туризинда через лес. Она шла шагом; погони за беглецом не было. Скоро он уже не мог понять, грезит ли он наяву или же все происходит в действительности.

Мимо проплывали светящиеся стволы деревьев; высоко в небе, изредка заметная между темными кронами, мелькала луна. Под копытами тихо шуршала трава. Иногда лошадь оста-

навливалась и негромко ржала, точно подзывала к себе кого-то; но никто никогда не откликнулся на ее зов.

Постепенно ночь отступала, тьма рассеивалась — надвигалось утро. Туризинд поднял голову. Оказалось, что он задремал, сгорбившись в седле. Ни наемника, ни его лошадь это ничуть не смутило: Туризинду и прежде доводилось спать на ходу.

Оглядевшись по сторонам, Туризинд увидел широкий просвет между деревьями. Там начиналась дорога.

Он приободрился, погладил лошадку по гриве.

— Вперед, подруга! Вперед! Там, кажется, широкая мощеная дорога — а где дорога, там города и люди! Эгей, скоро мы с тобой будем свободны. Если уж на то пошло, то и в Дарантазии живут люди — какую-нибудь работу человек моих дарований себе сыщет, не так ли?

Он развеселился.

В глубине души Туризинд знал, что веселье его напускное и что очень скоро он испытает большое разочарование, ибо впереди его ждет какой-то подвох. У Туризинда, много лет командовавшего отрядом наемников, развилось чутье на подобные вещи. И тем не менее он не мог отказать себе в нескольких минутах чистой радости.

Он свободен, одинок, он волен избрать новое поприще — и никто не указывает ему, как поступать! Наконец-то и Конан, и все эти господа из

тайной стражи остались позади. И Дертоса с ее изломанной судьбой не стоит больше перед его глазами как живой укор... Великие духи небес, он действительно свободен!

Упоительное чувство захлестнуло его. Он погнал лошадь галопом, и она, разделяя радость всадника, понеслась по дороге стрелой.

Скоро Туризинд увидел впереди ворота небольшого городка. Он придержал лошадь, чтобы приблизиться к воротам степенно, как подобает путнику, чьи намерения чисты.

Стража у ворот взяла с него одну медную монету, лениво осведомилась о цели прибытия. Туризинд сказал, что он здесь проездом. Хочет передохнуть день-другой и двинуться дальше.

Ему махнули рукой, чтобы он входил. Никого по-настоящему не интересовал какой-то одинокий всадник.

И Туризинд погрузился в сонное безделье маленького городка. Все здесь были заняты делом: из окон слышались постукивание молоточков, женские голоса, стук прялки, шлепки ладоней по тесту.

Наслаждаясь тишиной и покоем мирного утра, Туризинд повернул лошадку прямо к зданию на площади, где красовалась вывеска «Постоялый двор ДВЕ СВИНЬИ».

Две розовые свинки, изображенные под надписью, весело отплясывали с подносами в руках.

У Туризинда и без того было хорошее настроение, но при виде этой прелести сердце в его гру-

ди так и подпрыгнуло. «Свободен, — думал он, — и одинок. У меня есть немного денег, послушная лошадь — я в мирном городке и сейчас устроюсь в этом чудесном трактире... Чем не прекрасная моя жизнь?»

С этой мыслью он вошел в трактир и устроился за столом неподалеку от входа.

Трактирщик уставился на него с легким удивлением.

Туризинд подозвал его жестом.

— Есть ли у тебя что-нибудь особенное, домашнее, любезный? Я очень голоден...

— Мы готовим блюда ближе к вечеру, господин, — с поклоном ответил трактирщик. Глаза у него почему-то были испуганные. — Сейчас могу предложить только то, что осталось со вчерашнего дня.

— Горячего, непременно горячего, — взмолился Туризинд. — Я... очень давно не ел ничего домашнего и горячего.

Трактирщик смерил его быстрым взглядом.

— Должно быть, господин, вы из солдат, — заметил он проникательно. — Вашего брата я перевидал много, и все они стосковались по домашнему.

— Да, я солдат, — сказал Туризинд и улыбнулся ему.

«До чего внимательный и хороший человек», — расслабленно подумал наемник.

— А то и из тех, кто провел пару месяцев в тюрьме, — продолжал трактирщик. — Таковых

я тоже перевидал. Здесь, в Юстриане, кого только не перебывало. Место-то хоть и маленькое, но бойкое.

Он уселся за стол напротив Туризинда, наклонился вперед и заговорил вполголоса, доверительно:

— Здесь ведь перекресток. Для того и городок построили, если вы не знаете. Крепость тут была. Крепость. Хорошая была крепость. Юстриан, так ее называли, в честь того, кто строил. Этот Юстриан — он ведь был родом из Дарантазия, да ушел отсюда. Повздорил с родителем. Младший принц. Да, младший.

— Все это весьма занятно, — перебил его Туризинд, — но распорядился бы ты насчет еды. А уж потом я бы с радостью тебя послушал.

— С радостью? — Трактирщик удивленно поднял брови. — Мало радости вам доставит мой рассказ, господин, а выслушать его следует прежде, чем вы начнете кушать. Потому что ваш голод, как бы ни был он драгоценен, все же дешевле, чем то, что я вам расскажу.

— Так ты хочешь денег за свой рассказ? — понял наконец Туризинд.

Трактирщик быстро огляделся по сторонам и кивнул несколько раз.

— Заплатите мне получше, и я вам скажу такое, что вы сочтете меня глупцом.

— Почему глупцом?

— Потому что сколько бы вы ни заплатили, а все выйдет, что я продешевил. Настоящая цена

моему рассказу — сотни золотых, да ведь у вас столько нет.

— Держи пять серебряных. У меня действительно больше нет. Осталось еще заплатить за еду и постой... Грабитель ты, братец! — укорил Туризинд трактирщика, выкладывая перед ним пять серебряных кружков.

Тот быстро сгреб деньги и, сжав их в кулаке, зашептал:

— Ну так вот, основал наш Юстриан младший принц из королевской семьи Дарантазия. Звали этого парня Юстриан. Он не поделил со старшими кое-что из родительского наследия. Дарантазий ведь погряз в темной магии, и чем дольше, тем более могущественной делается эта магия...

— Слухи, которые можно подобрать в любом городке в рыночный день, — пренебрежительно отмахнулся Туризинд.

— Э, нет, господин, это не слухи! — возразил трактирщик. — Слушайте дальше. Городок наш стоит на перекрестье дорог. Кто хочет поехать в Дарантазий, нас не минует. В былые времена здесь собирали хорошую дань. И скоро эти времена вернуться. Да, вернуться. Потому что уже сейчас здесь начали твориться странные дела... — Он еще раз огляделся по сторонам. — Началось все с господина Ноттона. Он у нас был колбасником. Делал колбасу. Представляете? Всего-навсего делал колбасу.

— Кстати, я бы и от колбасы сейчас не отказался, — перебил Туризинд.

Трактирщик отмахнулся:

— Будет вам и колбаса! И даже платы за нее не возьму! Слушайте. Господин Ноттон, стало быть, делал колбасу, и вдруг он начал богатеть. Непонятно как все и случилось. Отправился на рынок на границу с Дарантазией, там бывает конская ярмарка... Вот он туда поехал, а отсутствовал недели две. Вернулся — веселый, какой-то странный...

— Для вас, в эдакой глуши, кто весел, тот и странен, — оборвал Туризинд словоохотливого трактирщика. — Гляжу я, не дожидаться мне завтрака.

Трактирщик встал и кряхтя отправился за стойку. Туризинд слышал, как он что-то говорил — видимо, обращаясь к служанке. Затем он вернулся и снова уселся за стол напротив постояльца.

— Распорядился. Сейчас все будет, — сообщил он. — Вы слушайте и решайте, стоит вам тут задерживаться или как. Словом, вернулся наш Ноттон сам не свой. Веселый и с хорошей выручкой. Спустя год он уже купил в городе три дома. Один дом, положим, ему достался по завещанию, но два других... Сперва он разорил соседа слева. Говорю вам, разорил! И грозил его под суд отдать, если тот ему денег не выплатит. А откуда у него деньги? Продал дом и ушел куда глаза глядят. Второго соседа Ноттон разорил еще быстрее, чем первого. Донес на него, будто тот магией занимается. Ну, недозволенной магией, конечно. Судьи поверили. Нашли у него что-то.

— Мне это совсем не интересно, — оборвал опять Туризинд трактирщика.

Служанка, кисло улыбаясь, поставила перед гостем блюдо с разогретыми объедками — остатками вчерашней трапезы: здесь были и колбасы, и тушеные овощи, и немного привядших фруктов, и сыр, все, что нашлось. Туризинд жадно взялся за еду.

Трактирщик продолжал:

— Ноттон, коротко говоря, теперь хозяин всего города. Налоги у нас высокие, господин. Очень высокие. И никто не может в толк взять, как такое вышло, что колбасник сделался всех богаче и сильнее, но ведь случилось же это! А там и другие неприятности...

— Что, еще кто-то разбогател? — язвительно осведомился Туризинд.

Трактирщик безнадежно махнул рукой.

— И ведь никто не верит! — произнес он горестно. — Ни одна живая душа! Нет, надо пожить у нас в Юстриане, чтобы понять... Тут не то важно, что кто-то разбогател, а кто-то разорился. Другое. Господина Ноттона, — он понизил голос, — его ведь не сокрушит никакая сила. Пробовали. Даже убийцу к нему подсылали. Ничто его не берет. Беда, совсем плохо у нас стало...

— А мне ваш городок понравился, — объявил Туризинд. — Тихо, чисто, все делом заняты. Только вот в трактире не спешат обслужить постояльца. Я у вас остановиться хотел, а вот теперь и не знаю...

— Себе в убыток советую — уезжайте отсюда, господин хороший, — жарко зашептал трактирщик.

Тут на лестнице, ведущей на второй этаж заведения, раздались тяжелые шаги, и чей-то громкий голос окликнул:

— Эй, хозяин! Что осталось к завтраку?

— Бегу!

Трактирщик вскочил и метнулся навстречу спускающемуся сверху человеку.

Туризинд лениво посмотрел на это новое действующее лицо.

Невысокого роста, широкоплечий, с густым и жестким черным волосом, судя по одежде — невысокого звания. Странно, что трактирщик так перед ним лебезит.

Перед гостем тотчас появилось блюдо с жареным мясом — Туризинду такого не предлагали, — и большая кружка с хмельным напитком.

Однако не успел Туризинд позвать служанку и задать ей пару неприятных вопросов, как сверху спустился еще один постоялец, на сей раз одетый как человек дворянского звания: в бархат ярко-синего цвета с парчовыми вставками на груди.

К нему отнеслись с еще большим почтением, нежели к первому.

Туризинд сидел в своем углу и наблюдал. Происходящее перестало его раздражать, он начал улавливать опасность, пока еще весьма неопределенную. Возможно, не все, что болтал тут

трактирщик, было полной чужью. Не исключено, что добрый малый говорил правду.

Только правда эта прибрела в Юстриане настолько странное обличье, что Туризинд никак не мог узреть ее истинное лицо. В чем она заключалась на самом деле? Кто эти люди и почему перед ними так лебезит трактирщик? Ну, положим, понятно, отчего он так рассыпается в любезностях перед дворянином. Человек знатного происхождения заслуживает подобного обхождения.

Но тот, первый... Кто он такой? Тайный агент? Чей? Неужели Дарантазия? Неужто слухи верны, и Дарантазий готовит вторжение в Эброндум? Немыслимо. Армия герцогства сильна, как никогда. И по первому же призыву под знамена его светлости встанут тысячи наемников, сковавшихся по настоящему делу. Дарантазий попросту не сумеет призвать достаточное количество солдат.

И все же происходящее в Юстриане действительно было странным. Чем больше Туризинд над этим размышлял, тем меньше нравилось ему услышанное.

Он собрался было встать и выйти на двор, чтобы отправиться дальше в путь, как услышал стук конских копыт: к трактиру подъехал еще один путник.

Туризинд опустил на прежнее место. Стоило посмотреть, кого еще нелегкая занесла в этот городок, где, словно властительный господин, заправлял делами разбогатевший колбасник.

В трактир не вошел, а вплыл — или, еще точнее, торжественно внес свое толстое брюхо, — разодетый в шелка громадный человечище. Одежда на нем топорщилась от бисерных вышивок, ростом он был настоящий великан. Его темно-русые волосы блестели от помады и были тщательно уложены кольцами вокруг нахмуренного мясистого лба.

Остановившись при входе, он окинул хозяйским взором всех собравшихся в трактире, громко крикнул и уселся на лучшее место — в центре зала.

— А что, — заговорил он громовым голосом, обращаясь к пустоте, — хорошо бы нынче это... знаете ли... выпить. После долгой дороги, верно?

Дворянин подсел к нему за стол и сделал это весьма непринужденно, хотя — Туризинд сразу отметил это, — держался настороженно. Туризинд мог бы поклясться, что прежде эти двое никогда не встречались.

Гигант смерил своего нового соседа взглядом.

— Имею честь представиться — Кеолред, — назвался дворянин.

— Тасон, — буркнул толстяк.

Трактирщик подобрался к ним боком и, низко склонившись, подал вина в кувшине.

— Ступай, дурак, — засмеялся Тасон.

Хмыкнул и Кеолред.

— Вот, занесла нелегкая в эти края, — заговорил Тасон, задумчиво тиская в кулаке холеную темную бороду. — Ехал мимо, но решил завер-

нуть сюда. Отдохнуть, освежиться. У меня торговые дела — в двух днях пути, южнее, знаете ли... Мехами занимаюсь. Держу три охотничьих заимки. Там мои люди промышляют. Налог с этого немалый, но в последние годы и доход отменный.

Он засмеялся:

— Вы уж простите, что я о доходах! Дворяне, я знаю, о доходах говорить не любят — у вас дворянская честь в ходу, а честь не за деньги берется и не деньгами поднимается...

Кеолред с достоинством кивнул.

— Я направлялся на смотрины невесты, — сообщил он.

— Завидую! — громко сказал Тасон. Он отхлебнул вина, хмыкнул. — Дрянное пойло, не ходите?

— Нахожу, — сказал Кеолред. — Впрочем, меня это мало задевает. Я как-то сбился с дороги. Сам не знаю, как такое вышло. Слуги с обозом, с дарами и прочим двинулись к северу, а я погнался за белкой... Я охотник страстный, да вы меня легко поймете, если промышляете пушного зверя...

— За белкой погнались? — Тасон опять захохотал. — Да, я вам отлично понимаю. Зверек шустрый, а добыть его хочется.

— Мне живьем хотелось поймать, — добавил Кеолред, вдруг смутившись. — Привезти ей белочку. Знаете, чтобы прыгала... Она зверек шустрый. А невеста моя — совсем девочка. Я ее, правда, не видел. Знатная. Не слишком богатая,

но рода очень древнего. Мне хотелось, чтобы она... заинтересовалась мною. Понимаете?

Тасон кивнул.

— Стало быть, ваша цель севернее, моя — южнее, а сошлись мы в Юстриане... Хе-хе, передохнем тут — да и в путь, верно? — сказал громадный толстяк.

Третий путник бросил на них быстрый взгляд, но промолчал. Толстяк сам обратил на него внимания.

— Ну а ты, — загудел он, махнув рукой простолюдину, — тоже проездом? Или из местных?

— Проездом, — хмуро сказал простолюдин. — Я лошадьми занимаюсь. Хочу поспеть к конской ярмарке.

Туризинд молча опустил глаза. Меньше всего ему хотелось, чтобы эти трое обратили на него внимание.

Между ними не было ничего общего. Каждый из них очутился в Юстриане случайно: сбившись с пути или просто заглянув передохнуть в городок по дороге. Но вот они собрались в одном месте — и неожиданно Туризинду, наблюдавшему за ними со стороны, начало казаться, будто кое-что общее у этих троих все же имеется.

Что? Он не мог бы определить это словами. Какая-то победоносность, уверенность в собственных силах...

Разумеется, Туризинду и прежде доводилось видеть людей, которые не сомневались в себе, в своем достоинстве, богатстве, происхождении или

физической мощи. Но чтобы в одном трактире сошлись сразу трое — таких? В определенной степени они были равны друг другу.

И тут Туризинд подумал о четвертом. О колбаснике Ноттоне, который непостижимым образом подмял под себя весь город.

Как будто щелкнуло что-то в голове у Туризинда. Он еще раз посмотрел на трактирщика. Тот ответил долгим унылым взглядом.

Туризинд встал и, бросив на стол еще одну серебряную монету, направился к выходу.

И тут...

— Эй, а ты куда? — зычно взревел толстяк Тасон.

Туризинд замер, затем медленно обернулся.

— Вы мне, господин хороший?

— Да, да, тебе! — Тасон подскочил на месте, махнул мясистой рукой. — Вернись! Куда это ты направился?

— Я, господин хороший, направляюсь к моей лошади, поскольку утолил здесь голод и намерен продолжать путешествие, — ответил Туризинд, стараясь сделать так, чтобы голос его звучал ровно и, по возможности, равнодушно.

— А кто тебе позволил уходить? — надрывался, подпрыгивая на месте, Тасон.

— А почему я должен спрашивать чьего бы то ни было позволения? — в свою очередь осведомился Туризинд и коснулся рукояти меча. — Я свободный человек и не обязан отчитываться перед вами.

Дворянин Кеолред встал и преградил ему дорогу.

— Нет, ты нам ответишь, — произнес он.

Туризинд быстро огляделся по сторонам. Трактирщик куда-то спрятался — предусмотрительный малый. Туризинд вздохнул. Что ж, его предупреждали. Он еще не понимал, чего хотят от него эти чужие люди и почему они готовы наброситься именно на него... Но опасность, исходившая от них, была так же очевидна, как запах конского пота.

Туризинд обнажил меч.

— Я намерен уйти — и я уйду! — сказал он. — Пропусти меня, Кеолред, — если таково твое имя!

— Мое имя Кеолред, и я не пропущу тебя! — сказал тот.

Туризинд заглянул в его глаза и увидел в них пустоту. Зрачок Кеолреда расширился, залил всю радужную оболочку. В самой глубине этой черноты подрагивало какое-то странное пятно, еще более темное, нежели сам зрачок. Всмотревшись, Туризинд увидел собственное отражение. Оно было плоским, как будто Туризинд смотрел не в чужой глаз, а в зеркало.

Зеркала... Черные зеркала Дарантазия. Таковы были последние слова Дертосы перед тем, как она потеряла сознание.

Туризинд тряхнул головой и встретился взглядом с Тасоном. Он почти не сомневался в том, что увидит.

Да, именно так. И у зверопромышленника точно так же неестественно расширился зрачок, и там подрагивало изображение Туризинда. В сторону простолюдина Туризинд даже не посмотрел. Он больше не сомневался.

Черные зеркала Дарантазия управляли этими людьми. Какие-то далекие маги, чьих имен Туризинд даже не слышал, непременно желают захватить его. И для того подвластные им люди были посланы навстречу беглецу.

— Проклятье! — взревел Туризинд, обнажая меч.

Он не знал о тех, кто желал захватить его, почти ничего. У него имелись лишь обрывки догадок, ничем не подтвержденных. Развитый многолетним наемническим промыслом инстинкт кричал ему: «Защищайся! Убивай! Не разговаривай с ними!»

И Туризинд бросился в бой.

С невероятной мощностью Кеолред отбил атаку наемника. Тасон уже бежал на помощь своему союзнику. Вдвоем они напали на Туризинда. Третий, усмехаясь, вытащил из-за пояса кинжалы. Он кружил вокруг сражающихся в ожидании, когда можно будет подобраться к Туризинду со спины и пустить оружие в ход.

К счастью, Туризинд почти сразу успел встать спиной к стене, так что отбиваться ему пришлось только от двоих. Но третий постоянно оставался в поле его зрения, отвлекая и пугая наемника.

Кеолред оказался исключительно умелым фехтовальщиком. Его меч сверкал в руках с такой скоростью, что иногда клинок превращался в сплошную светлую полосу. Тасон, напротив, наносил редкие удары. Он предпочитал бить сверху вниз, обрушивая меч на голову противника с неудержимой мощью.

Дважды Туризинд уворачивался от этих ударов и наконец ему удалось, отскочив в сторону вдоль стены, пырнуть Тасона под мышку. Пока Туризинд выдергивал меч из мощного жирного тела зверопромышленника, Кеолред снова набросился на него. Туризинд с трудом отбил эту атаку.

«Плохо дело, — подумал он. — Этот парень сильнее, чем кажется. До чего искусен! И два-три приема, которых я не знаю...»

Впрочем, кое-что имелось у Туризинда в запасе. Сейчас он благословлял своего учителя фехтования за то, что тот научил его кое-каким из своих секретных приемов.

Один из этих приемов Туризинд применял крайне редко, вытаскивая его из своей заветной «кладовой» лишь в исключительных случаях. Он не хотел наткнуться на человека, который сумел бы запомнить этот прием и присвоить его себе.

Учитель держал этот трюк про запас — для того, чтобы поражать фантазию самоуверенных юнцов, приходящих на урок в первый раз. Эти молодые господа воображали, будто знают о фехтовании все и явились взять пару уроков лишь

для того, чтобы отточить мастерство. Ну и для того, чтобы был какой-нибудь «мальчик для битья», в которого можно было бы за деньги потыкать мечом. Таковым «мальчиком для битья» мнился ученик и будущий преемник учителя — приبلудный парнишка по имени Туризинд.

Многих, ох многих осаживал учитель! И Туризинд посмеивался, глядя, как эти знатные, богато разодетые юнцы теряют на глазах всю свою самоуверенность и растерянно хлопают глазами.

Туризинд усмехнулся. Кеолреду не избежать общей участи! Наемник начал хитрую атаку. Два обманных финта вывели Кеолреда из себя — так и должно быть. Затем Туризинд сделал «ошибку» и открылся. Кеолред ринулся туда, где заметил брешь в обороне противника. Пора!

Развернувшись, Туризинд нанес точный удар прямо в сердце. Во время уроков это бывал легкий укол, слегка задевавший кожу. Болезненно, но совершенно безопасно. Сейчас же Туризинд бил изо всех сил. Клинок распорол богатый бархатный колет и вошел в юную плоть Кеолреда.

Молодой дворянин упал. Туризинд наклонился над ним, выдергивая меч. Он увидел, как расширенный зрачок юноши сузился, в глазах умирающего появилось выражение полного недоумения. Губы его шевельнулись. Он шепнул:

— Что я здесь делаю?.. Зачем? Где Вэзилла?.. Я поймал для тебя белочку...

Он улыбнулся, вздрогнул и застыл.

Туризинд, пораженный, выпрямился. С его клинка стекала кровь.

Взревев, как бык, Тасон набросился на него, и Туризинду стоило немалых усилий увернуться от новой атаки великана. Тем временем конский барышник улучил момент и метнул первый нож. Туризинд ощутил острую боль в бедре. Теперь ему стало труднее двигаться.

Он осторожно пробирался к выходу. У него оставалась последняя надежда — выскочить во двор и умчаться от преследователей на лошади. Если только он сумеет дойти до двери...

Поздно!

В трактир ворвалась толпа горожан. Впереди бежал худой человек с огромным носом, и Туризинд с ужасом увидел его глаза — сплошная черная оболочка. Носатый вопил:

— Держи его! Убийца! Хватайте!

Люди, ворвавшиеся в трактир, набросились на Туризинда и повалили его на пол. Его беспорядочно били кулаками, топтали ногами, кое-кто дубасил бесчувственное тело палкой.

Туризинд успел еще подумать: «Во всяком случае, они спасли мне жизнь — толстяк убил бы меня...» — и свет померк перед его глазами.

Глава десятая

Неожиданное спасение

Трактирщик подбежал к носатому и принялся низко кланяться:
— Господин Ноттон! Сам не знаю, как это случилось! Эти господа сидели здесь и кушали, но вдруг тот человек ни с того ни с сего на них напал с оружием! Ах, господин Ноттон, прошу вашего прощения... Не знаю уж, что мне теперь делать!

— Ты позволил чужаку нарушить в городе порядок! — объявил Ноттон громовым голосом. Он посмотрел на Туризинда, избитого, с кинжалом в ноге. Наемник так и лежал на полу трактира. Никто не потрудился даже связать его. — Почему ты не выставил его из города? Ты же видел, что он опасен!

— Клянусь, я пытался выгнать его, но ведь он сильнее меня, и к тому же вооружен! — Трактирщик чуть не плакал.

— Ты допустил, чтобы в нашем городе был убит знатный человек, дворянин... — продол-

жал Ноттон, покачивая головой. — За это ты будешь оштрафован. Я забираю твой трактир. — В его черных глазах плясало изображение трактирщика.

Тот упал на колени, протянул к Ноттону руки.

— Не надо! — закричал несчастный.

— Ты можешь здесь работать, как и прежде, — милостиво позволил Ноттон, — однако хозяин отныне — я. Или ты хочешь возразить мне?

— Пощадите, — пробормотал трактирщик.

Ноттон засмеялся.

— Я ведь не жизнь у тебя отбираю! Что ты так плачешь? Не все ли тебе равно? Ты ведь просто любишь свою работу, так будешь работать на меня — и под моим покровительством!

— Справедливо, справедливо, — загудели вокруг.

Ноттон жестом призвал их к молчанию.

— Теперь — что мы будем делать с трупом?

Колбасник посмотрел прямо в глаза Тасону. Странное взаимопонимание установилось между этими двумя людьми, никогда прежде не встречавшимися.

— Я отвезу его в лес, — сказал Тасон низким, гулким басом. — Его съедят дикие звери. Никто и никогда не узнает, что случилось с господином Кеолредом. Он был хорошим человеком.

— Да, — согласился и лошадиный барышник. — Он был хорошим человеком. И никто не узнает, что с ним случилось.

— А этот? — спросил Тасон, указывая на бесчувственного Туризинда.

Ноттон сморщил свой длинный нос.

— О нем мы позаботимся, — обещал он. — Я рассчитываю на вас, господин Тасон.

Он сделал приветственный жест, адресуя его Тасону, но рука Ноттона застыла в воздухе: он уловил какие-то странные перемены, происходящие во дворе трактира. Замер и трактирщик.

На миг стало очень тихо, а затем обе створки двери разом распахнулись, и в трактир вместе с широким лучом солнечного света ворвались друиды и с ними Конан. Стрелы полетели, поражая цель, жалея всех без разбору. Горожане завопили от ужаса.

И было, от чего. Рослые, с разлетающимися волосами, с длинными смертоносными луками в руках, друиды двигались бесшумно и разили молча. Казалось, их очень много, хотя на самом деле их было не более десятка. Но перемещались они так стремительно, что перепуганным горожанам чудилось, будто их целое полчище. Обороняться не было никакой возможности, и уклониться от стрел не смог ни один.

Тасон, пронзенный сразу пятью стрелами, рухнул на стол и затих среди яств, попробовать которые ему так и не довелось. Ноттон схватился обеими руками за стрелу, торчащую у него из груди. Он раскачивался из стороны в сторону и жалобно завывал, когда вторая стрела оборвала его жизнь.

— Остановитесь! — закричал Конан, вскакивая на стол рядом с трупом Тасона.

Лучница с серебряными волосами держала за волосы лошадиного барышника. Острый кинжал вшивался тому в шею под ухом, и первая капля крови уже выступила на поверхность.

— Этот был четвертым, — сказала она, с холодным злым смехом обращаясь к Эндовааре. — Как мы поступим с ним, брат?

— Его нужно допросить, — закричал Конан, боясь, как бы друиды не прикончили последнего из четверых, у кого были расширенные черные зрачки. — Допросите его! Не убивайте сразу!

Эндоваара вышел вперед, откинул со лба волосы, огляделся по сторонам. Он был необыкновенно красив сейчас — когда стоял среди мертвых и раненных, в разгромленном трактире. Как всякий друид, Эндоваара являл собой сгусток жизни. Он был слишком живой, слишком красивый, слишком юный — и вместе с тем вечный; смотреть на него означало для смертного и к тому же больного, испуганного человека доставлять себе сладкую боль.

Эндоваара сказал:

— Вы, люди! Встаньте и подходите ко мне, один за другим. Я хочу видеть ваши глаза.

Они, робея, приближались. Он не обращал никакого внимания на их страхи. Ему было важно одно: нет ли еще кого-то с расширенными зрачками.

Люди не понимали, чего хочет от них этот страшный человек. Они просто подходили к нему и позволяли ему рассматривать себя. Его узкое лицо и странные глаза пугали их еще больше, чем его равнодушие. В эти мгновения он был больше похож на насекомое, нежели на человекоподобное существо. Он не знал ни сострадания, ни любопытства. У него имелась некая тайная цель, которую он преследовал, не считаясь с окружающими.

Один за другим горожане слышали от него тихое: «Ступай, ты свободен. Уходи, ты свободен...»

Некоторые были ранены, но никто — тяжело. Эндоваара мало интересовался ранами этих людей. Они оказались в неподходящем месте в неподходящее время, вот и все.

Наконец Конан остался наедине с лошадиным барышником, трактирщиком и лежащим без сознания Туризиндом.

Эндоваара гибко наклонился над наемником, осмотрел его, поднял голову.

— Почему этот человек так важен для тебя, Конан? — спросил он. — Он избит и ранен. Он попал в беду по собственной глупости. Он плохо умеет защищать себя.

— Нет, он неплохо себя защищал, — подал голос барышник. — Он уложил того дворянина, и сделал это мастерски, я вам скажу. Я все видел. Я ударил его, подобравшись так, что он не заметил.

— Хороший солдат всегда заметит врага, — возразил Эндоваара.

— Не в нашем случае... Впрочем, мне безразлично. Можете его добить, если хотите. Все вы — ничтожества... и люди, и друиды. Я видел тех, кто обладает истинной властью. Вам до них далеко. Даже если вы сейчас меня убьете, вам недолго жить. Вы подчинитесь или умрете.

— Вот это-то я и хотел услышать, — осклабился Конан.

Глава одиннадцатая

Видение

Туризинд пришел в себя и увидел, что находится в лагере друидов, возле костра. В первые мгновения ему подумалось, что случившееся с ним в последний день — чудесное явление рыжей лошади, бегство, странный трактирщик и жестокая драка в трактире, — все это ему попросту пригрезилось. С ним такое бывало и раньше, когда сны оказывались более реальными, нежели явь.

Но когда он пошевелился, его избитое тело отозвалось резкой болью. Нет, все произошедшее в городке под названием Юстриан, было на самом деле.

Не слишком надеясь услышать ответ, Туризинд негромко позвал:

— Конан...

— Я здесь, — послышался на удивление тихий, почти сердечный голос.

Как не похоже на Конана! Где же его вечные язвительные ухмылочки?

Туризинд приподнялся на локте.

— Ты? Это вправду ты, Конан?

— Да. Лежи. Тебе здорово досталось.

— Где мы?

— Я тебе все расскажу, ты просто лежи и слушай, хорошо?

— Хорошо... Только сперва ответь мне на один вопрос: чем опоили тебя друиды?

— Опоили? — Теперь в голосе Конана звучало удивление.

Туризинд, удовлетворенный результатом, хмыкнул.

— Ну да. Полагаю, это какой-то любовный напиток. Никогда еще ты не был таким милым. Ты меня поцелуешь, Конан? Я ведь очень плох. Поцелуй меня перед смертью!

— Дурак! — резко оборвал его Конан.

— Теперь я верю, что это ты, — удовлетворенно произнес Туризинд. — Продолжай.

— Ты самоуверенный болван! Что ты надеялся? Ты попросту удрал из лагеря.

— Да, — не стал отпираться Туризинд. — Именно это я и сделал.

— Далеко ты не ушел, — сказал Конан. — Я ведь предупреждал тебя, что без меня ты не справишься.

— Ты забываешь об одной очень важной вещи, Конан. Я и не намерен ни с чем «справляться». Ни с тобой, ни без тебя. Я просто хочу жить. Жить и быть свободным. Понимаешь? И для этого мне не нужен ты. Мне никто не нужен, кроме

меня самого. Так что я сбежал от тебя — и повторю попытку, как только встану на ноги. Я желаю остаться в одиночестве. Во всяком случае, без тебя — это уж точно.

— Без меня ты никогда не будешь свободен по-настоящему, — сказал Конан с непонятной усмешкой. — Если тебе интересно, что с тобой случилось на самом деле, то слушай и не перебивай. Ты добрался до Юстриана, но там тебя уже ждали. И так будет везде и всегда, куда бы ты ни направился. Повсюду тебя поджидают. Тебе нет пути, кроме одного-единственного, самого опасного — но и самого верного.

— Сколько тебе подают в базарный день, бабушка-сказительница? — поморщился Туризинд. — Что за чудные загадки?

Конан наклонился над ним, сверкнул дикими глазами:

— Ты будешь меня слушать?

— Да. — Туризинд чуть отодвинулся. — Ты меня задушишь. Говори попроще. Все-таки я был тяжело ранен в неравном бою и плохо соображаю. Сообразуйся с этим обстоятельством.

Конан фыркнул.

— Те люди сами не понимали, почему сошлись в Юстриане, так?

— Какие — «те»?

— Чужаки в трактире, что набросились на тебя. Они ведь не были знакомы, верно?

Туризинд призадумался, вызывая в памяти все случившееся.

— А ведь верно, — растерянно произнес он. — Один ехал к невесте, другой — по делам на юг, а все-таки их дороги сошлись в Юстриане, в том трактире. И третий человек, вероятно, тоже очутился там без всякой видимой причины.

— Причина имелась, уж поверь мне, — жестко сказал Конан. — И эта причина — ты. Они должны были задержать тебя. Любой ценой. И четвертый, колбасник или кто он там был, — он побежал к ним на помощь, едва ты убил дворянина. Все взаимосвязано.

— Я согласен, какая-то странная согласованность в их действиях была, — признал Туризинд, — но каким образом они связаны друг с другом?

— Ты еще не понял? — Конан покачал головой. — Как же ты командовал солдатами, если не замечаешь очевидного? Этими людьми управляет некая единая сила. И находится она в Дарантазии.

— Погоди, погоди... Солдатами я, кстати, командовал очень даже неплохо... — Туризинд растерянно смотрел на Конана, не зная, чему верить.

То и дело наемнику казалось, что Конан просто насмехается над ним. Говорит разные глупости — просто ради того, чтобы полюбоваться на ярость собеседника. Но в другие мгновения Туризинд понимал: Конан не расположен шутить. Происходит действительно нечто очень странное — и страшное.

Между тем Конан продолжал, спокойным, отрешенным тоном, как будто повторял давно выверженный урок:

— Уже несколько лет тайная стража Эбронду-ма замечала, что в герцогстве происходят странные вещи. Появляются люди, которым все удается. Непревзойденные фехтовальщики, соблазнительнейшие красавицы, торговцы, способные буквально одним прикосновением превращать любой товар в чистое золото... Ремесленники, на чьи изделия необычайно велик спрос... Ловкие политики, ухитряющиеся в считанные месяцы забрать власть в свои руки... Тебе ведь встретились именно подобные люди, не так ли?

Туризинд вздохнул.

— Вздор, Конан. Вздор. Обо мне тоже говорили, будто я продал свою душу демонам преисподней. Особенно любили распространяться на эту тему господа, которых я уложил ловким ударом меча. Человек-де не в состоянии фехтовать так хорошо... Глупости. Многолетние тренировки, терпение, опыт — ничего больше. У меня был один лучник в отряде...

— погоди. — Конан остановил его, подняв ладонь. — На самом деле начальник тайной стражи действительно проверял тебя, не являешься ли ты одним из них.

Туризинд вздрогнул.

Конан засмеялся:

— Ну что ты трепещешь, как рыба, выброшенная на сушу? Давно уже было установлено,

что ты — обычный человек. Ловкий фехтовальщик — да. Но тайна твоего успеха — в том, что много лет назад ты был лучшим учеником одного мастера фехтования. И не просто учеником, но юношей, в котором мастер видел своего преемника. Так? У каждого учителя фехтования имеется собственный тайный прием, который тот не открывает никому. Потому что учитель обязан быть лучше любого из своих учеников... Этот прием был открыт тебе. Тебе, будущему преемнику...

Туризинд отвернулся. Ему не хотелось говорить об этом. И уж тем более — обсуждать с Конаном то, что случилось чуть позже, когда карьера нового учителя фехтования так позорно оборвалась.

— Ты воспользовался своим знанием, — жестко продолжал Конан. — Но только совершенно не так, как следовало бы. Пользуясь тайным приемом своего учителя, ты убил человека.

— Я убил бы его снова! — зарычал Туризинд.

— Тихо, тихо... Лежи. Я просто привел пример того, как легко ошибиться в другом человеке. Может быть, ты и не образец добродетели, но, во всяком случае, своей души ты никому не продавал.

— Да уж, — успокаиваясь, пробормотал Туризинд, — душа моя еще при мне. Все остальное, кажется, у меня уже отняли.

— А эти люди отдали свои души... — Конан вздохнул. — Запрещенная магия. Назовем это

так, хотя «запрещенная магия» — слишком слабые слова для названия того, что проделали над собой те, о ком мы сейчас говорим. В Дарантазии был открыт метод усиливать естественные способности человека до невероятной мощи. Обычный охотник становится сверх-охотником: он ходит бесшумно, зверье само идет к нему, его зрение обостряется, рука становится твердой. То же самое касается и любого другого рода занятий. К этому следует добавить умение распространять вокруг себя легкие иллюзии.

Такие люди внушают окружающим, что их товары не просто хороши — или даже очень хороши, — покупателю ни с того ни с сего начинает казаться, будто именно эта вещь — самая желанная, самая лучшая на свете. Устоять перед искушением невозможно. Богатство, власть, удача — все плывет им в руки.

— Почему-то мне не кажется, что этих людей так уж много, — перебил Туризинд. — Ну, разбогател кто-то... У меня-то никто не отнял моего умения сражаться, верно? Так что и я, с твоего позволения, поживу в свое удовольствие — и этим господам мешать не стану. Положим, всучили они мне какой-то предмет, внушив, что я желаю им обладать... Так ведь я действительно этого желаю, верно? И, получив желаемое, буду счастлив, не так ли? И что же здесь дурного?

— Дурное... — Конан вздохнул, явно сожалея о глупости своего товарища. — Дурного здесь то, что неограниченная власть над другими попада-

ет зачастую в весьма недостойные руки. Ты ведь имел случай наблюдать это, не так ли?

Туризинд припомнил сбивчивые речи трактирщика. Впрочем, наемник не слишком доверял городским обывателям. По привычке он презирал этих людей. Обычно они трусливы и чересчур трясутся за свое добро. Повидал Туризинд таковых немало за время военных кампаний.

Впрочем, тот господин действительно не вызывал добрых чувств.

— Ну, возможно, — нехотя признал Туризинд. — Хотя, по мне, все эти горожане одним маслом мазаны...

— Но даже и не это главное, — добавил Конан. — Главное — другое. Люди, которые посмели прибегнуть к этой магии, сами того не зная, добровольно отдали свою волю магам Дарантазии. Теперь этими людьми можно управлять. Чем ты и стал свидетелем, Туризинд. Заметь, — Конан прищурился не без ехидства, — я не сказал «жертвой».

Туризинд задумался. Кое-что из увиденного подсказывало ему, что Конан прав. Напавшие на него в Юстриане люди выглядели как одержимые. Они даже не вполне, кажется, отдавали себе отчет в своих поступках. Особенно тот, что ехал к невесте. Туризинду стало жаль, что пришлось убить молодого дворянина.

Конан терпеливо ждал ответа.

— Возможно, ты прав, — наконец признал Туризинд. — Однако я все равно не вижу для себя

причины отправляться в Дарантазий и совершать там великие подвиги. По-твоему, какому-то жалкому наемнику это под силу? Тайная стража его светлости герцога, кажется, сильно преувеличивает мои возможности.

— Никого другого у них под рукой не оказалось, — спокойно пояснил Конан. — Сперва они наняли меня. Я как раз искал себе занятие, которое... м-м-м... хорошо бы оплачивали. Возможно, поначалу я промышлял не вполне законными вещами. И весьма ловко. Так ловко, что меня, так же, как и тебя, заподозрили в связях с Дарантазией. А потом я встретил Рикульфа, и он прямо предложил мне работу. Разумеется, я хотел бы сделать все один, но Рикульф убедил меня в том, что помощники не помешают...

Туризинд поморщился:

— Да, я помню. Если понадобится, ты можешь пожертвовать мной.

— Я начну жертвовать с Дертосы, — утешил его Конан.

— Можно уточнить? — сказал Туризинд. И когда Конан кивнул, спросил: — Но неужели не нашлось других наемников на роль загонщика в твоей охоте?

Конан пожал плечами.

— Я многих повидал за свою жизнь. Мне ведь уже минуло двадцать! — Он приосанился. Туризинд сдержал ухмылку и хорошо сделал: Конан вполне серьезно относился и к своему «солидному» возрасту, и к нажитому жизненному опы-

ту. — Ты не хуже и не лучше любого из тебе подобных. Впрочем, если ты сбежишь, тебя поймут и повесят за убийство Легера. Поскольку ты так и не назвал имени нанимателя, было принято решение считать убийство нападением с целью грабежа, а за это полагается виселица. Так объяснил Рикульф.

— За убийство, совершенное по найму, тоже ничего хорошего не полагается, — возразил Туризинд. — Так что я предпочитаю сохранить мою честь.

— О чести заговорил, смотри ты! — Конан выглядел искренне удивленным, и это странным образом задело Туризинда.

— Друиды спасли тебя, — в заключение разговора сказал Конан, — и я советую тебе быть внимательнее к моим словам. Наши теперешние хозяева знают об опасности, исходящей от Дарантазия. Они будут на моей стороне, если ты попробуешь удрать еще раз.

— Я понял, — сказал Туризинд нехотя.

Конан отошел от него к костру. Туризинд проводил его взглядом и тяжело задумался. Меньше всего ему хотелось отправляться в Дарантазий и героизировать там. Туризинд не был склонен рассматривать запрещенную магию как нечто угрожающее лично ему. Против любой магии найдется добрый меч.

* * *

Дертоса, робея, вошла в огромное помещение. Она не могла в точности припомнить, была ли она здесь когда-либо в прошлом. Высокие колонны немного утолщались кверху, отчего потолок казался еще более далеким, нежели на самом деле. Стены просторного зала были расписаны сценами речной жизни: в высокой прибрежной траве прятались дикие коты, и утки выводили птенцов, на которых велась охота; нижний ярус представлял собой изображение воды и плавающих между водорослями рыб.

Впереди, в неимоверной дали, терялся высокий трон. И там, на троне, кто-то восседал, поджидая Дертосу.

Девушка сделала несколько шагов по прохладному полу. Она опустила глаза и увидела, что идет босиком. На ней было полупрозрачное белое одеяние, длинное, с разрезами по бокам. Оно оставяло открытыми ее руки и бедра почти до талии. При каждом шаге легкий шелк развевался.

Дертоса хотела остановиться, но поняла, что не в ее власти принимать какие-либо решения. Ей было велено идти, и она приближалась к трону неуклонно, шаг за шагом. Она старалась по крайней мере двигаться медленно, оттягивая неизбежный миг, когда придется взглянуть в лицо тому, кто ждал ее в конце зала.

Тихо проплывали мимо Дертосы нарисованные рыбы, слегка колыхались плоские, созданные во-

лей художника водоросли; камышовые коты, чьи серые шкуры были исцирканы рваными черными полосами и испещрены пятнами, следили за девушкой вытаращенными янтарными глазами. Одно-единственное мгновение бурной приречной жизни застыло на этих стенах: взлетает — и никогда не взлетит распластавшая крылья утка; готов прыгнуть — но никогда не прыгнет камышовый кот, вышедший на охоту; плывет — и никогда не минет пучок бурых водорослей стайка серебристых рыбок... И Дертосе казалось, что и сама она находится внутри застывшего мгновения: она обречена вечно идти и никогда не приблизиться к тому человеку, что восседал на троне.

Внезапно все переменялось. Трон и сидящий на нем приблизились в одно мгновение; прежняя картина на стене исчезла, превратившись в другую: желтый песок, усыпанный раковинами. Дертоса подняла голову и встретила со взглядом черных глаз. Несомненно, она видела эти глаза прежде, но успела забыть силу и властность, исходившую от их взора.

Колени у нее задрожали. Ей стоило больших сил удержаться на ногах и не упасть к подножию трона.

— Дертоса, — услышала девушка низкий голос, проникавший, казалось, в самые глубины ее естества и полностью подавляющий ее волю. — Дертоса, поговори со мной...

— О чем ты хочешь говорить? — с трудом вымолвила она.

— О тебе, дитя мое... Где ты сейчас находишься?

— Я... не знаю, — ответила она.

Тщетно она озиралась по сторонам в поисках ответа. О, она знала, что ответ надлежит дать непременно, иначе ей грозит страшное наказание. Она даже помыслить боялась о том, каково это наказание будет. Она должна, обязана сказать правду в ответ на вопрошание низкого голоса.

Но где же ответ? Берега нарисованной реки заволокло туманом. Дертоса несколько раз махнула руками, как бы пытаясь разогнать этот туман и посмотреть, что же скрывается за мглой, но ничего не вышло: серая пелена стала еще гуще.

Дертоса вскрикнула несколько раз. Ей показалось, что в камышах ей отзываются утки. Она обрадовалась: хоть какая-то примета. И произнесла:

— Я нахожусь посреди реки.

Эти слова представлялись ей самыми точными из возможных, поэтому когда она ощутила резкую боль во всем теле, то очень удивилась.

— За что ты наказываешь меня? — еле двигая губами, вымолвила она.

— За ложь, — был безжалостный ответ. — Ты ответила мне неправду. Попробуй еще раз, Дертоса. — Голос опять стал мягким, противиться ему было невозможно. — Ответь мне, дитя мое. Где ты находишься?

Она оглянулась по сторонам. Паника в ее душе росла. Наконец она упала на колени и протянула руки к сидящему на троне:

— Я ничего не вижу...

— Ты лжешь! — загремел голос.

Новая волна боли прокатилась по телу Дертосы. Ей показалось, что она бесконечно падает в пропасть, полную острых игл, и каждая игла жадно впивается в плоть и начинает терзать ее.

— Я не вижу! Не вижу! — кричала девушка, извиваясь на иглах в отчаянии. Но от каждого ее движения иглы еще глубже входили в ее тело. Она поняла, что умирает. Рано или поздно одна из игл пронзит ее сердце.

— Эндоваара! — выкрикнула она из последних сил. — Эндоваара!

Она сама не знала, почему назвала это имя: просила ли она своего первого друга прийти к ней на помощь и избавить ее от мучителя, называла ли она того, кто находился рядом с нею, чтобы допрашивающий узнал, наконец, с кем она, и простил ей невольную ложь... Она просто произнесла это имя, и боль отступила. Иглы исчезли.

Низкий голос проговорил:

— Ты умница, Дертоса. Ты — прелестное дитя. Я не убью тебя. Ты будешь жить, слышишь? Я не оставляю тебя. В любой беде — стоит тебе лишь призвать меня, и я приду. Я избавляю тебя от всякой напасти...

— Туризинд?... — прошептала Дертоса и потеряла сознание.

* * *

Туризинд проснулся от диких криков девушки. В первое мгновение ему показалось, что на лагерь произошло нападение и что кричит кто-то смертельно раненый. В голосе Дертосы звучал такой ужас, что Туризинд почувствовал, как кровь холодеет у него в жилах. Что бы сейчас ни происходило, это было ужасно.

Он вскочил и увидел, что весь лагерь уже на ногах. Друиды просыпались легко и сразу готовы были к действию.

Однако никто из них не трогался с места. Все стояли и смотрели на происходящее молча, неподвижно.

Дертоса лежала чуть поодаль от почти погасшего костра, возле входа в золотой шатер. По шелковой расшитой стене шатра бегали сполохи, как будто отсвет далеких зарниц.

Девушка кричала во сне. Ее сотрясали судороги, она выгибалась и простирала руки к небу.

Внезапно из ее тела вырвались пять ярких золотых лучей. Эти снопы света рвались вверх, заливая сиянием все вокруг. Они как будто тиснили поднять Дертосу в воздух и увлечь ее за собой, к звездам.

Туризинд не мог отвести глаз от страшной картины. Избиваемая невидимой силой, девушка кричала и корчилась на земле, а свет, исторгнутый из пяти ее ран, удерживал ее в воздухе и не позволял упасть.

Затем она выкрикнула:

— Эндоваара!

А затем, еле слышно, прошептала:

— Туризинд?..

И все исчезло. Лучи погасли, судороги прекратились. Дертоса, обессиленная, лежала на земле. Глаза ее были открыты, но ничего не видели; она хрипло дышала, и этот звук был единственным в ночной тишине.

Друиды бесшумно разошлись. Остались только Эндоваара и Туризинд; Конан темной тенью виднелся возле костра — он подкладывал поленья, чтобы огонь вспыхнул ярче.

Друид с серебряными волосами и наемник вдвоем перенесли Дертосу ближе к костру. Она была очень холодной. Ее зубы постукивали от озноба.

— Что это было? — спросил Туризинд.

Эндоваара встретился с ним взглядом.

— Она назвала твое имя...

— И твое, — напомнил Туризинд.

Эндоваара покачал головой, но ничего не ответил.

— Что вы с ней сделали? — настойчиво спросил Туризинд, хватая друида за руку.

Он высвободился с удивленным видом.

— Почему ты прикасаешься ко мне?

— Я всего лишь хочу услышать ответ на вопрос.

— Ладно... — Друид презрительно дернул уголком рта. — Эти огни... Может быть, это — единственное, что охранило ее от гибели.

— Она едва не умерла, — сердито возразил Туризинд. — Она и сейчас еле жива.

— Нет, с нею все в порядке... Ее душа в плену, и освободить ее мы не в силах. Мы можем только защитить ее. Ты видел, как это происходит. Это будет повторяться, Туризинд.

— Если это повторится еще раз или два, оно убьет ее, — сказал Туризинд.

— Лучше смерть, чем вечное рабство у них, — отозвался Эндоваара. — Позаботься о ней. Она должна выпасться. Сиди рядом, держи ее за руку. Дай ей воды.

— А ты? — Туризинд поднял голову, взглянул на рослого друида, чей темный силуэт отчетливо вырисовывался на фоне костра.

— Я ухажу. Люди, болотное племя — все это не мои заботы.

И он бесшумно растворился в ночной темноте.

Туризинд устроился возле костра, подле Дертосы. Девушка не спала и была в сознании. Конан маячил где-то поблизости, но его присутствие — впервые за долгое время — не мешало Туризинду.

— Что это было, Дертоса? — мягко обратился к девушке наемник. — Почему ты кричала?

— Они спрашивали меня... Они меня допрашивали... — повторяла она. — Я ведь не знала, что так будет, не знала... Они обещали мне власть над мужчинами. Обещали, что я смогу сводить их с ума. Мужчины будут отдавать мне

деньги и драгоценности — и при том даже пальцем меня не тронут. Такова была моя месть племени людей. Да, я хотела отомстить! — Глаза ее слабо полыхнули огнем. — Отомстить тем, кто опозорил мою мать!.. Уж я-то не разделю ее участи. Ни один мучжина не будет владеть моим телом, ни один не станет причиной моих страданий и позора!..

— Ну, да, — вяло согласился Туризинд. Эта часть рассказа Дертосы всегда вызывала у него сильное сомнение.

— Ты мне не веришь, — обреченно вздохнула она.

Он сжал ее пальцы.

— Я верю тебе, — проговорил он, стараясь придать своему голосу уверенность, которой вовсе не чувствовал. — Но продолжай. Расскажи мне все. Я... — Он помедлил немного, а затем решился: — Я твой друг, Дертоса. Я не предаю тебя.

Она судорожно вздохнула.

— Они обещали мне власть над сознанием мужчин, но не сказали, что возьмут у меня взамен. Я думала — деньги. Я принесла им все, что у меня было. Даже колечко, которое подарил мне Эндоваара, когда я подросла... Они все это забрали и привели меня к черным зеркалам.

Туризинд вдруг поймал взгляд Конана. Его товарищ ловил каждое слово пленницы. «Отмычка», — вспомнил Туризинд наименование, которое Конан дал этой красивой девушке. Девушке, страдавшей от одиночества, от боли, от страха.

— Черные зеркала, — захлебываясь, продолжала Дертоса, — я смотрелась в них, и они... как будто создавали меня другую. Двойника. Но этот двойник не был отдельной личностью. Он был — тоже я. И в какой-то миг мой двойник и я — мы срослись, стали единым целым... Вот что произошло. И еще мне почудилось — в тот миг, когда я сливался с моим двойником, — что какая-то крохотная часть меня навсегда осталась в черном зеркале. И теперь они хранят эту часть... И могут вызывать меня в любой момент, когда им этого захочется.

— А эти огни, — осторожно напомнил Туризинд, — огни, исходившие из твоего тела...

Она рассеянно провела кончиками пальцев по своей коже, там, где прежде чернели ожоги. Ни следа от ожогов не осталось, хотя, судя по тому, как морщилась от прикосновения девушка, кожа осталась болезненной.

— Друиды дали мне защиту от темных сил Дарантазия... Не знаю, долго ли продержится эта защита... Не знаю, когда снова вспыхнет пламя.

— Не будешь врать — оно и не вспыхнет, — неожиданно подал голос Конан.

Туризинд удивленно посмотрел на своего товарища. Тот вторгся в очень интимный разговор и своим грубым замечанием разрушил доверительность, возникшую было между наемником и пленницей.

Конан между тем присел рядом и неловко погладил Дертосу по спутанным волосам.

— Ты хорошо держалась, — похвалил он ее. — Ты почти сумела не выдать нас. Я впервые вижу, чтобы человек, отдавший часть себя черным зеркалам Дарантазия, мог противиться воле своих господ так долго. У тебя очень сильная душа. Похоже, я рад, что мы сумели спасти тебя. Я рад, что ты с нами.

Дертоса прерывисто вздохнула и схватила обоих спутников за руки.

— Спасите меня! — проговорила она, задыхаясь. — Спасите! Я знаю, что магия друидов и магия черных зеркал, объединившись, убьют меня!

— Никто тебя не убьет, — возразил Туризинд. Его смутил порыв девушки. — Что за глупости... Магия. Друиды и мы сумеем тебя защитить.

— Никто ее не защитит, если она останется под властью магов Дарантазия, — возразил Конан. — Пойми, Туризинд, таких, как она, будет все больше и больше. Они воображают себя повелителями, на самом деле являясь послушными исполнителями чужой воли, жалкими рабами... Ты уже имел случай увидеть, как это происходит. Я бы чувствовал себя униженным после такого.

— После какого? — растерялся Туризинд.

Конан сказал:

— Тебе навязали поступок, совершать который ты не хотел.

— Какой поступок? — Туризинд покачал головой. — Припугнули смертной казнью, а потом потащили в Дарантазий — сражаться с черными магами?

— Нет, другой... Тебя заставили убить молодого дворянина, который ловил белочку для своей юной возлюбленной. Тебя заставили сражаться с людьми, которых ты видел впервые в жизни и которые не причинили тебе никакого зла.

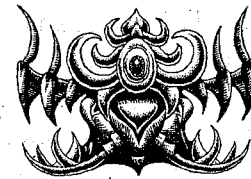
— Ну да, просто они хотели меня убить, — проворчал Туризинд.

— Их тоже подчинили и унизили, — сказал Конан убежденно.

— Только не надо мне рассказывать, что убийцы — на самом деле жертвы обстоятельств, — рассердился Туризинд. — Я сам убийца и знаю, как это бывает. Нужны деньги, у тебя плохое настроение, просто случай подвернулся — и не хочется чувствовать себя дураком... И убиваешь. Вот и вся причина. Ни один убийца — не жертва, поверь.

— Я говорю совсем о другом, — вздохнул Конан. — Впрочем, поступай как знаешь. Эта девушка понимает ситуацию куда лучше, чем ты. И она знает, что погибнет, если ты не поможешь ей снять заклятие.

— Я? — Туризинд вдруг понял, что Дертоса до сих пор держит его за руку. — Я? Снять заклятие? — Он с силой выдернул руку из пальцев девушки. — Ты ошиблась, дорогая. Тебе нужен маг, а не наемник. И у тебя никаких денег не хватит оплатить мне поход в Дарантазий. Не обольщайся, Дертоса: как бы ты ни нравилась мне, я не смогу тебе помочь.

Глава двенадцатая

Нападение перед рассветом

уризинд был сердит и заснул только перед самым рассветом; половину ночи он ворочался без сна, вспоминая умоляющий голос Дертосы и ее просьбу о спасении. Стоило Туризинду сомкнуть веки, и он снова видел, как по шелковым стенам золотого шатра бегают зловещие отблески волшебных огней. Ему даже представить себе было страшно — каково это: носить в собственном теле друидийскую магию и знать, что можешь воспламениться в любое мгновение...

Та девушка с серебряными волосами, сестра Эндоваары, поступила с Дертосой слишком жестоко. Но у друидов — собственные представления о правильном и неправильном. Даже Эндоваара, несмотря на всю его любовь к Дертосе, счел подобную меру предосторожности уместной.

И все же... Как она кричала! Так кричат не от одной только физической боли. Нет, Дертосу разрывала какая-то острая душевная мука. Должно

быть, той части ее существа, что осталась в черных зеркалах, причиняли страдания...

Наконец Туризинд заснул. Но даже во сне он продолжал думать о Дертосе, о ее странной судьбе, о ее просьбе...

«Я не мог влюбиться, — сказал себе Туризинд. — Я наемник, я повидал женщин во всей их красе: женщин коварных, женщин побежденных, женщин лгущих, женщин крадущих... Я не знаю, что такое любовь к женщине. Это попросту невозможно для такого, как я».

Но во сне, когда силы разума были ослаблены, а бессловесные силы души, напротив, окрепли, Туризинд знал, что лжет самому себе. Дертоса во все не была ему безразлична. И менее всего он склонен был видеть в ней простую «отмычку»...

* * *

— Дайте мне оружие!

Во сне Туризинда Дертоса, все еще в рваной, наполовину обгоревшей рубашке, некогда принадлежавшей Конану, босая, растрепанная, отбивалась голыми руками от какого-то монстра, налетавшего на нее с небес, и взывала в отчаянии:

— Дайте мне оружие! Заклинаю вас небом!

Туризинд проснулся мгновенно, как будто его подбросило пружиной, и сон тотчас, как по волшебству, сделался жуткой явью.

Пять или шесть чудовищ носились над лагерьем друидов. В первые секунды Туризинд отка-

зывался верить тому, что предстало его глазам. Тела монстров в точности напоминали человеческие, только отличались более хрупким сложением. Вместо рук у них были огромные кожистые крылья с острыми когтями. Их лица, крошечные и сморщенные были совершенно безволосыми. Крохотные глазки-бусинки горели багровым пламенем, носы напоминали свиные рыльца, а круглые полуоткрытые рты были полны острых длинных зубов.

Издавая тонкие пронзительные крики, чудовища подлетали к друидам и Дертосе и норовили зацепить их крыльями.

— Дайте мне меч! — кричала Дертоса, размахивая руками.

Туризинд подскочил к ней и, выхватывая на бегу свой меч из ножен, успел отогнать летучего монстра, уже протянувшего было когти к девушке.

Туризинд не сразу понял, что рана на его ноге, полученная в Юстриане во время схватки с околдованными людьми, почти не болит. Она практически зажила — сработала защитная магия друидов. Туризинду некогда было думать об этом. Он даже не успел испытать благодарности к тем, кто исцелил его, даже не показав, когда и как, одним мановением, очень просто и скрытно.

Сейчас Туризинд видел только одно: полное ужаса лицо Дертосы.

— Держи! — Он бросил ей кинжал.

Она поймала клинок на лету и резко взмахнула им, отгоняя от себя очередное чудовище.

— Шесть, — подсчитал Туризинд. — Но где же друиды? Бросили нас на произвол судьбы! Очень красиво с их стороны! Вполне достойно столь поэтического народа...

— Ты несправедлив! — выдохнула Дертоса, уворачиваясь от нового чудовища, которое тянуло к ней раскрытую пасть. — Ты не знаешь их!

— Ну да, конечно, — иронически отозвался Туризинд.

Мимходом он вспомнил о том, что они пришли к нему на помощь в Юстриане... что они отогнали болотных людей... Но в обоих случаях у друидов имелись собственные причины для подобного поступка.

Конан выскочил из леса. Он весь был залит темной кровью — по цвету крови Туризинд с облегчением понял, что она принадлежала монстрам, но никак не человеку.

В каждой руке его сверкало по клинку: один, прямой — самого Конана, другой, тонкий и изогнутый, несомненно, был позаимствован у друидов.

Со всех ног Конан неся к Туризинду, что-то крича.

Туризинд прокричал ему в ответ:

— Ты вовремя!

Они встали спина к спине. Туризинд ощущал исходящий от Конан жар.

Тонкий меч Конан бросил Дертосе:

— Держи! Ты умеешь обращаться с этим?

— Да, — ответила она просто и тотчас доказа-

ла свою правоту, распоров кожистое крыло одного из чудищ.

Как ни жутко выглядели эти люди, похожие на летучих мышей, у них имелось уязвимое место: их крылья. Птица, потеряв перо или даже десяток перьев, продолжает лететь как ни в чем не бывало; но рана кожистой перепонки крыла у подобного монстра делает его беспомощным.

Испустив громкий визг, чудище рухнуло на землю. Дертоса подскочила к нему с поднятым в руке изогнутым друидийским мечом. Девушка не колебалась ни мгновения: клинок сверкнул в воздухе и обрушился на монстра. Отрубленная голова покатилась по земле. Челюсти лязгнули в последний раз и сомкнулись на пучке травы. Голова остановилась, багровые глазки погасли.

Тело дернуло тонкими ногами и затихло.

Дертоса повернулась к своим спутникам. На лице девушки сияла широкая улыбка. Туризинд не мог поверить собственным глазам: Дертоса смеялась! Она выглядела совершенно счастливой — как человек, который наконец-то делал то, о чем давно мечтал.

Разорванная рубаша развевалась вокруг ее гибкого миниатюрного тела. Места, где были ожоги, причиненные друидийской магией, чуть покраснели, но в целом кожа девушки оставалась гладкой и чистой.

Сразу двое набросились на Конана. На несколько минут спутник Туризинда совершенно скрылся, как бы погребенный под шевелящими-

ся крыльями чудовищ. Туризинда с отвращением видел тощие спины монстров, выступающие позвонки, шевелящиеся лопатки. Он хотел было прийти на помощь товарищу, но трое чудищ разом атаковали его с воздуха. Один запутался когтистыми ногами в волосах Туризинды и резко дернул вверх, как будто намереваясь сорвать голову с плеч наемника.

Дико закричав, Туризинда ткнул его мечом. Чудище зарычало и вдруг гневный рык сменился жалобным хрюканьем. Прямо на голову Туризинды вывалились сизые внутренности, его окатило потоком крови, и он едва не задохнулся, таким острым сделалось зловоние.

Туризинда упал, с отвращением отбрасывая от себя труп монстра. Едва он освободился от мерзко воняющей туши, как увидел сияющее лицо Дертосы.

— Спасибо, — хрипло выдохнул Туризинда.

Она тряхнула волосами и повернулась к чудищам, которые одолевали Конана.

Из спины одного из них вдруг высунулся клинок: Конан ухитрился пронзить монстра насквозь. Второго Дертоса заколола кинжалом.

Перед Туризиндой опустились на землю двое оставшихся. Они стояли, чуть согнув напряженные ноги и широко раскинув крылья. Их когти налились кровью и шевелились, точно пальцы, готовые впиться в тело противника.

Один вдруг завертел головой и начал яростно лязгать зубами. Миг — и он наскочил на Тури-

зинда, норовя впиться крыками ему в основание шеи.

Туризинда получил возможность оценить силу его хватки: костлявые конечности вцепились в руки наемника, прижали их к телу; Туризинда оказался как будто бы закутан в кожистое одеяло, спеленут и стиснут. Он не мог пошевелиться. Ему оставалось только смотреть, как надвигается на него распахнутая пасть.

Второй монстр кружил неподалеку, тихо поизвивая и щелкая челюстями в ожидании своей очереди.

Конан напал на монстров одновременно с Дертосой. Девушка, не колеблясь, всадила кинжал в спину тому, что схватил Туризинду.

Это произошло вовремя: Туризинда уже ощущал, как острые клыки вонзаются в его кожу. Тонкие, точно иголки, они проткнули кожу сразу в десятке мест. Кровь потекла неудержимым потоком; должно быть, в слюне чудовищ имелось нечто разжижающее кровь и мешающее ей сворачиваться. Нечто подобное имеется и у летучих мышей-кровососов, которых так боятся пастухи.

Второго монстра без особого труда прикончил Конан. Точнее, это так выглядело: могучий варвар попросту разрубил чудовище пополам. Перед тем, как издохнуть, монстр развернул окровавленную пасть к своему убийце и шумно дохнул на него. Когда истекающее кровью существо повалилось к ногам Конана, тот поднял меч, чтобы напасть на следующего противника, — и вдруг

без сил опустился на землю. Он уронил руки на колени, из последних сил цепляясь за меч, и тяжело задышал.

— Они отравляют воздух! — закричала Дертоса. — Их дыхание ядовито! Конан может умереть, он надышался яда... Нам нужно как можно скорее бежать отсюда!

Она наклонилась над Конаном и попыталась поднять его. Но если в схватке с монстрами Дертоса сражалась наравне с мужчинами, то поставить на ноги массивного киммерийца ей оказалось явно не под силу. Она пыхтела и едва не рыдала от бессилия и взглядом умоляла Туризинда о помощи.

Туризинд и сам едва держался на ногах. Должно быть, Дертоса права: монстры потому и не были чересчур агрессивны, что не желали тратить силы понапрасну.

Им требовалось продержаться какое-то время, чтобы люди успели надышаться ядовитыми испарениями. И тогда их жертвы станут легкой добычей. На них можно будет наброситься и высосать кровь.

— Быстрей! — кричала между тем Дертоса.

«Либо болотная кровь помогает ей выстоять, либо это действие друидийской магии», — полусонно подумал Туризинд, наблюдая за потугами девушки спасти Конана.

Собрав в кулак остатки воли, Туризинд кое-как поднялся на ноги и приблизился к своим товарищам. Дертоса метнула в него горячий взгляд,

от которого кровь быстрее побежала по жилам Туризинда.

— Давай.

Туризинд схватил Конана за подмышки, и втроем они побежали прочь с поляны. За Туризиндом тянулся широкий кровавый след, и один из умирающих монстров повернул голову и высунул язык, чтобы в последний раз слизнуть сладкую капельку вкусной и свежей человеческой крови.

* * *

Когда они отбежали на несколько полетов стрелы от того места, где произошла схватка с нелюдьми, им стало легче. Конан наконец смог вздохнуть полной грудью, а Туризинд осознал, что кровь по-прежнему льется из его раны на шее, и Дертоса взялась остановить ее.

— Потуже замотай ему горло, — советовал Конан, наблюдавший за тем, как девушка, по локоть измазанная в крови Туризинда, возится с повязками. — Палку подложи и поверни ее несколько раз, чтобы затянуть покрепче. Нет ничего лучше, чем тугая повязка на шее, знаешь ли.

— Да уж, знаю, — засмеялась она. — Шутки у тебя... натужные.

— Это потому, что я наглотался яда, — ответил Конан. — Обычно я довольно веселый малый.

— Осталось только понять, кем ты был раньше, — сипло выговорил Туризинд, — подручным палача или помощником могильщика.

— Я был тобой, — сказал Конан, на сей раз без тени улыбки.

— В каком смысле? Ты тоже был наемником? — Туризинд поразился услышанному. — Это странно! Наемники обычно знают друг друга... Я хочу сказать — все капитаны, как правило, знакомы. А ты достаточно стар, чтобы быть капитаном.

Этот намек на юный возраст киммериец пропустил мимо ушей.

— Может быть, я слишком стар для того, чтобы ты мог меня знать, молокосос, — заметил Конан. — Впрочем, тебя я тоже не встречал, хотя не раз продавал свой меч, в том числе и в Аргосе. Только это было южнее зингарской границы. А в Зингаре тебе не доводилось сражаться?

— Нет, — Туризинд покачал головой. — Когда у меня бывали тяжелые времена, я бродяжил по Аквилонии.

— Красивая страна, — вздохнул Конан.

Кое-как утихомирив рану Туризинда, девушка махнула рукой:

— Идем дальше. Здесь оставаться не следует. Монстры могут напасть снова... Кажется, мы не всех перебили. Кроме того, я не сомневаюсь, что вслед за первыми прилетят еще. Такая нечисть всегда летает стаями.

— Откуда они взялись? — недоумевал Туризинд, ковыляя вслед за девушкой. — Просто взяли и свалились на нас с неба? Но почему именно на нас?

— Потому что те люди в Дарантазии непременно желают остановить нас, — сказал Конан. Он выглядел угрюмым. — Я уже говорил об этом. Не понимаю только, почему никто из вас мне не поверил. Сперва проклятые маги прислали своих агентов в Юстриан, а когда это не помогло — допросили Дертосу и, выяснив ее местонахождение, нагнали сюда этих летучих мышей.

— Но почему же друиды не помогли нам? — продолжал недоумевать Туризинд.

Внезапно он ощутил дурноту. Голова у него закружилась, он едва устоял на ногах.

— Что за дьявольщина? — выговорил он. — Неужели я потерял так много крови?

Он взглянул на своих спутников — те выглядели не лучше: у Конана глаза вылезали из орбит, он побагровел и схватился обеими руками за горло, а Дертосу, напротив, стояла очень бледная, и слабое сияние вырывалось из ее тела.

— Бежим! — прошептала она.

«Поблизости монстры, — понял Туризинд. — Много...»

Он сделал шаг и свалился замертво.

* * *

Пробуждение оказалось страшнее забытья. Когда Туризинд открыл глаза, то первое, что предстало его взору, была оскаленная морда чудовища и вырывающееся из ее пасти синеватое пламя.

Туризинд хотел было вскрикнуть, но язык присох к гортани. Слабый писк вырвался из его горла, и Туризинд от души понадеялся, что поблизости не окажется свидетеля, который услышит этот жалкий звук.

— Очнись! — Кто-то подталкивал его в бок. Туризинд поднял глаза и увидел, что над ним стоит Дертоса.

Теперь на девушке была другая одежда — так одевались девушки народа друидов: кожаная туника чуть ниже колен, мягкие сапоги, украшенный бисером пояс, спущенный на бедра. Рукоять меча виднелась из-за ее плеча. Того самого, с кривым клинком, которым она убила нескольких монстров.

— Приди в себя, они все мертвы, — сказала Дертоса.

Она улыбнулась и села рядом на корточки.

— Опасность миновала. По крайней мере, на несколько часов. Если мы поторопимся, то к ночи будем уже в безопасности.

Она потянула его за руку.

— Вставай. Ты был отравлен, но сейчас воздух чист.

Туризинд с трудом сел. Шея болела, голова гудела словно с перепоею.

— В такие минуты я завидую мертвым, — говорил он немеющими губами и попытался снова лечь, но девушка ему не позволила.

— Стыдно, — прошипела она сквозь зубы. — Возьми себя в руки.

При слове «стыдно» он окончательно очнулся. Посмотрел на огонь. Голова монстра уже исчезла в пламени.

— Сколько их было? — спросил Туризинд.

— Больше сотни, — ответила девушка. — Друиды приняли бой. Они не так восприимчивы к яду, который распространяют вокруг себя эти создания, поэтому-то и заманили их в ловушку на эту поляну. К нам прорвалось только шестеро. Остальные все бились здесь.

Туризинд сделал несколько шагов. Он отошел от костра, на котором сгорали трупы монстров, и осмотрелся по сторонам.

Поляна представляла собой страшное зрелище. Повсюду видны были широкие, размазанные по траве пятна крови, преимущественно бурой и сизой. Это была кровь монстров. В каждом из этих хрупких летучих тел ее заключалось гораздо больше, чем можно было бы предположить, глядя на чудовищ.

«Это потому, что они сосут кровь, — подумал Туризинд. — Они накапливают ее. В ней — их сила, ее они претворяют в отраву...» У него опять закружилась голова, стоило ему подумать об этом.

Отрубленные когти, части конечностей, разорванные кожистые перепонки кое-где еще валялись на земле.

Но страшнее всего было другое.

Пятеро или шестеро друидов были тяжело ранены и истекали кровью, а двое были мертвы.

Вид мертвых друидов потряс Туризинда. Он никогда прежде не представлял себе, что эти существа, наделенные долгой жизнью, могут умереть. В друидах всегда было слишком много жизни, чтобы человек отважился представить себе их мертвыми. И все же эти двое погибли. Светлые, могущественные создания были мертвы, разорванные зубами и когтями каких-то отвратительных уродов, порождений извращенного человеческого мозга какого-то колдуна!

Туризинд услышал чей-то громкий крик — и вдруг понял, что кричит он сам. Все его существо противилось увиденному. И — хуже того — он понял, что один из раненых друидов тоже скоро умрет. Те, что могли исцелиться, наливались жизненной силой прямо на глазах. Их раны затягивались, глаза становились все более ясными и чистыми. Но последний уходил. Он как будто развоплощался, и происходило это стремительно и необратимо. Вот кожа друида побелела, сделалась почти прозрачной. Глаза утратили всякое выражение. Еще миг они лучились тихой грустью неизбежного расставания, а затем исчезла и она. Остался только свет.

Поток чистого, ничем не замутненного света... Он растекался по поляне, прикасаясь к каждому из остающихся: так умирающая мать гладит по щекам своих плачущих детей, уговаривая их расти хорошими, смелыми людьми... Внезапно Туризинд почувствовал, что и ему была уделена эта мимолетная ласка. Огромная любовь наполнила

его душу, он ощутил себя отважным, могучим, полным сил, полным желания жить и, если понадобится, умереть ради других людей... он ощутил себя героем, и в этот миг у наемника не возникло ни малейшего желания посмеяться над собой и своими неуместно высокими чувствами.

Поляну окутало сиянием. Каждое лицо, каждый взор был светел и чист. Затем все погасло. Умирающий друид исчез — он превратился в свет, разошедшийся по миру.

Краски сделались более темными, но и более яркими; пропала почти неземная нежность, зато появилась грубоватая жизненность.

Рана на шее Туризинда полностью зажила. Наемник понял, что ему не терпится выступить в путь.

Эндоваара приблизился к нему и холодно посмотрел ему в лицо.

— Скольких вы уложили?

— Шестерых.

— Стало быть, погибли все. Они выводятся сразу сотней. Мы убили девяносто шесть. Хорошо.

Он отвернулся.

Туризинд схватил его за руку:

— Что с нами будет?

— Дертоса выдала нас. Она назвала мое имя, но этого оказалось достаточно. Мы не можем больше скрывать вас у себя. Вы должны уйти.

— Это я уже понял, — огрызнулся Туризинд. — Но вы поможете нам?

— Мы дадим вам телегу и лошадь. Припасы. Немного оружия. Рекуфаэль дал вам свое предсмертное благословение... Этого довольно. Ничего больше у нас нет.

— Этого довольно, — кивнул Туризинд.

Эндоваара посмотрел на него неприязненно и высокомерно и отошел.

* * *

Как и говорила Дертоса, они выступили в путь вечером, чтобы к ночи покинуть друидийский лагерь и быть уже достаточно далеко от него. Туризинд серьезно обсуждал с Конаном, стоит ли им и дальше вести с собой Дертосу.

— «Отмычка»? — говорил Туризинд своему спутнику. — Ты считаешь ее чем-то полезным для нас? Но, по-моему, она не столько «отмычка», сколько ловушка с секретом! И пружина этой ловушки может захлопнуться в любой момент.

— У нас нет другого выхода, — возражал Конан. — Она много знает о Дарантазии и черных зеркалах. И она — единственная из всех, кто там побывал, — согласна помогать нам. Все остальные превратились в слепые орудия в руках черных магов Дарантазия.

— Думаешь, она сопротивляется им потому, что в ее жилах течет нечеловеческая кровь? — спросил Туризинд.

Он старался не думать о том, что Дертоса — родня тем странным карликам-уродцам, криво-

ногим, с непомерно длинными руками, что поднимались в радужных пузырях с самого дна зловонных болот.

Дертоса на них совершенно не похожа, уговаривал себя Туризинд. Она красива, у нее стройное тело, она выросла среди друидов — она не может быть одной из тех коротышек... Он отгонял от себя всякое воспоминание о них. Потому что думая о болотных людях как о родне Дертосы, он поневоле начинал относиться к ней с брезгливостью, а это мучило его. Он не понимал, как можно в одно и то же время любить человека и считать его недочеловеком, желать женщину — и брезговать ею...

— Тебе не дает покоя ее происхождение? — проницательно осведомился Конан.

Туризинд слегка покраснел. Многое он бы отдал за то, чтобы Конан не заметил этого. К счастью, лицо у Туризинда было достаточно обветренное, чтобы этот румянец можно было отнести за счет обычного загара.

— Я не привык иметь дело с нелюдьми.

— Что ж, она не вполне человек, — сказал Конан задумчиво, — но это еще не означает, что она неполноценная личность. Напротив. Я никогда еще не видел, чтобы кто-либо так успешно и так мужественно сопротивлялся обстоятельствам, как это делает Дертоса.

Туризинд почувствовал благодарность Конану за эти слова, однако изо всех сил постарался скрыть свои чувства.

— Приятно слышать, что в нашем небольшом отряде есть хотя бы один достойный воин, — с легким оттенком насмешки произнес Туризинд.

Но Конан не поддержал его тона.

— Да, я думаю, что Дертоса заслуживает уважения, — повторил он. — я относился к ней иначе, но теперь готов признать свою ошибку. У этой девушки большая сила воли.

— Она помогает нам ради собственного освобождения, — сказал Туризинд.

— То обстоятельство, что она желает этого освобождения, уже говорит в ее пользу, — упрямо повторил Конан. — Насколько я знаю, практически все люди очень довольны своим положением «сверхлюдей со сверхспособностями». Ни один из них не жаждет избавиться от сомнительного дара черных зеркал Дарантазия.

— Ты мне лучше скажи, — перебил Туризинд, — что мы будем делать, если у Дертосы в какой-то миг не достанет воли сопротивляться приказаниям ее хозяев? Что, если ловушка с секретом оживет и захлопнется? Ведь произойти это может когда угодно. И, скорее всего, случится это в тот самый момент, когда мы будем ожидать подвоха менее всего.

— У нас в любом случае нет другого выхода, — ответил Конан. — Я буду защищать Дертосу, пока у меня хватит сил.

— Но если силы иссякнут?..

Конан посмотрел Туризинду в глаза.

— Если случится непоправимое, и Дертоса будет угрожать нашей миссии, я... убью ее. Запомни это, Туризинд. А если я погибну первым, и ты останешься с Дертосой один на один и поймешь то, о чем я тебе только что говорил... Тогда убей ее ты. И пусть ничто не удержит твою руку! Наша цель важнее наших жизней — ее, моей и твоей.

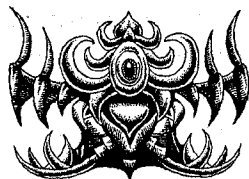
Мгновение Туризинд всматривался в глубину его зрачков. Внезапно наемнику показалось, что еще чуть-чуть — и он прочтет самые сокровенные мысли Конана. Но тотчас Конан моргнул, и наваждение рассеялось.

— Обещай, — тихо произнес Конан.

И Туризинд еле слышно ответил:

— Обещаю тебе. Я сделаю все как ты сказал, Конан. Обещаю...

Глава тринадцатая

Предел возможного

Дарантазий никогда не считался сколько-нибудь серьезным соперником герцогства. Это было небольшое владение, затерянное в Рабирианских горах. Причиной всему происходящему стало неумное любопытство Теодрата, восемнадцатого графа Дарантазия. Именно он отправил в необитаемые горы первую экспедицию, которая вернулась с хорошими новостями: в дикой глуши живут какие-то люди, искусные ремесленники, которые готовы начать меновую торговлю с более цивилизованным соседом. Диким горцам требовались ткацкие станки, медная посуда, льняные ткани, домашняя птица; они же могли предложить шерсть, молоко, а также большие куски бирюзы и лазурита, которые добывались где-то в «секретных местах», расположение которых хранилось в строгой тайне.

При Теодрате возвели высокую башню; ее называли Лазурной, потому что верхний ее ярус был отделан настоящим лазуритом. В солнечных

лучах башня сверкала ослепительным синим светом и казалась творением могущественных волшебных существ. Жители Дарантазия даже представить себе не могли, что подобное строение могли возвести точно такие же простые люди, как и они сами: каменотесы, скульпторы, архитекторы.

Искусная резьба украшала всю башню, сверху донизу. Здесь можно было видеть драконов и кентавров, поющих женщин с птичьими ногами или рыбьими хвостами; все они выглядели из переплетающихся ветвей, покрытых листьями, цветами и шипами. Представлялось настоящим чудом, что это сооружение выросло всего за десять лет. Столь сложная работа, по прикидкам даже самых опытных мастеров, должна была бы занять по меньшей мере лет пятьдесят.

Любознательность и деятельный нрав Теодрата привел не только к тому, что Дарантазий приобрел новый, более величественный и вместе с тем несколько таинственный облик. В Дарантазий получили доступ горские маги.

В прежние времена Дарантазий избегал широкого применения магии. Считалось, что чары ослабляют волю человека; духи, которых маги призывают во время создания заклинаний, принадлежат к числу низших духовных сущностей и обладают, помимо некоторого могущества, еще и хитрым, коварным нравом. Для них нет большего удовольствия, чем подчинить себе человека, полагающего, будто это он повелевает духами.

Они умело манипулируют колдуном до тех пор, пока им не надоест это занятие, и вдруг, в один прекрасный момент, оставляют его в одиночестве, один на один с врагами, нажитыми за долгие годы магической практики.

Однако Теодрат решил пренебречь этой опасностью. Среди его гостей, прибывающих в Дарантазий из глухих горных местечек, часто можно было видеть нескольких магов. Жители графства, в том числе и приближенные самого графа, сторонились этих таинственных пришельцев и вообще старались поменьше иметь с ними дел, хотя придворные по долгу службы встречались с ними во время официальных приемов.

Вид рабирианских магов наводил ужас. Они были выше обычных людей, выше даже своих соплеменников; они на две головы возвышались над любой толпой. Неизменно закутанные в толстые белые плащи, с легкой вуалью на лице, они ступали бесшумно, как будто не шли по земле, а плыли над нею. Ни один звук не выдавал их появления: они словно бы вырастали за спиной и терпеливо ждали, пока их заметят.

Их черные глаза горели даже сквозь вуаль. Взгляд этих глаз завораживал. Некоторые жители Дарантазия рассказывали, что буквально не могли двинуться с места, пока маг не давал им позволения пошевелиться.

Не было ничего, в чем маги могли бы получить отказ: ни у графа, ни у его подданных. Они наводили ужас на страну. И страшнее было то,

что они появлялись в столице все чаще и чаще, а в один прекрасный день двое или трое их поселились в Лазурной башне навсегда.

Теодрат неузнаваемо изменился. В начале правления это был жизнерадостный, крепко сбитый молодой человек, всегда готовый на авантюру, большой любитель выпивки и веселой компании.

Он пользовался симпатией своих подданных и — редкое качество для правителя! — даже обзавелся вполне искренними друзьями.

С годами число этих друзей стало уменьшаться. Первые погибли во время экспедиций. Тогда граф приписал их смерть простой случайности. Экспедиции в горы были делом опасным, ничего удивительного, если люди расставались с жизнью. Собственно, риск составлял одну из притягательных сторон подобных предприятий.

Чуть позже приятели графа начали чудить. Один покончил с собой из-за несчастной любви к прекрасной незнакомке (поговаривали, что она прибыла в Дарантазий из глухих Рабирианских гор и была дочерью одного из магов). Другой на спор стал карабкаться на Лазурную башню и сорвался вниз с верхнего яруса. Он разбился насмерть.

Еще двое случайно утонули, купаясь в мелкой речке, что протекала под стенами Дарантазия. Там, где обоих нашли, вода достигала взрослому человеку разве что до пояса; так что эта смерть осталась загадкой.

Теряя близких людей, граф мрачнел. Он больше не устраивал пирушек и не выезжал на охоту. Теодрат все больше и больше погружался в занятия магией.

Когда стало известно, что граф намерен практиковать некромантию, дабы оживить нескольких своих друзей и расспросить их об обстоятельствах их странной, до сих пор не объясненной гибели, в графстве вспыхнул мятеж.

Возглавил восстание старший сын Теодрата. Об этом его на коленях просили подданные Теодрата, не на шутку испуганные поведением правителя. Молодой человек согласился с их доводами. И в самом деле, отец вел себя очень странно! Если бы подобное поведение позволил себе обычный человек, его бы допросили и, возможно, заключили бы в тюрьму. Но правитель графства, увлекшийся сомнительными магическими опытами, мог представлять серьезную угрозу для всего Дарантазия!

И бунт начался. Люди окружили Лазурную башню, требуя немедленного изгнания всех горских магов и низложения Теодрата.

Ответом стали молнии, полетевшие в толпу с верхнего яруса башни. Первым вспыхнул графский сын. Он запылал, как факел. Оранжевые языки пламени лизали его тело, завивались в волосах. Люди видели, как он корчится, не в силах двинуться с места, как постепенно искажается его лицо, превращаясь в маску злобного демона.

Затем молодой человек упал. Пламя погасло в одно мгновение. На земле лежал обуглившийся труп.

Охваченная ужасом, толпа схлынула, но новые молнии вылетели из башни. Один за другим живые факелы вспыхивали на темных улицах. Стало светло, как днем. Город наполнился криками ужаса и отчаяния.

Через несколько минут все было кончено. У стен башни остались лежать полтора десятка обгоревших тел. Прочие мятежники рассеялись без следа, и много дней еще после этого люди тряслись от страха, ожидая, что их постигнет возмездие.

Но Теодрат явил себя вполне милостивым правителем. Он не искал тех, кто бунтовал против него, и даже не пытался их преследовать. Вместо этого он пригласил в Лазурную башню еще нескольких магов и полностью отдался своим магическим опытам.

Никто не удивился, когда Теодрат объявил о том, что намерен жениться вторично. Первая его жена давно умерла — обстоятельства ее смерти остались невыясненными: она просто была найдена мертвой в спальне, без малейших следов насилия или болезни. От нее у Теодрата оставался еще один сын, младший; но тот исчез сразу же после гибели старшего.

Теодрат не пытался выяснить, где находится его младший отпрыск. Было похоже, что графа это абсолютно не интересовало. Он ограничился

тем, что объявил младшего сына вне закона — за участие в мятеже, — и забыл о нем.

Новую жену для графа привезли откуда-то из горной глуши. Никто никогда не видел ее лица. Она была очень высокой, что позволяло предполагать ее происхождение от кого-то из магов. Судя по влажному блеску глаз, который кое-кто из придворных улавливал, когда графиня бесшумно проходила, закутанная в покрывала, по коридорам дворца, — она, несомненно, была чувственной и умела дарить наслаждение.

Все это оставалось в области загадок. Графиня подарила Теодрату наследника, а вскоре вслед за тем исчезла бесследно. Ходили слухи, что она превратилась в змею. Дескать, такова участь всех женщин рода рабирианских магов: подарив ребенку жизнь, такая женщина больше не в силах сдерживать свою натуру; она становится тем, чем была изначально, то есть змеей, и уходит в горы навсегда.

Теодрат не выглядел слишком опечаленным после того, как жена его пропала. Он поручил магам воспитывать своего ребенка, которого называли Кондатэ.

Смерть пришла к Теодрату, когда он был уже в преклонных летах. Теодрат счастливо пережил несколько мятежей и пару войн; он завещал Кондатэ графство процветающим и сильным.

Граф Кондатэ покровительствовал магам, как и его отец. О своем сводном брате, который скрывался где-то в изгнании и влачил дни в пол-

ной безвестности, Кондатэ никогда не задумывался. Возможно, он попросту не знал о существовании другой ветви графов Дарантазия.

Да и что могли они, изгнанники, вечно живущие в бегах? Вероятнее всего, они давно уже покинули графство. Вряд ли они посмеют обитать там, где им постоянно угрожает опасность.

К тому времени, когда Кондатэ сделался правителем Дарантазия, он окончательно утратил власть в собственном владении. В Дарантазии всем заправляли маги. Без магов не принималось ни одно решение. Любое новшество было направлено лишь на одно: на улучшение жизни магов и на развитие магии.

О конечной цели магических исследований знали очень немногие. Даже графу Кондатэ было открыто далеко не все. Впрочем, он не имел поводов выражать недовольство. Земля его процветала и богатела год от года; люди чувствовали себя вполне довольными и прославляли своего мудрого правителя. Очень скоро можно будет начать победоносную войну против герцогства. Почти сто лет непрерывной тайной работы магов Дарантазия начали наконец приносить обильные плоды.

* * *

Фульгенций, верховный маг Дарантазия, не мог избавиться от ощущения, что с какого-то момента все пошло наперекосяк. Он ненавидел лю-

бые случайности. Все, что разрушало идеальный порядок разработанных им формул, вызывало у него болезненный протест. Молодые маги не в состоянии понять, что хаос, который они вносят своими новшествами, причиняет верховному магу физическое страдание.

Магия и Фульгенций представляли собой единое целое. Вторжение в магическое пространство опытов Фульгенция означало посягательство — ни больше ни меньше — на самую его жизнь.

Его опыты были направлены на изучение человеческой природы. Дарантазий предназначен самой судьбой на роль верховного правителя если не всей вселенной, то большей части северо-запада Хайбории.

А это означает, что властители Дарантазия должны обладать идеальным средством для манипулирования другими людьми. Удача, или предположения здесь не помогут. Необходимо точное, математически выверенное знание.

Разработкой этих формул и занимался Фульгенций. Он мог взвесить на точнейших весах страх за свою жизнь или влечение мужчины к женщине; он умел отмерить нужную дозу и того, и другого, чтобы создать необходимое заклинание и заключить это заклинание в сосуд с напитком. Пропорции, в которых он соединял ощущения и чувства, были так же безупречны, как и составы его зелий.

Фульгенций писал книгу. Каждый день он записывал результаты своих опытов на восковые таб-

лички, а раз в полгода делал обобщения и по несколько дней проводил над определениями: каждое слово он взвешивал не менее тщательно, чем порошок или капли эликсиров.

Помощников, ассистентов и агентов у Фульгенция имелось много, но ученик — всего один. Такова была традиция, и Фульгенций неклонно следовал ей — как не отклонялся он от древних обычаев и в других областях своей деятельности.

Тургонес был младше Фульгенция на двадцать лет. Он готовился стать преемником верховного мага и перенимал у него знания с такой же жадностью, с какой сухая губка впитывает влагу.

До некоторого времени Тургонесу удавалось скрывать от учителя некоторые стороны своей природы. Он сумел войти в доверие к верховному магу, добиться его расположения и в конце концов занять место ученика. То был величайший успех в карьере молодого мага!

Тургонес происходил из древнего рода. Он был выше ростом, чем его учитель; волосы его, от природы белые, ниспадали почти до колен тонкими прямыми прядями. Тургонес не подвязывал их, чтобы не связывать магическую силу, и никогда не стриг. Таков был старинный обычай, которого придерживались в его роду, — один из немногих, коим Тургонес следовал неукоснительно.

Глаза его были красными, как кровь, а кожа — белой, как полотно. Тургонес родился аль-

биносом, и это в немалой степени определило его жизненный успех. Внешность его пугала людей, и Тургонесу это обстоятельство доставляло большую радость еще в раннем детстве, когда от него с криком ужаса шарахались сверстники. Он рано познал, что такое власть над человеческим сознанием.

Позднее ему приходилось скрывать многие качества своей натуры для того, чтобы войти в доверие к Фульгенцию. Тургонес был терпелив, скрытен и исключительно умен.

Он смиренно выслушивал длиннейшие рассуждения учителя, однако в мыслях нередко именвал его глупцом и занудой. Многие из идей Фульгенция были Тургонесу абсолютно чужды. И прежде всего Тургонес не принимал главную мысль Фульгенция: о познаваемости мира. Фульгенций желал бы исследовать весь мир просто ради того, чтобы обладать чистым, дистиллированным знанием. Учитель готов был расчлениť любое, сколь угодно малое существо — или элемент этого существа, — дабы произвести анализ и вывести формулу. Удобную, изящную формулу, подлежащую дальнейшему изучению.

Тургонес был другим. Он не желал тратить время на изучение заведомо бессмысленных вещей. Он не стал бы анализировать то, что впоследствии нельзя было бы применить на практике. И, главное отличие, — он не чуждался беспорядочных опытов. Тургонес мог извести гору материала, дабы добиться желаемого результата

просто опытным путем, перебирая вариант за вариантом в надежде, что рано или поздно попадется правильный.

Иногда Тургонес опускался до того, что совершал одни и те же ошибки подряд! Этого Фульгенций не принимал, этому противилась строгая душа ученого. Однако лишить Тургонеса статуса первого ученика Фульгенций уже не мог. Согласно законам, которых придерживалась магическая гильдия, ученик избирался мастером один раз — и на всю жизнь. Совершивший ошибку мастер расплачивался за нее единолично.

Хаос. Бесформенность. Никакой системы. Одна мысль о методах ученика приводила Фульгенция в отчаяние.

Однако в последнее время взаимопонимание между мастером и учеником, вроде бы, установилось. Разногласия были сглажены.

Они почти добились желаемого результата. Фульгенций готов был даже признать, что они шли к единой цели с разных сторон: один — с помощью расчетов и выверенных опытов, другой — путем проб и ошибок.

Они создали черные зеркала.

Это магическое приспособление предназначалось для того, чтобы тысячекратно умножать естественные способности человека. Каждый, кто в состоянии был заплатить (и обладал достаточной долей дерзости, чтобы решиться на подобный опыт над собственной личностью!), мог участвовать в этом процессе.

Объект помещался в комнате, состоящей из черных зеркал. Покрытие этих зеркал разрабатывалось годами. Человек не вполне понимал, что именно с ним происходит. Он получал некий эликсир и выпивал его. Он подвергался воздействию излучения света, преломляемого зеркалами. Затем все заканчивалось, он терял сознание и просыпался в уютной комнате, на кровати с балдахином. Иногда рядом оказывалась податливая девушка с улыбчивым лицом, которая оказывала клиенту дополнительные услуги.

И, оставив в Дарантазии немалую сумму денег, человек уходил...

Уходил, обретая новые возможности — и удачу. Далеко не все, кто побывал в Дарантазии ради черных зеркал, были на виду у тайной стражи герцога. Отслеживать удавалось единицы, большинство оставались неизвестными. Они добивались успеха в той области, которая интересовала их больше всего, и продолжали мирно существовать в городах и селах, процветая и благоденствуя.

И никто из них не подозревал о том, что черные зеркала обладали еще одним дополнительным свойством. И именно это свойство было самым главным во всем грандиозном замысле Фульгенция и графа Кондатэ.

Черные зеркала забирали у человека часть его души. Крохотную, почти незаметную. В нужный момент, однако, она будет задействована — и тогда тысячи людей по всему герцогству вста-

нут под знамена графа Кондатэ, подняв мятеж против собственной страны. Тысячи послушных рабов, тысячи людей, чья воля полностью подчинена Фульгенцию. И это будут самые сильные, самые смелые, самые удачливые.

Никто не спасет герцогство, когда настанет долгожданный миг.

* * *

Фульгенций спустился этажом ниже и остановился перед дверями в покои Тургонеса. Запах дыма и паленого мяса был ощутим даже в коридорах башни. Фульгенций сморщил нос. Даже представить трудно, что сейчас творится в самих покоях! И как Тургонес выдерживает эту вонь?

Фульгенций собрался с духом и отворил дверь.

Он очутился в небольшой комнате, которая служила его ученику спальней и кабинетом одновременно.

Как всегда, там царил жуткий беспорядок. Повсюду валялись порванные рукописи, несколько книг в тяжелых кожаных переплетах были забрызганы кровью и заляпаны сажей.

Фульгенций наклонился и поднял одну.

Древнейший манускрипт! Поведение Тургонеса выходит за всякие рамки! Разве можно так обращаться с ценными вещами?

Стоило больших трудов привезти этот манускрипт в Дарантазий. Сколько ценных сведений

там содержится! А Тургонес обращается с ним так, словно это дешевый любовный роман.

Фульгенций бережно положил книгу на разоренную постель. Судя по всему, Тургонес спал там не раздеваясь, урывками — когда придется. Сколько раз Фульгенций выговаривал своему ученику за нарушение режима! Ничто не помогало. Тургонес валился на кровать, когда усталость не позволяла ему больше держаться на ногах. Иногда ученик спал, даже не снимая сапог.

На столе, рядом с рабочими записями, покрывались плесенью остатки позавчерашней трапезы. Фульгенций брезгливо сморщился и поскорей вышел из комнаты.

Следующая комната была хранилищем, но хранилось там немного: несколько закупоренных сосудов на полках, десяток покрывал и сандалий, свернутых в узел и засунутых в угол, две-три книги. Все прочее имущество Тургонеса было разбросано по комнатам и валялось как попало.

Третья комната представляла собой лабораторию. Там горела печь.

Возле стены, у самого окна, боком сидел на столе Тургонес и лихорадочно писал на восковых дощечках. Он что-то подсчитывал, губы его шевелились, то и дело он принимался чесать лоб и хмуриться.

На печи лежал большой лист металла, раскаленный добела. На этом листе лежала, прикованная за раскинутые в стороны руки и ноги, обна-

женная женщина. Волосы на ее голове давно сгорели. Тем не менее она была жива. Жар медленно пожирал ее плоть. На кончиках пальцев уже обнажилась кость. Женщина медленно водила глазами из стороны в сторону. Она молчала, лицо ее не выражало никаких чувств: казалось, любая эмоция уже давно погибла от этой страшной долгой пытки.

От запаха, стоявшего в комнате, Фульгенций закашлялся. Он махнул рукой у себя перед носом:

— Хоть бы ты иногда проветривал помещение, — недовольным тоном произнес старый маг.

Молодой поднял голову от своих записей и встал, приняв почтительную позу:

— Это вы, мастер... Я так увлекся, что не слышал вашего появления.

— Немудрено... — проворчал Фульгенций. — Чем ты здесь занимаешься?

— Довольно увлекательное дело. Я разрабатываю эликсир, который понижает чувствительность тела и одновременно позволяет сознанию оставаться вполне ясным. Эта подопытная поджаривается здесь без воды и пищи уже четвертый день.

— Впечатляет, — сказал Фульгенций, нехотя поглядев в сторону женщины. — Где ты добываешь подопытных?

— Обычно покупаю на границе. Впрочем, кое-кого мне доставляют разные... люди без имени. Точнее, я не спрашиваю их имен. Они похи-

щают для меня девственников из хороших семей. Разумеется, не в Дарантазии, — поспешно добавил Тургонес. — В Аргосе, в Эброндуме. Их ищут, но безрезультатно.

— А, — сказал Фульгенций. — Для чего же непременно девственников?

— Я хотел проверить одно предположение, — пояснил Тургонес. — Дело в том, что среди людей чрезвычайно ценится девственность и хорошее происхождение. Вопрос: почему? Разве здоровая женщина из простонародья, пусть даже и развратная, не в состоянии производить на свет потомство? В состоянии. Так что же привлекает в девственности и родовитости? Какие-то мистические свойства крови?

— Любопытно, — пробормотал Фульгенций. — Только вот какое это имеет отношение к нашей основной задаче?

— Может быть, какое-то и имеет, — сказал Тургонес. — Я еще не выяснил.

— Это безответственно! — вспыхнул Фульгенций.

Тургонес выглядел крайне удивленным:

— Что вы имеете в виду, мастер?

— Безответственно распылять силы и внимание на посторонние опыты! Мы должны сосредоточиться на свойствах черных зеркал.

— Возможно, некоторые мои результаты будут небесполезны для дальнейшего усовершенствования черных зеркал, — сказал Тургонес, отводя глаза.

— Вздор! — Мастера ничуть не обманули эти слабые оправдания. — Вздор, Тургонес. Я знаю, почему ты этим занимаешься. Ты никак не можешь удовлетворить свое пустое любопытство. Я согласен: повышение человеческой выносливости, изучение взаимосвязи выносливости и знатности происхождения — вещи интересные. Но они могут подождать.

Тургонес чуть приподнял верхнюю губу, как бы оскалившись:

— Жизнь коротка, мастер. Я бы хотел успеть многое!

— Ты успеешь очень многое, если не будешь торопиться и разбрасывать силы, — успокоительным тоном отозвался Фульгенций. — Впрочем, я хотел поговорить с тобой о другом.

— Я слушаю, мастер.

Фульгенций подошел к окну, выглянул наружу, жадно вдыхая свежий воздух.

— Зачем ты отправил летучих мышей раньше времени? — спросил учитель.

Тургонес сверкнул красными глазами; на его совершенно белом лице появились багровые пятна румянца.

— О чем вы говорите, учитель? Почему я отправил летучих мышей раньше времени?

Фульгенций резко повернулся к нему.

— Ты загубил весь выводок! Ты ведь знал, что друиды легко расправятся с ними. Знал — и все равно послал их. Они полетели на верную гибель. Я хотел, чтобы они убили по край-

ней мере одного из троих. Теперь Дертоса знает, что мы наблюдаем за ней. Она попыруется противиться нам.

— Ха! — пренебрежительным тоном отозвался Тургонес. — Дертоса! Я помню эту глупую девку. Ей повезло, что я не задержал ее ради моих изысканий.

— А стоило бы, — сквозь зубы процедил Фульгенций. — Была бы от этих дурацких опытов хоть какая-то польза.

Иногда учитель выражался прямо и откровенно, мало сообразуясь с чувствами ученика. Фульгенций не знал, что совершает ошибку. Зато Тургонес знал это — и знал достаточно хорошо. Он скрипнул зубами:

— Сделанного не воротишь. Но я не считаю Дертосу опасной. Она получила от нас в дар то, что хотела, и теперь мы можем управлять ею.

— Почему они взяли ее с собой? — спросил Фульгенций.

Альбинос убрал со лба длинную белую прядь, отбросил ее за спину. Волосы были единственным, о чем он заботился; он их расчесывал и даже иногда мыл.

— Они считают, что Дертоса в состоянии управлять собой, — сказал Тургонес. — По их мнению, они справятся с нашими заклятиями, когда придет время. С другой стороны, она знает расположение комнат в башне. Она бывала здесь, ей известно, чего от нас ожидать. Точнее, она воображает, будто ей что-то известно... Очень хоро-

шо. — Он потер руки. — Пусть приходят. Я давно ждал чего-то подобного...

— Моя универсальная формула почти закончена, — промолвил Фульгенций, — но я до сих пор не могу быть уверенным в том, что познал человеческую природу до конца, до самых ее глубин. Время от времени мне начинает казаться, что я проник еще недостаточно глубоко. Мне не хотелось бы испытать удивление при встрече с очередной особью. Ты понимаешь меня, Тургонес?

— Как никто другой, мастер, — с низким поклоном ответил альбинос.

Глава четырнадцатая

Тайный план

Давно уже Фульгенций покинул покои своего ученика, а Тургонес продолжал стоять неподвижно и глядеть на то место, где недавно стоял и разглагольствовал учитель. Выражение лица альбиноса не предвещало ничего хорошего.

— Старый глупец! — прошептал он. — Скоро ты поймешь, как ничтожна твоя хваленая формула! Жизнь не подчиняется математическим расчетам... но когда до тебя дойдет эта последняя истина, будет уже слишком поздно.

Он повернулся к девственнице, которая выдерживала пытку дольше своих товарок по несчастью. Увы! Увиденное повергло Тургонеса в ярость. Глаза девушки померкли, изо рта вышла и сразу запеклась кровь. Она была мертва.

Несколько минут он рассматривал труп, а потом в бешенстве швырнул свои вощенные дощечки на пол и принялся топтать их ногами, уничтожая все записи последних дней.

— Я не увидел главного! — бушевал Тургонес. — Она умерла, и я не увидел, как это произошло! Испытывала ли она страх перед самой смертью? Пришла ли к ней боль в конце концов? Я столько работал над зельем, и все впустую из-за этого старого болтуна!

Он покачал головой. Приступ бешенства прошел. Тургонес наклонился, поднял разбитые таблички. Слой воска стерся, все буквы пропали. Впрочем, подумал Тургонес, это неважно. Он помнил все цифры наизусть.

Он выбежал в кладовую, сбросил с полки несколько кувшинов. Один разбился. Другой не желал открываться, и Тургонес кинжалом сбил горлышко. Там оказались чернила.

— Превосходно! — произнес маг.

С кувшином без горлышка он вошел в свою спальню, схватил манускрипт, положенный Фульгенцием на постель, и на полях книги, а зачас-тую и поперек древнего текста записал результат своего опыта. Не поленился он и добавить несколько нелестных слов в адрес своего учителя, который явился к нему в разгар опыта и помешал исследовать самый момент кончины испытуемой.

Закончив выписывать последнюю букву, Тургонес отшвырнул перо. Кувшин он поставил под кровать, чтобы случайно не опрокинуть его.

Задумался.

Он испытывал к последней девушке почти нежные чувства. Ее привел к нему родной брат — в качестве уплаты за обряд черных зеркал. Тур-

гонес помнил этого молодого мужчину, низкорослого, кривονогого, с перебитым носом. Тот непременно желал пользоваться успехом у женщин. Денег у него почти не водилось, но Тургонес согласился помочь ему в обмен на тело его сестры.

Девушку доставили связанную, с кляпом во рту. Дамский угодник не слишком церемонился с родной сестрицей. Должно быть, немало он претерпел от нее насмешек и поношений и вот теперь нашел способ поквитаться.

Тургонес никогда не разговаривал со своими подопытными. Зачем? Он видел в них лишь живое мясо, которому предстоит послужить для важного дела.

При этом девушки, естественно, не могли себе даже представить великой конечной цели всех этих действий. Они были лишь крохотными этапами большого пути.

Но с последней своей жертвой Тургонес обменялся парой слов. Он спросил о ее семье — действительно ли она принадлежит к древнему роду. Думая, что за нее запросят выкуп, девушка рассказала своему будущему палачу о своей семье: она происходила из весьма родовитой фамилии. «Меня будут искать, — доверчиво сказала она. — За меня дадут большой выкуп, если вы попросите».

Тургонесу доставило немалое удовольствие расхохотаться ей в лицо.

— Выкуп? Кто здесь говорит о выкупе? Мне нужны не деньги — мне требуется твое тело.

Когда она увидела, какая участь ее ожидает, она не стала, подобно другим, плакать, кричать, умолять о пощаде, говорить о своей молодости, сулить невероятные любовные ласки. Нет. Как и подобает женщине высокого происхождения, она встретила известие молча, с высоко поднятой головой.

Она не сопротивлялась, потому что знала, что это бесполезно. Она только подвергнет себя унижению, если попытается бежать или хотя бы вырваться. Это вызвало у Тургонеса подобие уважения, и он кое-что рассказал своей жертве о предстоящей процедуре.

Она молча кивнула и добровольно выпила эликсир. Потом протянула руки и с каменным видом наблюдала за тем, как палач зымыкает оковы на тонких запястьях.

— Она была лучшей, — прошептал Тургонес, снимая умершую с раскаленного листа. Он пользовался для этого особенными длинными щипцами. — И она умерла, а я не увидел этого. Я пропустил, быть может, самое главное! Проклятье, она заслуживала моего внимания в момент смерти.

Все трупы Тургонес сжигал в той же самой печи. Последняя девушка не избежала этой участи.

Когда дверца была закрыта, и тело жертвы поглотило жадное пламя, Тургонес вышел из покоев и спустился на несколько этажей ниже.

Там обитали слуги. Фульгенций не разрешал своему ученику обзаводиться личной прислугой. Сам верховный маг также предпочитал обходиться без помощников. «Сколько слуг — столько шпионов и соглядатаев», — говаривал он. Тургонес был с ним в этом совершенно согласен. Переменить одежду или поставить на место книгу — для этого не нужны подручные. Но вот заниматься приготовлением пищи ни один из магов не любил. Да и не было у них на это времени.

Поэтому они пользовались графской кухней. Слугам было приказано готовить и подавать магам любые блюда, какие те закажут.

Фульгенций был весьма привередлив в еде и, как ни странно, пользовался на кухне огромной популярностью. «Для него работать — сплошное наслаждение, — признаваласьстряпуха, которой обычно передавали заказы Фульгенция. — Он точно знает, чего хочет. Мяса никогда не кушает, предпочитает моллюсков. Любит кисленькое! — Тутстряпуха двусмысленно хихикала. — Грибы уважает. Корешки всяких болотных растений — я уж знаю, как для него замариновать. И всегда хвалит. Он понимает толк в хорошейстряпне».

Тургонес, в противоположность своему учителю, в еде был совершенно неразборчив. Заказы он обычно не делал, брал любые объедки, какие находил. Иногда хватал недоваренное или какую-нибудь заготовку и съедал на месте. Это тормозило работу кухни, заставляло поваров повторять уже сделанное — и раздражало.

Если же Тургонес и делал заказ, то звучало это обычно: «Ну, приготовь мне что-нибудь... Все равно, только побольше».

Вот это «что-нибудь» совершенно выводилостряпуху из себя. «Можно подумать, ему безразлично, что это будет! — в сердцах говорила она. — Я ведь стараюсь! И почему я должна изобретать каждый раз какое-нибудь блюдо?» В конце концов Тургонес утратил всякое право на уважение в ее глазах. Она стала варить для него в большой кастрюле все объедки, какие только оставались на кухне, и подавала это, с позволения сказать «блюдо» с острым соусом. Тургонес поедал его жадно, хлебая прямо из горшка, всегда хвалил — и уходил, унося на одежде жирные пятна.

Когда Тургонес вошел в кухню, его встретили низкими поклонами и молчанием. С магами старались держаться преувеличенно вежливо, даже раболепно, опасаясь их мести.

Тургонес знал, что его боятся, и усмехался каждый раз, когда видел склоненные перед ним головы. Глупцы! Тургонес — не говоря уж о Фульгенции — ни к кому не испытывал злобы. Ни один маг не унился бы до мести. Мага невозможно оскорбить. Человек настолько ничтожнее мага, что обращать внимание на какие-то там попытки «оскорблений» было бы попросту смешно! Ведь люди не обижаются на облаявшую их собаку, не так ли? Люди не станут мстить кошке, которая поцарапала им руку. Но если кошка будет

досаждать, ее попросту выбросят вон из дома, а если собака укусит, ее убьют. Без злобы и даже без особенной досады.

И точно так же без всякой ненависти, подобно тому, как скотовод забивает корову или свинью, любой маг в любой момент может убить любого человека.

Заискивать перед магом — бесполезнейшее дело. Но объяснять людям сие простое обстоятельство — еще более бесполезное занятие.

Поэтому Тургонес милостиво кивнул слугам и небрежно бросил в сторону стряпухи:

— Приготовь мне что-нибудь побольше... посытнее. С мясом, ладно? И с острым соусом, как ты делаешь.

Стряпуха повернулась к нему спиной и принялась резать овощи. Тургонес вдруг услышал, как к нему обращается один из поварят:

— Вас спрашивал один господин, мой господин... Этот господин ждет вас в комнате для приемов, мой господин. Он велел мне передать это вам, когда вы придете отдыхать, мой господин.

— А, — сказал Тургонес. И сказал поваренку: — Что ж, ты молодец, раз выполнил поручение. Вот тебе еще одно: принеси мне еду в комнату для приемов. Я буду там. И не задерживайся, хорошо?

Он вышел, не дожидаясь робкого бормотания: «Сделаю все, как вы прикажете, мой господин».

«Бэ-е-е... — подумал Тургонес. — Овечье блеяние... До чего же ничтожны все эти людишки!»

* * *

Человек, который ждал Тургонеса в комнате для приемов, не был ему знаком. Как ни презирал людскую породу ученик верховного мага, но лица он запоминал хорошо. Наверное, так же скотовод знает всех своих коров или овец, думал Тургонес насмешливо.

Навстречу ему поднялся мужчина средних лет, одетый в черное. Одежда его была богато украшена серебром; сочетание серого и черного выдавало хороший вкус. Впрочем, Тургонеса мало интересовали подобные мелочи.

— Кабаллона, к вашим услугам, мой господин, — представился этот человек.

— Мое имя Тургонес.

— Да, я слышал, я слышал...

— К делу, — оборвал Тургонес. — У меня слишком мало времени для обмена любезностями. Излагайте. Если я буду задавать вам вопросы, отвечайте кратко, полно и честно. Учтите, я увижу ложь и накажу вас за нее.

— Мне незачем лгать, — осклабился Кабаллона.

— Откуда вы?

— Из Эброндума.

— Дальний путь вы проделали! Черные зеркала?

— Да, — сказал Кабаллона. — Именно так. Черные зеркала.

— Какое свойство?

— Фехтование.

Тургонес смерил Кабаллону взглядом. Сильные руки, уверенные быстрые движения, смелый взгляд.

— Сдается мне, вы и без того неплохой боец, господин Кабаллона. Вы уверены, что вам необходимо пройти ритуал черных зеркал именно ради умения владеть оружием? Подумайте хорошенько. Черные зеркала очень дорого стоят. Возможно, вам следовало бы позаботиться о чем-нибудь другом, ведь фехтование...

— Я хочу то, чего хочу, — оборвал его Кабаллона. Властный тон его голоса говорил о давней привычке повелевать. — Не нужно рассказывать мне о цене за ваши услуги. Я знаю цену. И не следует давать мне советов. Я пришел не за советом. Я пришел купить услугу.

— Отлично! — воскликнул Тургонес. — С вами приятно иметь дело. Что вы можете мне предложить в качестве платы?

— Вы будете проводить ритуал? Или у вас есть еще один маг для этого?

— Не задавайте дурацких вопросов. Кто будет проводить ритуал, в чем этот ритуал заключается и какова секретная формула вашего будущего сногшибательного успеха — это наша профессиональная тайна, и вас она не касается... Чем вы заплатите?

— Я хочу убить одного человека, — ответил Кабаллона. — В обмен на эту сладкую возможность я предлагаю вам самого себя. Вас устраивает такая плата?

— О, — произнес Тургонес и, взяв длинную белую прядь, принялся наматывать ее на палец. — О... — повторил он, рассматривая Кабаллону совершенно новыми глазами.

— Что вас останавливает? — резко спросил Кабаллона.

— Только то, что мне впервые предлагают себя... Один человек привел ко мне свою сестру. Она, кстати, сегодня умерла — хорошая была девушка, очень достойная. Но вы... Вы знатный человек?

— Да, — ответил Кабаллона.

— Кого вы хотите убить?

— Его имя Туризинд, — сказал Кабаллона, сощурив глаза, отчего лицо его приняло злое выражение. — Я ненавижу его много лет. Но до сих пор у меня не было ни малейшего шанса уничтожить эту ядовитую гадину. Он всегда уходил от возмездия.

— Почему вы желаете смерти этого Туризинда? Он настолько знатен и богат, что вам трудно до него добраться без нашей помощи?

— Нет, — сквозь зубы произнес Кабаллона. — Он простолюдин.

— В герцогстве не составляет большого труда выследить и прикончить простолюдина. За это, кажется, даже не полагается серьезного наказания... — продолжал Тургонес, внимательно наблюдая за своим собеседником.

«Странно складываются обстоятельства, — подумал он. — Туризинд как раз направляется сю-

да... С ним, с его искусством выходить сухим из воды, с его умением убивать и с его чудесной способностью не испытывать угрызений совести, возможно, связана вся моя будущая карьера верховного мага... И вот прямо ко мне в руки идет человек, чья жизненная цель, чья величайшая мечта — поймать этого самого Туризинда и свернуть его проклятую шею. Как интересно! Судьба — поразительная штука. Следить за ее вывертами бывает весьма занимательно».

— Выследить и убить простолюдина по имени Туризинд, — горько повторил Кабаллона. — Не так-то это просто... Много лет назад, когда этот проклятый наемник ходил в подручных у учителя фехтования, мой старший брат... мой брат, которого я боготворил... он полюбил одну женщину. Красивую женщину. Она была очень молода, довольно богата — и чрезвычайно красива. К несчастью, она не была знатна. Вам интересно?

— Я слушаю, — сказал Тургонес, всем своим видом показывая отвращение к этой любовной истории. — Полагаю, ваш роман, весьма занятный и даже трогательный, имеет хотя бы косвенное отношение к делу?

— Да, — сказал Кабаллона. — Самое прямое отношение, если желаете знать. Мой, как вы изволили выразиться, «роман» объясняет причину моей ненависти к Туризинду. Итак, мой брат влюбился в купеческую дочку. Красотку с большим приданым, коротенькой родословной — и полным отсутствием ума. К несчастью, та же де-

вушка нравилась и Туризинду. Но у Туризинда не было ни малейшей надежды жениться на этой девушке. Простолюдин, зарабатывающий на жизнь уроками фехтования! Безродный мальчишка, которого мастер подобрал, говорят, в канаве умирающим от голода, — подобрал из жалости и оставил в доме мыть полы и чистить котлы! Он даже не мог назвать имени собственного отца... У него и имени-то не было — Туризиндом назвал его мастер... Все это я знал, потому что вместе с братом приходил на уроки фехтования.

Туризинд, любопытный, как хорек, любил выслеживать знатных учеников. Он наблюдал за ними, копировал их манеры, подражал их речи, заучивал целые фразы, которыми те обменивались. Ну и, разумеется, он выяснял, куда те ходят отдыхать.

Туризинд узнал, в кого влюблен мой брат, и, как я подозреваю, назло ему, тоже начал ухаживать за этой девушкой. Туризинд весьма завистлив! Он бродил под окнами красавицы, посылал ей воздушные поцелуи, разбрасывал цветы перед ее порогом — словом, совершал разные «безумства». Мастер ни о чем не подозревал...

Красавица, которую мой брат почти уж было соблазнил, вдруг стала холодна к нему. Мой брат был в отчаянии, он терялся в догадках — и наконец узнал о проделках Туризинда. Вызвать на поединок он не мог. Не хватало еще знатному человеку сражаться на дуэли с каким-то подзаборником! Нет, мой брат поступил так, как

поступил бы на его месте любой знатный человек, хорошо осознающий свой долг перед родовым именем. Он приказал своим лакеям подкараулить Туризинда и хорошенько проучить его плетьюми и палками.

— И что же, — не без интереса осведомился маг, — они сделали это?

— Да, хотя один был тяжело ранен, а двое заплатились жизнью... — Кабаллона вздохнул. — Они избили его как следует, можете мне поверить! Они едва не вышибли ему глаз, сломали левую руку, отбили ему почки — говорят, он почти неделю мочился кровью...

— Весьма любопытные детали, — наморщился Тургонес.

— Самое любопытное впереди... Едва оправившись, Туризинд подстерег моего брата и убил его. Да, убил! Он напал на знатного человека с мечом в руке.

— Позвольте, но как ему удалось...

— Туризинд был мастером фехтования, — перебил Кабаллона. — Он знал о фехтовании то, чего не знал мой брат. Он убил знатного человека так же легко, как кухарка убивает курицу!

Словно бы вызванный этими словами, как по мановению волшебной палочки, в комнате для приемов появился поваренок с дымящимся горшком, который был прижат к животу — точнее, к чумазому фартуку.

— Как вы и приказывали, мой господин, — низко поклонился поваренок. — Ваша трапеза.

Назвать «это» обедом, каким-либо блюдом (к примеру, жарким) или еще как-то у поваренка язык не поворачивался. Впрочем, Тургонес был выше подобных мелочей.

Он махнул мальчику, чтобы тот уходил, взял горшок с варевом себе на колени и принялся есть, зачерпывая большой ложкой.

Кабаллона ошеломленно следил за магом.

— Продолжайте, — велел ему Тургонес.

Глядя на жующего чародея, Кабаллона сказал:

— Мой брат умер. Он был убит подло, злодейски. Его убил Туризинд, человек низкого происхождения, человек с отвратительной черной душой. Разумеется, после такого преступления Туризинд не мог больше оставаться в столице. Он бежал. Я следил за его, с позволения сказать, «карьерой». Иногда я выпускал его из виду на целые годы и тогда начинал мечтать о том, чтобы мне сообщили о его смерти. Но потом он снова появлялся. Он был наемником, дослужился до капитана большого отряда... Потом, когда война закончилась, занимался разбоем... Его следы потерялись, когда его схватила тайная стража герцогства, но совсем недавно мои пастухи видели его в лесу в компании с каким-то другим убийцей — с ними была также развратная девка.

— И вы... — чавкая, промолвил Тургонес.

— И я сразу же направился сюда, потому что убить этого человека — дело чести для меня! — сказал Кабаллона.

— Что ж, — с деланным равнодушием проговорил Тургонес и вытер жирный рот рукавом своей белой, заляпанной сажей туники, — я помогу вам. Я даже не потребую от вас слишком большой платы. Мне чрезвычайно нужен человек, который согласится делать для меня грязную работу, не задавая вопросов. Аристократы просто завораживают меня, мой друг. Никто не умеет подчиняться так, как подчиняются люди с голубой кровью в жилах, — люди, привыкшие повелевать. Приказывать вам — наслаждение, а видеть вас в рабстве — высшее счастье... Впрочем, не слушайте меня. У меня сегодня хорошее настроение, вот я и болтаю разные глупости. Ха-ха!

Он весело глянул на ошеломленного Кабалло-ну и подмигнул ему.

— Подкрепитесь с дороги, дружище. Не желаете отведать? Кажется, здесь это месиво из съестного называется «жарким», но я не уверен... Голод утоляет отменно, да и на вкус получше, чем мои.

И, видя, как Кабаллона раскрывает от изумления рот, Тургонес громко, радостно захохотал.

* * *

«Все складывается как нельзя лучше, — думал Тургонес, оставшись один в своей спальне. — Жаль, конечно, выводка летучих мышей, но здесь уж ничего не поделаешь. Я не мог позволить им

сожрать наших врагов раньше времени. Фульгенций — просто старый глупец! Он полагает, что я буду таким же слепым и безвольным учеником, каким был он сам в пору своего ученичества! Смешно, до чего наивны бывают ученые люди... А ведь он умен. По-своему, разумеется, но чрезвычайно умен. Жаль будет убивать его. Ничего не поделаешь. Оставлять его в живых — слишком опасно. Когда я стану верховным магом, Фульгенция не должно быть на этом свете. Да и законы нашего сообщества этого требуют! Не может существовать одновременно двух великих магов. Ученик сменяет мастера лишь после смерти мастера. Придется ускорить это прискорбное событие, ха-ха... А когда Туризинд с компанией мне в этом помогут, у меня под рукой будет надежный человек, который способен устранить и самого Туризинда. Бедный, бедный Фульгенций! И он будет утверждать, что случайность не играет в нашей судьбе никакой роли? Печальное заблуждение... Жаль, что старик умрет, так и не поняв, насколько он ошибался...»

Глава пятнадцатая

Изгнанники

Ронь, подаренный друидами, весело бежал вперед. Дертоса и Конан ехали в повозке, груженной также всякими припасами, а Туризинд предпочел путешествовать верхом на своей рыжей лошадке.

По мере того, как они углублялись в лес, дорога все больше шла в гору; почва под ногами становилась каменистой, но сам лес, как это ни странно, не делался редким. Напротив, чаща, окружавшая путников, выглядела непроходимой: деревья теснились друг к другу, сплетались ветвями, а любое свободное пространство между ними заросло пышным кустарником.

Трое путешественников приближались к Рабирианским горам. Дарантазий был уже близко.

Дертоса, все это время помалкивавшая, вдруг начала напевать. Это оказалось полной неожиданностью для Туризинда. Он подъехал ближе к повозке и прислушался. Голос девушки, звонкий и чистый, окреп, зазвучал увереннее.

Баллада, в противоположность всему происходящему, была веселой: о девушке и юноше, что отправились вместе на охоту, но вместо того, чтобы ловить оленя, гонялись друг за другом.

Когда песня закончилась, Туризинд наклонился к повозке.

— Я и не знал, что у тебя такие таланты, — проговорил он.

Дертоса глянула на него без улыбки.

— Странно, что не догадался. Я ведь выросла среди друидов, а музыка — часть их природной магии.

— Ты права, — признал Туризинд, — я должен был сообразить. Но столько всего произошло...

Она покачала головой.

— Тебе это не пришло на ум только потому, что я не принадлежу к их народу по крови... И более того: даже не человек. Ты думаешь, я не замечаю? С тех пор, как ты узнал, кто я такая, ты сторонись меня.

— Вовсе нет, — пробормотал он, немного смущенный.

— Это так, — настойчиво повторила она. — Впрочем, не могу тебя винить. Я ведь и сама не лучшего о себе мнения, знаешь ли...

— Ничего подобного нет! — внезапно обретя решимость, заявил Туризинд. — Твое пение удивило меня лишь потому, что красивые голоса вообще редкость.

Дертоса сухо сказала:

— Благодарю.

И отвернувшись, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать разговор. Туризинд отъехал в сторону.

Дертосе стоило усилий не проводить его взглядом. Девушка никогда прежде не испытывала таких чувств. Она не хотела признаваться себе в этом, но Туризинд странно волновал ее. Когда его не было рядом, она представляла себе, как он стоит, прислонившись плечом к дереву, как его фигура вдруг появляется из полумрака, как он подходит к костру уверенным шагом и быстро усаживается на землю. Его манера поворачивать голову на малейший звук, который кажется подозрительным, или улыбаться неожиданной, почти детской улыбкой в ответ на доброе слово.

«Добрый». Это определение оказалось Дертосе неуместным. Человеку, с которым столкнулась ее судьба, оно никак не подходило. Он наемный убийца — таково его последнее занятие; а прежде был солдатом, и еще раньше — профессиональным фехтовальщиком и бродягой.

Неожиданно в памяти Дертосы появилось лицо ее самого первого друга — Эндоваары. «Ты влюблена, — казалось, говорил он, и бездонные глаза друида были печальны, — это очень опасное состояние, Дертоса... Очень опасное...»

«Я не могу быть влюблена! — яростно возражала она, сама не зная, к кому обращается: к Эндовааре ли, вызванному ее мыслями, или к себе самой. — Это исключено. Мое сердце холодно,

как лед. И уж всяко не грязному наемнику оно может принадлежать... К тому же для него моя любовь была бы просто очередным ничего не значащим приключением. Такие, как он, не в состоянии любить женщину и уж тем более куда ему оценить ее чувства. Немыслимо. Случайная подруга, кто-то, кто согреет темной ночью, кто-то, кто поможет удовлетворить желание, сбедающее мужчин время от времени... С той же мерой благодарности он отнёсся бы к старому плащу, который укрыл его во время дождя, или к позднему яблоку, утолившему его голод...»

Но в самой потаенной глубине души Дертоса надеялась на то, что она ошибается.

В свое пение она вложила немножко магии. Самую малость — просто чтоб привлечь Туризинда. И он, кажется, действительно был поражен...

Дертоса молча улыбалась, пока Конан вдруг не хватил ее кулаком в плечо. Девушка тихо вскрикнула, улыбка ее погасла, радость испарилась в одно мгновение.

— Ты что это делаешь, шлюха? — прошипел Конан. — Думаешь, я не замечу?

— Что я делаю? — переспросила она, потирая ушибленное плечо. — Зачем ты меня ударил?

— Чтобы ты пришла в себя. Кто тебе позволял применять здесь магию?

— Я не... — начала было оправдываться она, но жгучая боль охватила все ее тело. Все пять ожогов, невидимых на коже, вдруг запылали.

Дертоса не знала, замечает ли Конан тонкие белые лучи, что исходили из ее тела и пронзали шкуру дикого быка, натянутую на каркас повозки вместо крыши. Сама девушка видела эти лучи-копья совершенно отчетливо.

— Что ты хотела сказать? — Конан навис над ней, его глаза дико блестели в полумраке. — Договаривай.

— Я хотела сказать, что не... применяла магии... — с трудом выговорила Дертоса. — Но это... не так. Я немножко...

Она закатила глаза и потеряла сознание.

Конан быстро ощутил ее лоб, пригладил вспотевшие волосы, запустил руку ей за ворот и коснулся того места, где, как он знал, должен был остаться ожог.

Кожа девушки была прохладной... и тут пальцы Конан обожгло пламенем.

Он поскорее отдернул руку.

— Так и есть, — прошептал он, — так и есть. Она больше не сможет лгать. По крайней мере, нам. С одной стороны, это неплохо: мы наконец услышим от нее правду. С другой...

Он нахмурился. Друидийская магия, как и всякая другая, была палкой о двух концах, всегда готовой ударить не только врага, но и союзника. Если Дертоса не сможет лгать, неприятелю даже не придется применять к ней пытки, чтобы узнать о намерениях маленького отряда.

Конан от всей души надеялся, что до такого не дойдет.

* * *

Туризинда не оставляло ощущение, что за ними кто-то следит.

Инстинкт, помогавший наемнику выжить в прошлом, сейчас обострился. Он постоянно чувствовал на себе взгляд со стороны.

Он не стал делиться этим со своими спутниками. Конан наверняка высмеет его. Скажет, что даже солдаты бывают подвержены страхам и магиям. А Дертоса, того и гляди, сама заразится его подозрительностью.

Когда путники останавливались для того, чтобы развести костер и устроиться на ночлег, Туризинд обошел их будущий лагерь кругом, внимательно вглядываясь в темноту и прислушиваясь к любому шороху.

Конан занимался устройством лагеря и с легкой насмешкой поглядывал на настороженного Туризинда, который «корчил из себя бдительного капитана», по мнению варвара. Кто здесь станет выслеживать путников? В этой глуши никого нет. А если бы был — Конан своим варварским чутьем непременно бы почувствовал присутствие чужаков.

Киммериец даже не стал требовать от Дертосы, чтобы она ему помогала. Обессиленная пережитым, девушка заснула прямо в телеге. Когда костер уже горел и ужин был приготовлен, Конан вытащил Дертосу на руках из телеги и устроил на земле.

Она сонно моргала, глядя на огонь. Конан сунул ей кусок вяленой оленины, завернутой в лепешку.

— Ты должна подкрепиться.

Не возражая, она принялась жевать. Лицо ее было на удивление задумчивым.

Неожиданно она спросила:

— Ты давно знаешь Туризинда?

Вопрос застал Конана врасплох. Он бросил на девушку быстрый взгляд и тотчас отвернулся. Долго молчал. И наконец ответил:

— Наверное, да. Давно. Очень давно...

Он не стал уточнять, что знает не самого Туризинда, но очень похожих на него людей. Это было, с точки зрения Конана, совершенно несущественно. Его интересовало сейчас нечто иное. Ему хотелось выяснить, насколько глубоки чувства Дертосы. Возможно, это пригодится, когда они придут в Дарантазий и настанет время действовать.

Но Дертоса ни о чем не подозревала. Она протодушно продолжала разговор. Девушка шевельнулась, придвинулась ближе к Конану.

— Какой он, этот Туризинд? Расскажи мне...

— Ничего в нем нет особо хорошего, — ответил Конан и посмотрел на нее испытующе: — Ты никак влюбилась? Смотри, Дертоса, это опасное состояние...

Он говорил почти совершенно так же, как Эндоваара. Хотя трудно было бы отыскать более разных людей, чем Эндоваара и Конан. Дертоса

отвела глаза, не в силах выдерживать взгляд варвара:

— Нет... наверное...

— Не увлекайся им, — посоветовал Конан. — Все, что я знаю о Туризинде и о таких, как он, говорит о нем не лучшим образом. Большую часть жизни он зарабатывал свой хлеб убивая других, а это как-нибудь его да характеризует.

Дертоса вздохнула и вдруг насторожилась.

— А тебе не кажется, что за нами следят?

* * *

Ночь прошла спокойно, несмотря на все тревоги Туризинда и Дертосы. Конан готов был уже счесть обоих своих спутников сумасшедшими, которые свихнулись, везде и повсюду выискивая тайных врагов. Однако утром, готовя повозку, Конан обратил внимание на одну деталь, которая прежде ускользала от его взгляда.

У конька, подаренного друидами, оказались очень странные копыта: они были слегка раздвоены, и их отпечатки напоминали по форме сердечко.

— Только этого не хватало! — пробормотал Конан. — Меченое животное! Да по таким следам нас даже полуслепая бабушка отыщет, если ей этого захочется... Следят, говорите вы? Да уж, кто-то за нами точно следит... И вот теперь важный вопрос: как нам быть? Зарезать это меченое животное, отпустить его на все четыре стороны

или не обращать внимания на его странности? Может быть, имеет смысл выследить того, кто шпионит за нами?

Туризинд подошел к Конану. У наемника было, как ни странно, очень хорошее настроение. Конан еще не видел его таким веселым. Это обстоятельство отразилось на Конане зеркальным образом: он нахмурился и помрачнел.

— Могу я узнать причину твоего ликования? — осведомился Конан сухо.

— Какого еще ликования? — Туризинд пожал плечами. — Светит солнце, я свободен, у меня есть оружие, припасы и пара подчиненных... Чем не начало для отряда наемников? Пора завоевать весь мир, не находишь?

— Не знаю, какое из двух твоих качеств раздражает меня больше: твоя непроходимая глупость или твоя младенческая непредсказуемость, — проворчал Конан. — Впрочем, у меня есть отменное средство сбить с тебя глянец. Наклонись.

— Хочешь дать мне пинка? Старая шутка, — сказал Туризинд, посмеиваясь.

— Я не шучу. Наклонись и взгляни вот сюда. — Конан указал на копыто конька.

Животное весело косило глазом и тоже, казалось, пребывало в отличнейшем расположении духа.

Туризинд наклонился, взял животное за ногу.

— Копыто, — подсказал Конан.

Конек махнул хвостом, мазнув Конана по щеке.

— Странная форма копыт, — проговорил Туризинд, отпуская животное и рассеянно лаская его густую челку. — Ну и что?

— Да то, что друиды нарочно дали нам такую тварь, чтобы легче было идти по следу, — сказал Конан. — Да и любой другой следопыт, окажись он в этих краях, удивился бы, увидев подобный отпечаток. Так что мы поневоле привлекаем к себе внимание.

— Предлагаю вести себя как ни в чем не бывало. — И Туризинд, насвистывая, отошел в сторону седлать свою рыжую.

Как ни надеялся Конан, Туризинд не утратил ни толики своей веселости. Очевидно, скачки настроения у бывшего наемника никак не были связаны с внешними обстоятельствами: признак замкнутой на себе личности. Следует запомнить.

И вновь стучали копыта по каменистой дороге, и бежали мимо путников темные стволы деревьев, густо оплетенные плющом и окруженные кустарниками. Туризинд чувствовал себя заложником дороги: казалось невозможным свернуть с нее в сторону: лес стоял вокруг сплошной стеной, не позволяя сделать ни шага в произвольном направлении.

— Идеальное место для засады, — сквозь зубы бормотал Конан. — Если бы я хотел остановить нас, я отправил бы отряд куда-нибудь сюда.

— Насколько я понимаю, эти заросли существуют не только для нас, — высказался Туризинд с очевидной беспечностью.

Фраза прозвучала по меньшей мере странно.

Конан высунулся из повозки больше чем наполовину, повернул лицо в сторону всадника. Тот весело щурился на солнце.

— Что ты имеешь в виду, Туризинд?

— Только то, что здесь такая густая чащоба, что не только мы, но и любой другой в ней увязнет...

И, словно желая опровергнуть столь решительное утверждение, из леса вылетела стрела. Она вонзилась в землю прямо перед всадником. Умная рыжая лошадь отступила на шаг и остановилась. Туризинд быстро повернул голову в ту сторону, откуда прилетела стрела.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. И, возвысив голос, крикнул:

— Кто вы? Выходите! Мы не враги! Давайте поговорим!

Чаща откликнулась десятком голосов: какие-то люди смеялись и переговаривались. Впечатление создавалось жуткое: путникам казалось, что они окружены со всех сторон какими-то невидимками. И, что было еще хуже, — вооруженными невидимками. Еще одна стрела прилетела из леса и воткнулась в землю позади повозки. Эти две стрелы как будто обозначили границы, в которых дозволялось существовать чужакам; любая попытка выйти за пределы этой границы будет караться смертью.

Конан вылез из повозки, наказав Дертосе сидеть внутри и не высовываться. Девушка и сама

знала, как поступить. Она легла на дно повозки и замерла: если полетят стрелы, меньше вероятности, что ее заденут.

— Покажитесь! — повторил Туризинд, вертясь на лошади.

И тут, словно по мановению волшебного жезла, между деревьями показались люди. Их было около десятка: одетые как охотники, в туники и штаны из выделанной кожи, и вооруженные луками и кинжалами. У одного из них был меч в потертых ножнах.

Несомненно, они не имели никакого отношения к друидийскому народу. То были люди, чистокровные люди, без примеси иной крови. Их предводитель, высокий и стройный человек лет сорока, с длинными черными волосами, которые уже тронула седина, спокойно рассматривал путников, переводя взгляд с Туризинда на Конана и обратно.

Неожиданно он ошеломил Туризинда вопросом:

— Вы братья?

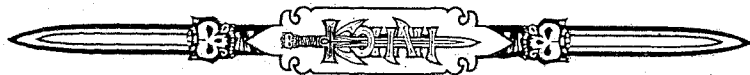
— Что? — Туризинд даже покачнулся в седле. — Братья?

Человек пожал плечами.

— Прости, если обидел тебя. В первую минуту мне так показалось...

— По-твоему, родство со мной кто-то может счесть для себя оскорбительным? — вмешался Конан.

Туризинд увидел, что его спутник совершен-

но пришел в себя и не испытывает ни страха перед незнакомцами, ни смущения.

Предводитель чужаков рассмеялся:

— Хороший вопрос! Мой ответ — нет. Быть твоим родственником — так же почетно и так же обременительно, как и иметь родней любого другого достойного человека.

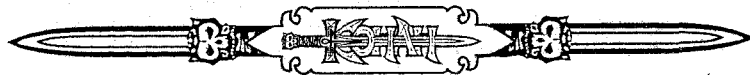
— Могу я спросить, кто вы? — вмешался Туризинд.

Незнакомец тряхнул волосами и спокойно посмотрел прямо в лицо Туризинда. Наемник отметил, что тот, хоть и стоял на дороге перед всадником, держался чрезвычайно уверенно. Обычно пеший против всадника чувствует себя напряженно, так что манеры незнакомца кое-что сообщили о нем Туризинду еще прежде, чем тот назвал свое имя.

— Меня зовут Гайон, — сказал человек с мечом в потертых ножнах. — Я — законный граф Дарантазия. Если судьба будет милостива, я свергну бастарда, который правит моими землями... А теперь назовитесь вы. У вас странный конь, вы знаете это?

* * *

Лагерь графа-изгнанника находился в самой чаще леса. Туризинд поразился ходам, которые проложили в непроходимой чащобе люди Гайона. Это были настоящие муравьиные лабиринты, ориентироваться здесь умели только те, кто обитал в этом лесу уже многие годы.

Запутанные ходы, петлявшие среди колючих ветвей и толстых, смыкающихся между собой стволов, вели на большую поляну. Здесь, как показалось Туризинду, был устроен настоящий дворец под открытым небом, только вместо стен служили стволы, вместо гобеленов — свисающие с мощных ветвей густые «бороды» лишайника, а вместо ковров — многолетние слои опавшей листвы и хвои.

В центре поляны стоял большой шатер, где, видимо, и жили граф-изгнанник и его люди. Обиталище Гайона имело вид боевого лагеря. Сколько ни оглядывался Туризинд, нигде он не замечал следов присутствия женщин. Это без лишних слов свидетельствовало о серьезности намерений графа. Он боялся обременять себя сердечными привязанностями и воспрещал своим соратникам делать это.

Конан вел конька в поводу, повозка покачивалась у него за спиной. Дертоса молчала, как будто ее и не существовало. Когда девушка очутилась в лагере, где не было ни одной женщины, она испугалась. Как поведут себя эти суровые мужчины, увидев после долгого перерыва девушку, да еще так близко? Не потребуют ли они ее для себя? Она забилась в угол повозки и сидела неподвижно, боясь пошевелиться. К счастью, ни граф, ни его соратники, кажется, до сих пор не заметили присутствия Дертосы.

Гайон указал своим гостям на место возле костра.

— В шатре мы скрываемся только на время непогоды, — пояснил он. — Большую часть времени проводим под открытым воздухом.

Конан непринужденно расположился возле огня, взял кусок мяса, который ему предложили, и с удовольствием впился в него зубами. Туризинд ни в чем не отставал от своего товарища.

Когда Конан счел, что провел у костра за трапезой достаточно времени, чтобы можно было перейти к разговорам, он бесцеремонно спросил:

— Не могли бы вы пояснить, что означает — «законный граф Дарантазия»?

Гайон помрачнел и метнул в своего гостя такой суровый взгляд, что человек более впечатлительный, нежели Конан, наверняка бы подавился собственной дерзостью. Но киммериец и бровью не повел.

— Могу я, в свою очередь, узнать, кто вы такие?

— Мое имя Конан, — сказал варвар с таким видом, словно этого должно быть достаточно.

Граф-изгнанник перевел взгляд на Туризинда.

— А ты?

— О, — отозвался Туризинд спокойно, — я наемник, бывший солдат, а в последнее время беглый преступник. Впрочем, это не мешает мне быть неплохим парнем... для друзей, разумеется.

— Теперь ваш облик мне совершенно ясен, — заверил его Гайон чуть высокомерно.

— Стало быть, для вас не тайна, что мы безмерно далеки от политики и почти ничего не

знаем о Дарантазии... — промолвил Конан как бы между делом.

Гайон кивнул, и двое его ближайших соратника, повинувшись этому безмолвному приказу, спрятали в ножны кинжалы.

— Я объясню вам, коль скоро сам зазвал вас в гости. Некогда Дарантазией правил граф Теодрат. От первой жены у него было двое сыновей; затем, когда Теодрат попал в полное рабство к магам из Рабирианских гор, жена его таинственным образом умерла, и он взял себе в супруги дочь мага. Старший сын от первого брака поднял мятеж и был убит; второй — бежал. Дарантазией правит Кондатэ, отпрыск магини, которая превратилась в змею, едва только дала наследнику жизнь.

— Следовательно, вы не признаете законным второй брак своего отца? — спросил Конан прямо.

И Гайон дал такой же прямой ответ:

— Разумеется, нет. Он позволил магам убить нашу мать и даже не задумался над тем, почему она умерла. Никто ведь так и не понял, отчего она скончалась: ее просто обнаружили мертвой, вот и все... Он довел своих подданных до отчаяния, и мой брат увидел свой долг в том, чтобы возглавить мятеж. Он хотел лишить власти обезумевшего отца. За это маги сожгли его живьем. Я был тогда еще ребенком, но видел все своими глазами...

Гайон помолчал, глядя в огонь, как будто на-

деясь разглядеть там лицо своего давно погибшего брата.

Затем заговорил вновь:

— Мой брат был старше меня почти на пятнадцать лет. Он был очень красив, хотя, я думаю, не слишком умен... Впрочем, одним качеством он обладал в избытке. Он был невероятно благороден. Таких благородных людей я больше не встречал никогда. Сейчас я думаю: он понимал, что восстание обречено на поражение. И все равно он считал для себя невозможным отсиживаться в стороне, пока люди графства льют кровь в попытке избавиться от ненавистной власти магов. Он рассчитал все верно, мой брат. Убив его, законного наследника, маги не стали карать остальных мятежников. Они довольствовались одной этой жертвой. Говорят, во время беспорядков в Дарантазии погибло человек десять, не больше. Если бы мой брат не пал первым, то погибших было бы в десятки, сотни раз больше...

Гайон опять замолчал. Конан не торопил его, не задавал вопросов. Граф-изгнанник держался как человек, у которого очень много времени: он жил неспешно и, видимо, давно уже принял решение принять свою судьбу, какой бы та ни оказалась. Если ему суждено провести всю жизнь в лесах, скрываясь, — значит, так тому и быть. Но если ему подвернется хотя бы малейшая возможность свергнуть Кондате и заявить о своих правах на графскую корону Дарантазия, он своего шанса не упустит.

Наконец Гайон вновь нарушил молчание:

— Со мной — те из моих подданных, кто не принимает жизни в графстве, опутанном сетями черной магии. Проклятье, с некоторого времени сказать о себе: «Я из Дарантазия» — все равно что сказать: «Я из преисподней», «Я — потомок уроженцев Ахерона» или: «Я — стигиец»... Но среди жителей графства есть ведь и такие, кому вся эта магия приплась крепко не по душе.

Гайон глянул в сторону своих соратников. Туризинд сразу узнал этот взгляд: бывало, и сам он, капитан наемников, посматривал с таким же выражением лица на своих людей, на тех, с кем завтра ему идти в смертельный бой.

— Стало быть, нам повезло, — задумчиво произнес Туризинд. — Мы как раз направлялись в Дарантазий, поскольку у нас там... э... важное дело.

Конан встретился с ним глазами и еле заметно покачал головой. Если Гайон и заметил этот безмолвный приказ молчать, то никак не подал виду, что понял происходящее между двумя товарищами. Вместо этого Гайон неожиданно спросил:

— А кто прячется у вас в повозке?

— Никто, — пробормотал Туризинд.

Гайон улыбнулся и сделал знак. Повинуясь жесту своего графа, трое молодых людей быстро поднялись с земли и подошли к повозке. Один поднял полóg и заглянул внутрь.

— Выходи, — проговорил он, посмеиваясь. — Выходи же, с тобой ничего дурного не случится.

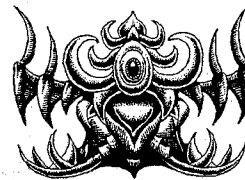
Он протянул руки и вытащил упиравшуюся Дертосу. Граф посмотрел на девушку бесстрастно, как будто ему показывали некий неодушевленный предмет весьма сомнительных достоинств, но другие собравшиеся у костра были менее сдержанны: по рядам вооруженных людей пронесся вздох восхищения.

Туризинд также не мог не признать, что Дертоса была сейчас очень хороша: маленькая, изящная, с пышными распущенными волосами, она казалась совершенным существом.

«Если сказать им, что она — из болотного племени, они, наверное, перестанут так восторгаться ею, — подумал Туризинд почти ревниво. — Впрочем, кажется, их это не остановит. Они ненавидят только магов, но на магиню она совершенно не похожа...»

— Разделите наш вечер, дама, — вежливо обратился к ней Гайон. — Судя по вашей одежде, вы приходите родней нашим соседям друидам?

Она молча кивнула и уселась между Туризиндом и Конан. Тот сунул ей кусок мяса, не доеденный им самим (хлеба у лесных жителей не водилось, зато мяса — в избытке, и поглощали они его огромными кусками). Голова у девушки закружилась — Дертоса была очень голодна. Она схватила мясо и жадно принялась поглощать его. Гайон посматривал на нее искоса и чуть посмеивался, словно наблюдал за ребенком и был весьма доволен его хорошим поведением и здоровым аппетитом.

Глава шестнадцатая

Волшебная песнь

уризинд и Дертоса давно уже спали; сморил сон и почти всех соратников графа-изгнанника — кроме тех, кто нес в эту ночь караул вокруг лагеря. У почти погасшего костра сидели Конан и сам граф Гайон. Они негромко разговаривали.

Им потребовалось провести за разговором несколько часов, прежде чем между ними установилось полное взаимопонимание: каждый с полуслова угадывал основную мысль собеседника.

Гайон был заинтересован в Конане и его спутниках и не скрывал этого; графу-изгнаннику требовались подобные люди. Тем более, что Конан выглядел не просто опытным воином, но и хорошим командиром для небольшого отряда.

— Как вы рассчитываете победить магов? — удивлялся Конан, подкладывая поленья в костер.

Он лениво следил за огоньками, перебегавшими по углям и то и дело поднимающимися

ввысь: в самой глубине, в самом сердце жара Конан начинал угадывать кривляющиеся человеческие лица, странные танцующие фигурки: верный признак того, что магия действует где-то неподалеку. Конан не знал, замечает ли это граф, но решил пока что не говорить ему о своих наблюдениях, а просто держаться настороже.

— Меня не удивляет ваше недоумение, — отвечал Гайон. — Маги действительно очень сильны в Дарантазии. Но их беда в том, что они потянули свои жадные руки дальше, в Эброндум. Я не удивлюсь, если окажется, что они замахиваются на весь Аргос! Мне известны их намерения. Они желают властвовать над землями Аргоса... Не исключено, что и Аквилонии! Что ж, посмотрим, что у них получится. Вряд ли Эброндум, на который направлен их первый удар, потерпит наглость Дарантазия. При первых же поползновениях захватить чужие земли маги получают отпор.

— Так вы рассчитываете вернуть себе графскую корону на гребне войны Эброндума против Кондате и магов? — уточнил Конан.

Гайон посмотрел на него загадочно.

— И да, и нет, — ответил он. — Видите ли, мой друг, — продолжал он задумчивым тоном, — ответить прямо «да» означало бы признать, что я желаю этой войны. Что было бы неправдой. Мне совершенно не хочется, чтобы проливалась человеческая кровь. Люди будут погибать за чужие интересы, а я воспользуюсь этим, выскочу из ле-

са и заявлю о своих правах... Так вы себе рисуете эту картину?

Конан кивнул.

— Приблизительно. Я и сам понимаю, что выглядит это все неприглядно, но... люди будут видеть в вас своего избавителя, истинного графа, при котором страна процветет, исчезнет страх, пропадут все беды и заботы... По крайней мере, на первых порах все будет именно так. Ну а потом вы сможете начать гонения на тех, кто тайно поддерживает магов.

— И вы находите такую политику умной? — горько усмехнулся Гайон.

Конан пожал могучими плечами.

— Почему бы и нет? Лично я поступил бы точно таким образом. Явился бы на все готовое и сделался бы избавителем отечества. Возможно, это путь! Я не рассказывал вам о своем намерении рано или поздно завоевать себе королевство? Довольно интересный план... Впрочем, это произойдет позднее. Сейчас мне любопытно побродить по миру и посмотреть, чем занимаются люди...

— В общем и целом я с вами согласен, — сказал Гайон. Из всего сказанного он уловил лишь то, что касалось его собственных планов. — Я готов признать, что таковы мои намерения. Я дождусь войны, явлюсь в Дарантазий вместе с армией победителей и позволю герцогу Эброндума превратить меня в послушную марионетку на троне моего собственного владения. И вот тут-то начнется самое трудное.

— Изгнание не магов, но магии, — подхватил Конан с многозначительным видом. — Понимаю. Многие люди в Дарантазии заражены черным колдовством, подобно тому, как в очаге болезни люди бывают носителями какой-нибудь жуткой смертоносной хвори. — Он помолчал и добавил: — Когда-то, в самом начале моей карьеры наемника (а я побывал наемником!) я и еще несколько молодых парней похвалялись тем, что, дескать, нам ничего не стоит убить одного или нескольких человек. Отчего-то мы считали подобную решимость признаком истинного солдата. Наш командир слышал эту похвальбу и решил испытать нас. Поблизости находилась одна деревня, где началась Черная Смерть. Там заболели двое, а ожидалось, что болезнь сразит большинство. И, возможно, пойдет дальше. Нас, всех, кто хвастался, призвали к командиру, и он велел нам уничтожить всю деревню и всех жителей в ней.

— И вы сделали это? — спросил Гайон.

Конан молча кивнул и отвернулся к огню. Спустя некоторое время он прибавил:

— Невинные всегда страдают, от этого не уйти.

— Да, — сказал Гайон. — И я со страхом жду того времени, когда придет пора действовать.

— У вас не должна дрогнуть рука, если перед вами будет маг, магиня или даже их дитя, — сказал Конан. — Если хотите, эту грязную работу я поручу Туризинду... Если он, конечно, останется к тому времени в живых. Он пробыв наемником

гораздо дольше, чем я. Полагаю, совести у него осталось куда меньше, чем... э... у меня.

— Что ж, — просто сказал Гайон, — я принимаю ваше предложение. Сама судьба послала вас сюда. Я мягкотелый и слишком нерешительный.

— Вы? — поразился Конан. — Вы сумели уйти от магов, вы скрывались в лесах долгие годы, вы создали отряд единомышленников и, сидя в глуши, разработали целую стратегию на несколько лет вперед... И вы называете себя мягкотелым?

Гайон кивнул.

— С этим ничего не поделаешь. У меня слабый характер. Мне приходится прилагать огромные усилия просто для того, чтобы оставаться в живых.

— У вас железная воля, — решительно заявил Конан, — коль скоро вы сумели победить самого страшного противника, с каким только может столкнуться человек: самого себя.

— До окончательной победы еще далеко, — засмеялся Гайон. — Впрочем, с вами я добьюсь большего, нежели без вас. Расскажите мне о ваших спутниках, если, конечно, это не означает выдать какие-либо их тайны.

— Если у них и есть тайны, то мне они неизвестны, — буркнул Конан. — Меня удивило, когда вы назвали Туризинда моим братом. Неужели в нас есть что-то общее? Мне казалось — ни малейшего сходства.

— Я и сам не знаю, почему я так подумал, — признался граф-изгнанник. — В первое мгнове-

ние, как только я вас увидел, вы оба представились мне совершенно одинаковыми. Но чуть позже я и сам готов был упрекнуть себя в ненаблюдательности и излишней впечатлительности. Если люди проделали вместе долгий путь и пережили вдвоем немало испытаний, они поневоле приобретают нечто общее в выражении лица и особенно — глаз. Но уж конечно только на этом основании считать их родственниками было бы глупо...

— Я познакомился с Туризиндом, когда он сидел в герцогской тюрьме, — сказал Конан. — Его навязали мне в спутники, когда поручили добраться до магов Дарантазия. Сказали, что при необходимости я имею право пожертвовать им. Собственно, он — осужденный на смерть преступник. Убил какого-то выскородного мерзавца в Эброндуме и имел глупость попасть к стражникам в лапы.

— Так вы — его тюремщик? — поразился граф. — Вот бы никогда не подумал...

— А что вам показалось? — заинтересовался Конан.

— Мне показалось, — совершенно искренне ответил граф, — что вы относитесь к нему вполне дружески. Как к близкому приятелю... Как к человеку, который вам... э-э... — Граф сделал небольшую паузу и улыбнулся. — Как к человеку, который вам дорог.

— Что ж, ничего удивительного. Во-первых, Туризинд действительно обошелся мне недешево.

Выслушивать его «откровения», постоянно ожидать, что он вытворит очередную глупость. Говорю вам, он — мое орудие. Человеку свойственно любить свой меч, свою миску для каши, свою кружку для эля и свои теплые подштанники, где только одна прореха, и та заплата, — сказал Конан. — Полагаю, и Туризинд на мой счет не обманывается; так что о дружеских отношениях говорить не стоит. И еще очень большой вопрос, как обернется дело, когда все закончится...

Конан задумался. Никогда прежде за все время их путешествия ему не приходило в голову заглянуть в будущее так далеко. В самом деле, что произойдет потом, когда их миссия будет выполнена? Что будет с Туризиндом, если он останется в живых? Выполнит ли Риккульф свое обещание? Киммериец тихо скрипнул зубами. Он согласился поработать на тайную стражу по двум важным для себя причинам. Во-первых, ему обещали очень хорошие деньги. И во-вторых, киммериец ненавидел магию, а уничтожение магов считал своей прямой обязанностью.

— Что ж, когда все закончится благополучно, — преспокойно заявил Гайон, — я сам позабочусь о вашей безопасности. Вашей и Туризинда.

— Вы полагаете, тайная стража Эброндума попытается уничтожить нас как нежелательных свидетелей? — спросил Конан.

Задавая этот вопрос, он не испытывал ни горечи, ни удивления, ни даже особенного огорчения. Все закономерно. Сперва орудие использу-

ют, потом — выбрасывают. Никто не хранит сломанную лопату. Конан относится к Туризинду и Дертосе как к орудиям — на этом отношении особенно настаивал Рикульф. Естественно, сам Рикульф склонен рассматривать как свое орудие киммерийца. Ничего удивительного.

Гайон пожал плечами.

— Может быть, все случится совершенно иначе... Вы предпочитаете проверить?

— Я предпочитаю остаться в живых, — сердито сказал Конан.

— Вот об этом я и позабочусь, — заключил граф. — Ну а девушка? Кто она такая?

Конан искоса метнул в графа пронизательный взгляд. У Гайона был самый безразличный вид, какой только мог напустить на себя человек его лет и положения. Он рассматривал костер и заботливо поправлял там угли, поднимая в воздух длинные извилистые искры.

Дертоса — и это было очевидно — занимала мысли Гайона куда больше, чем Конан или Туризинд. Что ж, ничего странного. Она очень хороша, кем бы она на самом деле ни являлась.

У Конана вдруг возникло искушение рассказать о Дертосе правду. Да что там — всю правду! И малой толики бы хватило, чтобы навсегда отбить у Гайона всякий интерес к ней. Потому что граф-изгнанник, несомненно, готов был увлечься девушкой. Соперничество между Гайоном и Туризиндом из-за Дертосы ни к чему хорошему бы не привело.

Однако Конан не стал пускаться в откровения. Происхождение и карьера Дертосы будут последним аргументом, который должен быть приведен неожиданно — это выбьет Гайона из седла, если потребуется. Поэтому Конан сказал лишь следующее:

— Эта девушка — певица; она выросла среди друидов, хотя сама она вовсе не принадлежит к их племени. Я полагаю, она добавляет в свое пение немного магии, чтобы сделать его еще более выразительным; однако и без магии оно достаточно хорошо.

— Как она присоединилась к вам? — продолжал допытываться граф.

«Мы всего лишь спасли ее от виселицы», — подумал Конан. А вслух сказал:

— Наша встреча была случайной... впрочем, я не устаю благодарить за это судьбу. Дертоса очень красива, а ее пение скрашивает нам жизнь.

— Вы обладаете поразительным умением уклоняться от прямых ответов, — заметил граф. — Пожалуй, после моей победы я попрошу вас возглавить дипломатическую службу графства.

Конан покосился на него с подозрением. Гайон, посмеиваясь, встал, потянулся, глянул на небо. Над лесом уже появилась светлая полоса: приближался рассвет.

— Она ведь преступница, как и вы, — неожиданно проговорил граф.

Конан вздрогнул:

— Кто?

— Дертоса, — пояснил Гайон. — Ни одна девушка в здравом уме не стала бы с вами путешествовать, не будь у нее к тому веских оснований. А такое основание, как я полагаю, может быть только одно: она, как и вы, скрывается от герцогского правосудия.

— Может быть, она — моя возлюбленная, — предположил Конан. — Или любовница Туризинда. Как вам такая идея?

Гайон рассмеялся:

— Нет! Поверьте, я сразу вижу такие вещи, хоть и обрек себя на жизнь без женщин — обрек вполне сознательно: в моем положении не следует обзаводиться спутницей. Нет, Дертоса — не любовница, ни ваша, ни Туризинда.

— Что ж, — сказал Конан, — в таком случае, как я вижу, дальнейшая судьба наша вполне определена: я помогаю вам разделаться с магами, убивая тех, кого не сможете убить лично вы; за это вы делаете меня своим дипломатом, а Дертосу берете во дворец в качестве певицы и любовницы. Завидное будущее.

Гайон посмотрел ему прямо в глаза.

— А что, — медленно проговорил граф-изгнанник, — разве, по-вашему, все произойдет не так?

* * *

Туризинд не мог заставить себя полностью доверять Гайону. Впрочем, тот также не скрывал

своего отношения к неожиданным союзникам. Граф-изгнанник не имел права видеть искреннего друга ни в ком. Любой из его окружения мог оказаться предателем. У магов Дарантазия имелись собственные методы. И, к несчастью, весьма действенные. Иной человек мог вообще не подозревать о том, что находится под властью магов. Контроль устанавливался незаметно — это обстоятельство тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Туризинд не хотел себе признаваться в том, что истинной причиной его недоверия к Гайону была на самом деле не осмотрительность, которая должна быть присуща человеку в положении Туризинда, но обыкновеннейшая ревность. Туризинду не понравилось, когда Гайон начал проявлять усиленный интерес к Дертосе.

Поняв это, наемник сделал все, чтобы утаить свои чувства от Конана. В конце концов, Туризинд ничего не имел против влюбленности. Ему доводилось увлекаться женщинами и прежде, и никогда это не имело серьезных последствий. Так, приятное щекотание нервов, немного удовлетворенного самолюбия, приятные воспоминания... Не более того. Так что своего влечения к Дертосе он не боялся. А вот насмешки Конана могли бы превратить жизнь наемника в кошмар, и этого Туризинд стремился избежать всеми силами.

Гайон и его люди знали окрестности Дарантазия как свои пять пальцев. Они прожили в этих лесах столько времени, что по праву могли счи-

тать их своим домом. Вызвавшись проводить отряд до самого города, граф-изгнанник знал, что рискует; но разве вся его жизнь не была сплошным риском?

Кое-какие меры предосторожности все же предпринимались. Путники шли не прямым путем, а обходным, нарочно запутывая дорогу. Иногда они приближались к цели всего на несколько лиг, в то время как Туризинду и его товарищам казалось, будто они проделали огромный отрезок, и к концу дня все буквально валились с ног от усталости.

Конан, разумеется, знал, что граф не вполне с ним откровенен, и не осуждал за это Гайона. Напротив, относился к происходящему с одобрением.

На месте Гайона Конан поступал бы точно так же, только выказывал бы сомнение в честности новых союзников более явно.

Пару раз им доводилось заночевать в избушке. Это были весьма странные сооружения, внезапно возникающие перед путешественником в самой глухой чаще леса. Создавалось впечатление, будто никто и никогда не станет жить в подобном месте. Кусты смыкались почти сплошной стеной; густые кроны деревьев затеняли свет, так что даже жарким полднем внизу царил полумрак.

Только опытный следопыт угадывал тропинку там, где едва-едва расступались в стороны ветви. Постороннему же человеку представля-

лось, что он погружен в сплошную мешанину листьев, ветвей, колючек и опавшей хвои.

И вдруг ловушка раскрывалась, и перед пораженным зрителем являлась небольшая поляна, а на ней — крепко срубленный деревянный дом на сваях.

Маленькие окошки, низкая тяжелая дверь, прочная крыша — все это говорило о том, что сооружение предназначалось для зимовки. Впрочем, и летом там иногда останавливались.

У этих домов не было хранителей. Граф не желал расплыть силы. Все его сторонники всегда находились при нем.

Впрочем, хранитель такому дому и не требовался. В эдакой глуши некому было добраться до избушки и причинить ей ущерб, разве что диким зверям, но те, наученные опытом, старательно обходили все пахнущее человеком.

Повозку пришлось оставить; припасы, хранившиеся в ней, переложили в мешки и понесли на себе. Конек со странными копытами, однако, брошен не был. Гайон усадил на него Дертосу и настоял на том, чтобы животное оставалось с отрядом.

— Вас не беспокоит, ваше сиятельство, тот несомненный факт, что по отпечаткам его копыт нас могут выследить? — осведомился Конан у графа, когда тот объявил о своем решении.

— Ничуть, — ответил Гайон, улыбаясь широкой, почти детской улыбкой. — Напротив, отчасти я на это рассчитываю.

— Поясните, — потребовал Конан и насупился. — Я-то полагал, что наша задача — оставаться как можно более незаметными, но вы поколебали мою уверенность.

Гайон засмеялся:

— Этого коня подарили вам друиды. Это друженственный народ. Разумеется, они преследуют какие-то собственные цели, но в общем их цели совпадают с нашими. Во всяком случае, в той их части, которая касается магов Дарантазия. Поэтому если друиды будут знать, где мы находимся, они сумеют вовремя прийти к нам на помощь.

— Я бы на это особенно не рассчитывал, — буркнул Конан.

— Мой дорогой, на это никто и не рассчитывает, — спокойно отозвался граф. — Так, слабая, ни к чему не обязывающая надежда. А полагаться будем, как всегда, только на собственные силы. Согласны?

— Насчет собственных сил — да, — кивнул Конан нехотя, — но все прочее... Не только друиды обращают внимание на следы. Вот и ваша братия нас заметила. А сколько еще тут может шляться неприятного люда? Вам известно?

Гайон фыркнул.

— У нас есть враги, но бояться их не следует. Если они что-либо предпримут, мы знаем, как дать им отпор. Поймите же наконец, мы прожили здесь больше десятка лет — и до сих пор живы!

Конан не мог не согласиться с последним аргументом. И все равно червячок сомнения точил его. Не нравилось ему происходящее. Он предпочел бы действовать прежним составом: он сам, Туризинд и Дертоса. И никаких предполагаемых друидов, идущих по следу раздвоенного копыта.

Дорога казалась бесконечной. Лес щедро снабжал своих обитателей мясом и водой. Туризинду время от времени начинало казаться, что он погружен на дно моря и никогда уже не всплывет на поверхность. День за днем, куда ни кинешь взор, — только зелень и полумрак, и этому не виделось конца.

Они миновали уже третью избушку. Дертоса, пользуясь случаем, провела ночь под крышей. Хотя она и выросла среди друидов, ей нравились дома. Она чувствовала себя защищенной только в том случае, если пространство вокруг нее было ограничено стенами — или шатром, за неимением настоящих, деревянных или каменных, стен.

Еще одно обстоятельство, которое угнетало девушку, была невозможность уединения. И друиды, и болотные люди чрезвычайно ценят одиночество.

Болотное племя вообще объединяется только после выхода на поверхность. Пребывая в недрах болота, каждый обитает внутри собственного пузыря.

В отряде же Дертосу постоянно окружали люди. Они смотрели на нее, иногда украдкой, иногда прямо, оценивали ее внешность и манеру дер-

жаться, иногда даже пытались с ней заговаривать.

Это были вполне симпатичные, неглупые и совершенно не злые люди. Многие из них Дертосе нравились — как нравились ей породистые лошади или богатая одежда: исключительно как объект для созерцания. Она готова была рассматривать их и относиться к ним благосклонно. Но только издалека. Ей абсолютно не хотелось вступать с ними в контакт. И не потому, что она презирала их или вообще чуждалась мужчин; просто ей требовалось очень много одиночества, которого она волей судьбы была теперь лишена. Они ведь не догадывались, что их дружеские кивки и приветствия причиняют ей настоящую боль.

Не знал об этом и Туризинд. Он использовал каждую возможность, чтобы подойти к Дертосе поближе и встретить ее взгляд. Он не понимал, почему она всегда отводила глаза или опускала ресницы. В конце концов Туризинд решил поговорить с ней начистоту и, когда она устраивалась на ночлег, чуть в стороне от всех, подошел к ней.

Она подняла голову и увидела того, кого и рассчитывала увидеть. Слабо улыбнулась:

— Следишь за тем, чтобы я не сбежала?

— Вовсе нет, — возразил Туризинд. — Здесь некуда бежать.

— Почему тебе знать? — Она пожала плечами. — Разве ты не чувствуешь чьего-то присутствия — вон там, в густых зарослях?

Туризинд вздрогнул. Меньше всего он сейчас думал о возможном соглядатае. Но конек с раздвоенными копытами никуда не исчез и, следовательно, тот, кто непременно желал знать, куда направляется маленький отряд, оставался на прежнем посту.

Туризинд подсел к девушке. Здесь было прохладно. Тепло, распространяемое костром, едва достигало места, избранного Дертосой для ночлега.

— Не холодно тебе здесь? — спросил он машинально, думая о том, кто тайно преследовал путников.

— Что тебе нужно от меня, Туризинд? — прямо спросила Дертоса.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Я о тебе забочусь, — сказал он. — И... если уж говорить начистоту, мне приятно твое общество, вот и все. Ничего особенного мне от тебя не нужно. Просто быть поблизости.

— И это — несмотря на то, что ты обо мне знаешь? — с горечью спросила она.

— Что такого особенного я о тебе знаю? — он, в свою очередь, выглядел растерянным.

— Я зарабатывала на жизнь, дурача мужчин, — сказала она. — Не помнишь?

— Помню... Какое-то время я думал об этом. Пытался кое-что для себя решить: насколько это допустимо — вести себя таким образом. — Туризинд вдруг покраснел, и Дертоса с удивлением отметила это. — Видишь ли, я-то зарабатывал на

жизнь тем, что убивал других, а это куда хуже, чем просто отбирать у людей деньги.

— А как насчет меня самой? — прямо спросила она. — Ведь я продавала свое тело.

— А я — мою душу.

Он помолчал немного и, решившись, добавил:

— Самое ужасное в тебе не твое ремесло, а... твоё происхождение.

— Что такого ужасного в моем происхождении?

Она подобралась. Туризинд почти физически ощущал, как напряглась его собеседница.

— Ну, болотные люди... — пробормотал Туризинд. — Они все-таки не вполне люди... И выглядят так жутко...

— Я тоже выгляжу жутко? — Ее зубы блеснули в недоброй усмешке, в глубине зрачков, как почудилось Туризинду, мелькнул красноватый огонек.

— Ну... да, — честно признал он. — Иногда. Вот когда ты такая злая, как сейчас. Но это ничего не значит. Ты все равно мне нравишься.

Она покачала головой:

— Это ровным счетом ничего не значит, Туризинд. Выбрось глупости из головы.

Теперь обиделся он:

— Какие же это глупости? Наверное, мужчины нередко уверяли тебя, что ты красива и желанна, так что все эти речи для тебя действительно ничего не значат... Но я говорю от чистого сердца. То есть я действительно так думаю.

Пусть ты — болотница из вонючего пузыря, пусть ты — шлюха, владеющая даром морочить людям голову, и беглая висельница, и все прочее... но ты очень хороша, и ты мне нравишься.

— Прекрасное объяснение в любви! — Дертоса рассмеялась и неожиданно наградила Туризинда звонким поцелуем в щеку. — По крайней мере, это искренне!

Он потер щеку с ошеломленным видом, так, словно она не поцеловала его, а ударила.

— Так ты... согласна?

— Согласна — с чем? — не поняла она.

— Ну... провести со мной ночь.

— Я провожу с тобой каждую ночь, что выпадает мне на протяжении нескольких месяцев. О чем ты говоришь, Туризинд?

— Я имею в виду... — Он запнулся. Она смотрела на него так ясно, с таким лукавым и вместе с тем простодушным выражением, что он на время утратил дар речи. Наконец он сказал: — Я хочу тебя, Дертоса. По-настоящему, без дураков. Это тебя ни к чему не обязывает. Просто мужчина и женщина, в лесу, в смертельной опасности. Немного тепла, ничего больше.

Она вдруг оскалилась. Перемена, произошедшая с ней, была разительна и страшна: в одно мгновение девушка, почти ребенок, превратилась в хищного зверя, готового обороняться зубами и когтями.

— Нет, — сказала Дертоса. — Если ты не забыл, я никогда еще не была с мужчиной по-на-

стоящему, что бы они там ни воображали касательно моих ласк, которые я им якобы расточала. Я не хочу отдаться первому встречному только потому, что ему захотелось немного тепла перед лицом смертельной опасности.

— А как поступают в таких случаях друиды? — тихо спросил Туризинд.

Он ощутил болезненный укол, когда она назвала его «первым встречным», но не мог не признать: в какой-то мере он действительно был для нее первым встречным, незнакомцем, который перешел ей дорогу по чистой случайности.

— Друиды? — Она наморщила нос. — Да, друиды не таковы. Они не ценят невинность тела, потому что невинны душой. Лигурейская дева, рожденная в их народе, может подарить утешение любому человеку и даже не задумается над своим поступком; она будет следовать велению своего сердца. Друиды! Они — сплошная душа, сплошная любовь... Даже в своей жестокости они по-своему добры, если ты понимаешь меня.

Она вопросительно глянула на него, но он покачал головой и опустил взгляд. Нет, он не мог ее понять. Она отказывала ему, вот и все, что дошло до его сознания.

— Болотные люди — другие, — продолжала девушка задумчиво. — Для нас тело имеет очень большое значение. Может быть, потому, что мы почти не имеем души. Особенно я: ведь большая часть моей души осталась в черных зеркалах Дарантазия...

— Я не верю в это! — воскликнул Туризинд.

Она удивилась:

— Во что?

— В то, что в тебе почти нет души. Это неправда, Дертоса! В тебе очень много сердечности, только ты сама этого не знаешь. Может быть, даже стыдишься этого. Ведь ты не лигурейская дева, тебе «не положено» жить чувствами.

— Да, я — болотница из вонючего пузыря, — мстительно подтвердила она.

Туризинд почувствовал, что краснеет.

— Я сказал это... просто как определение. Я не имел в виду лично тебя. Ты все-таки не такая.

— Моя человеческая половина — не лучшая моя составляющая, — предупредила Дертоса. — Думаю, коварство, равнодушие к людям, безразличие к их позору, к их страданиям, готовность позлорадствовать на их счет — все это у меня от отца. Я не знала его, но, полагаю, он был именно таков.

— Ты делаешь ошибку, Дертоса, — проговорил Туризинд тихо. — Ошибку, свойственную всем полукровкам. Ты раскладываешь по полочкам: вот это у меня — от отца-человека, это — от матери-болотницы, а то мне дали друиды-воспитатели. Я знаю, потому что сам проходил через нечто подобное. Нет, Дертоса, ты — единая личность, в тебе все это сплавлено и не поддается строгому учету. Ты — и то, и другое, и третье одновременно. И это странное, чудесное сочетание несочетаемого в тебе — прекрасно.

Она улыбнулась, слабо, недоверчиво:

— Ты действительно веришь в то, что говоришь?

— Да, — отозвался он убежденно и взял ее за руку.

Она тотчас высвободилась.

— А по-моему, — зло оскалившись, сказала она, — ты просто заговариваешь мне зубы, чтобы добиться своего.

— И это тоже, — признал Туризинд. — А ты не хочешь? По-прежнему не хочешь?

Она тряхнула головой так яростно, что он ощутил обиду.

— Но почему?

— Я уже объясняла. Моя девственность — слишком драгоценный дар, он тебе не по карману, Туризинд. Чем ты расплатишься со мной?

— Только чужой кровью, — признал он. — Ладно, оставим это...

Он грустно уставился на костер, не решаясь больше смотреть на Дертосу.

Девушке вдруг стало жаль его. Этот сильный, крупный человек выглядел таким печальным, как будто никогда ему не доводилось убивать людей и быть источником бед и несчастий. Странно. Дертосе всегда представлялось, что убийцы не могут грустить по-настоящему.

Она негромко спросила:

— За что ты убил того человека?

— Какое? — Туризинд поднял на нее тихий взгляд. — Я не помню...

— Того, за которого тебя арестовали. Твое последнее убийство.

— Легера? — Туризинд криво пожал плечами. — Ну, он был подонком....

— Это не ответ, — настаивала она. — Туризинд, ты знаешь обо мне почти все, а сам остаешься для меня загадкой. Как я могу доверять тебе, если ты ничего мне не рассказываешь?

— Ты сейчас спрашивала не обо мне. Ты интересовалась именем моего заказчика, а эту информацию я не выдал даже под пытками — по-моему, я разболтаю все просто так, в интимном разговоре с женщиной? — Он приподнялся и уставился на нее гневно. — За кого ты меня принимаешь?

Ее глаза сверкнули в ответ.

— За человека, который хотел использовать мое тело, чтобы ему не было «одинок» и «печально»! Как будто мое тело — это закуска после трапезы! Что-то вроде стаканчика вина перед сном... Вот за какого человека я тебя принимаю!

— В чем дело, Дертоса? — Туризинд криво улыбнулся. — Теперь ты меня обвиняешь, вот как?

— Нет, — ответила она, отвернувшись. — Просто оставь меня в покое.

Туризинд встал, постоял немного, а затем наклонился над нею и произнес:

— Ладно, я тебе расскажу. Легер, богатый и почтенный горожанин, нуждаясь в «закуске» и «стакане вина перед сном», как ты выражаешься,

отправлял своих лакеев на улицу — вылавливать для него подходящих девиц. Чаще всего это были проститутки, очень довольные подвернувшейся им хорошей работой. Но как-то раз ни одной шлюхи им не попало, и они схватили девочку, служанку, работавшую в трактире. Она возвращалась домой поздним вечером. Они набросили ей на голову мешок и притащили к Легеру. Она даже не отбивалась, сразу потеряла сознание от нехватки воздуха.

Легер, конечно, видел, что нынешний «улов» — вовсе не шлюха. Та девочка была почти дитя! Но это еще больше раззадорило его. И этот мерзавец ее изнасиловал. Ничего особенного, правда? Ведь девчонка — обычная простолюдинка, дочка какой-то глупой прачки. Простая служанка. Неважно, что она была юной. Неважно, что еще ни один мужчина к ней не прикасался. Все это не имело никакого значения. Прачка даже не стала жаловаться властям. К чему? Ее никто не стал бы слушать.

Туризинд сел. Дертоса молча смотрела в одну точку, но он знал, что она запоминает каждое слово его рассказа. И в это самое мгновение Туризинд понял: Дертоса расспрашивала его вовсе не потому, что ей поручил это Конан от лица тайной стражи. Девушку беспокоило то обстоятельство, что человек, к которому она испытывала влечение, — наемный убийца, способный лишить другого жизни просто ради платы. Она была почти счастлива узнать, что ошибалась на его счет.

Туризинд быстро продолжал:

— Я знал мать девочки, потому что время от времени отдавал ей в стирку свою одежду. Она брала совсем мало, а работала хорошо. Могла отстирать даже пятна крови. И не болтала. Спасла мне один колет — я уж совсем хотел его выбросить... В общем, она помогала мне и не задавала вопросов, а в моем ремесле это очень важно. И вот однажды я понял, что у нее случилась беда. Я увидел, что она сама не своя: лицо заплаканное, распухшее, глаза ввалились. Мне долго пришлось вытряхивать из нее правду, но в конце концов она рассказала мне все. Говорят, простолюдины не имеют чести. А эта обычная женщина отказывалась от моей помощи не потому, что я мог бы взять с нее деньги, которых у нее не было, — нет, она не хотела пятнать честь своей дочери...

— И тогда... — медленно проговорила Дертоса, но фразу не закончила.

Туризинд кивнул.

— Я начал выслеживать Легера. Он везде ходил с телохранителем, так что мне пришлось долго выжидать, пока этот негодяй появится на улице один. И в конце концов он совершил эту ошибку. Я убил его ударом в спину. Потом сходил за девочкой и ее матерью, привел их на место моего преступления и показал им труп насильника. Девочка плюнула ему в лицо и убежала, а мать долго смотрела на убитого. Потом она перевела взгляд на меня и удивленно сказала: «Как

странно. Мне он представлялся чудовищем, жутким типом, отвратительным, гнусным... А он — самый обычный человек. Лицо приятное. Толстенький. Наверное, обходительный был. Я встречала похожих на него. Очень хорошие клиенты... Никогда бы не подумала, что он способен на подобное!» Я был поражен ее словами. Она не злорадовала, не торжествовала, просто удивлялась тому, что человеческая подлость может иметь такую безобидную внешность...

— Да, — шепотом выговорила Дертоса.

— Теперь подумай сама: мог ли я назвать имя заказчика тайной страже герцога? — Туризинд чуть улыбнулся. — Во-первых, они бы мне не поверили. Я ведь наемник, у меня не может быть «благородных порывов», не так ли? Да ты и сама не поверила бы, если бы я рассказал тебе обо всем раньше. А если бы тайная стража решила, что я над ней издеваюсь, то несладко бы мне пришлось! Ну и во-вторых, если бы мне все-таки поверили... у прачки и ее дочери были бы неприятности, а им и без того досталось.

— Да, — сказала Дертоса. — Я понял.

Туризинд поднялся и, ни слова не прибавив, ушел в темноту. Дертоса долго сидела в неподвижности, пока сон не сморил ее.

* * *

Нападение произошло на рассвете, в странный, серый, как будто несуществующий час меж-

ду сном и пробуждением, когда сновидения становятся хрупкими и легко рвутся, превращаясь в кошмары наяву.

Кусты, окружающие небольшую поляну, где горел костер, вдруг буквально вскипели: отовсюду полезли бесшумные твари. Они действовали слаженно, как будто ими руководил единый разум. Одновременно выскочили на поляну, одновременно набросились на сгрудившихся вокруг костра людей.

Туризинд проснулся от громкого выкрика:

— Гоблины!

Он схватился за меч и вскочил на ноги. Сна как не бывало. Прямо на него напирало гигантское существо, заросшее густым темно-бурым волосом. Ручищи монстра сжимали кривые мечи. Крохотные глазки яростно горели багровым пламенем. Гротескный облик чудовища устрашал именно сходством с человеческим; однако все в гоблине было преувеличением или искажением оригинала; он казался отражением человека в кривом зеркале. Рост его превышал рост Туризинда в полтора раза; черты лица представляли собой расплывшееся и смазанное подобие обычного мужского лица. Мощная мускулатура пугала не столько таившейся в ней силой, сколько чрезмерностью, невозможностью.

Тихо рыча сквозь оскаленные зубы, монстр надвигался на Туризинда. Наемник быстро наклонился, уходя от удара, и выпрямляясь увидел, что еще одно чудовище атакует Конан.

Конан отбивался уверенно; то, как он орудовал мечом, свидетельствовало о давней привычке. Жуткий вид гоблина не устрашал Конана ни в малейшей степени. То ли у человека, причастного к тайной страже герцога, не было воображения, то ли он попросту привык иметь дело с людьми.

Тем не менее Конану приходилось туго: монстр превосходил его ростом более чем на две головы. Даже высокому, широкоплечему киммерийцу непросто было отбиваться от нависающей над ним громадины.

Куда ни бросишь взгляд, повсюду кишели гоблины. Их, как казалось в первое мгновение, было невероятно много: их бугрящиеся мышцами косматые тела заполонили всю поляну.

Туризинд поймал себя на том, что оценивает ситуацию взглядом командира, имеющего под началом целый отряд: так, бывало, он осматривался по сторонам, когда его наемники сталкивались с неприятелем неожиданно, в неудобном для сражения месте.

«У них есть свой командир, Гайон, — одернул себя Туризинд. — Твоя задача — заботиться о себе, Конане и особенно о Дертосе».

На мгновение он представил себе Дертосу в лапах у гоблинов, и ужас захлестнул его. Туризинд усилием воли подавил видение. Только этого еще не хватало — распереживаться во время боя! Такого не должен позволять себе ни один новичок.

Туризинд не стал отбивать новый удар своего противника. Он опять нырнул под кривой зазубренный клинок, мелькнувший в руках у гоблина. Чудовище, следует отдать ему должное, орудовал своими мечами исключительно ловко. Это производило основательное впечатление — особенно если учесть огромные размеры и неуклюжее телосложение гоблина.

Краем глаза Туризинд все время следил за Дертосой, но девушка пока что оставалась незамеченной. Она пряталась в кустах, среди колючих веток, покрытых огромными пышными цветами. Это растение цвело почти все лето. Туризинд не знал его названия. Он вообще мало интересовался растительным и природным миром — разве что с точки зрения гастрономической: как всякий бывалый наемник Туризинд превосходно разбирался, что съедобно, а что — нет, и особенное значение он придавал ядовитым растениям.

Цветы, среди которых пряталась Дертоса, были как раз из числа ядовитых, и при том — исключительно красивые. Если их собрать в букет и преподнести какой-нибудь дерзкой красавице, то одной ночи, проведенной в одной спальне с роскошным букетом, будет довольно для того, чтобы розы навек увяли на щеках красотки.

Туризинд, впрочем, надеялся на то, что Дертосе недолго сидеть в этих кустах. Сражения, подобные этому, не длятся долго. Кроме того, Дертоса — не вполне человек. Кто знает, какое влияние оказывает аромат этих цветов на болотное

племя! Может быть, для болотницы он будет бодрящим, а не убийственным.

Странно, но гоблины действительно не замечали девушку. Да и сам Туризинд, хоть и знал, где она прячется, скоро перестал ее видеть. Похоже, Дертоса в совершенстве овладела искусством становиться невидимой и сливаться с окружающей природой, как это делают друиды.

Что ж, тем лучше. Одной заботой меньше. Туризинд с удвоенной яростью набросился на своего противника. Он пырнул того мечом в бок.

Клинок заскрежетал, как будто Туризинд ударил по камню. Тело гоблина оказалось исключительно твердым.

Туризинд отскочил. Гоблин громко расхохотался. Что ж, у него были все основания для веселья.

Туризинд бросился бежать. Он домчался до Конана. Тот сосредоточенно уходил от ударов и, казалось, не обращал внимания ни на что иное. Однако Туризинда он заметил сразу.

— Становимся спина к спине, — пропыхтел Конан. — Не давай им добраться до тебя. У них клинки отравлены.

Туризинд содрогнулся. Об этой возможности он даже не подумал. Но теперь, после того, как Конан обратил его внимание на это обстоятельство, Туризинд заметил: действительно, изогнутые лезвия гоблиновых мечей слегка светились темно-красным.

— Магия! — прошептал Туризинд.

— Просто яд! — рывкнул Конан, уклоняясь от очередного удара.

Кругом кипели десятки маленьких схваток. Один из людей Гайона уже корчился на земле. Лицо несчастного почернело, глаза вылезали из орбит. Гоблин, сумевший нанести ему удар, с торжеством наблюдал за агонией жертвы. Затем чудище наклонилось над умирающим человеком и, не дождавшись, пока жизнь окончательно покинет его, схватил еще трепещущее тело.

Монстр разинул клыкастую пасть и откусил большой кусок от бока умирающего. Тело содрогнулось в последний раз и затихло. Захлебываясь кровью, путаясь пальцами в сизых кишках, монстр поглощал труп убитого врага и рычал, отгоняя остальных, привлеченных запахом свежей крови.

Туризинд не в силах был смотреть на это. «Они как звери, — думал он, — свирепы и кровожадны. Но при том не теряют рассудка. Они очень опасны».

Гайон, судя по всему, уже не раз имел дело с этим племенем. Граф и большинство его воинов держались той же тактики, что и Туризинд: всеми силами уходили от гоблинских мечей, бегали по поляне, уклонялись, ныряли, перекатывались по земле — словом, избегали любого соприкосновения с опасным противником. И выжидали. Последнее было для Туризинда совершенно очевидно.

Два гоблина наседали на двоих товарищей. Поначалу Туризинд думал, что у монстров суще-

ствуется особого рода кодекс чести: не больше одного противника на каждого. Но затем, когда один из гоблинов пожрал убитого, до Туризинда дошла страшная истина: люди представлялись монстрами попросту пищей. Чтобы в племени гоблинов не возникало ссор, у них был принят закон: одна порция на каждого.

«Порция»! Вот как они воспринимали думающее и чувствующее существо!

Зарывав от ярости, Туризинд бросился в атаку. Конан не успел остановить его, и Туризинд резко выбросил вперед руку с мечом.

Удар был бесполезным, и Туризинд заранее знал это. Просто гнев переполнял наемника и требовал выхода, пусть даже и столь безрассудного.

Но случилось так, что как раз в этот самый миг гoblin наклонился и разинул пасть, демонстрируя людям желтые, покрытые розовой слюной клыки. И меч Туризинда вонзился прямо в сизое небо чудища.

На сей раз не было скрежета, не было ощущения, будто клинок втыкается в твердую скалу. Меч легко вошел в плоть и рассек ее. Хлынула темная, синеватая кровь, и гoblin захлебнулся ею. Громадная волосатая туша повалилась набок, багровые глазки еще некоторое время сверкали, а затем подернулись пленкой и погасли.

Туризинд, ликуя, выдернул клинок из трупа, пока мощные челюсти не сомкнулись над ним в последнем зевке агонии, и огляделся по сторонам.

Битвы как таковой не было: чудовища гонялись за верткой добычей, а Гайон и другие попросту уносили ноги.

И тут случилась еще одна странная вещь. Над поляной раздалось пение. Сперва тихое, постепенно оно набирало силу, делалось все более уверенным и громким.

Поднявшись во весь рост над цветущим кустом, Дертоса стояла у всех на виду и пела. Ее голос звучал сладко и причинял страдание. Казалось, в бесконечной песне без слов, которую она выводила, повторяя одни и те же вариации, сосредоточились вся боль и все торжество мира.

«Магия! — подумал Туризинд. — Магия музыки друидов! Или... или это та магия, которой обучили душу Дертосы черные зеркала Дарантазия? Как нам это понять? И... стоит ли пресечь ее песнь? Быть может, она опасна и пагубна для нас!»

* * *

Дертоса поняла, что не может больше отсиживаться в укрытии, пока остальные подвергаются смертельному риску. Слишком хорошо она видела преимущество гоблинов перед людьми. Рослые, могучие монстры были почти неуязвимы. Людей Гайона спасала только привычка к такого рода испытаниям: они были готовы заранее почти ко всему, что только могло встретиться на их пути.

Расправа над раненым человеком вызвала у Дертосы приступ ужаса. Несколько минут она не могла пошевелиться, так она была напугана. Она не могла понять, почему. Ей доводилось видеть, как убивают людей. Смерть иных была страшной. Ее саму едва не повесили — более того, она была убеждена в том, что ее спасение было делом случайности; она действительно находилась на волосок от гибели.

И все-таки видеть, как жуткое чудовище пожирает человека, оказалось для Дертосы слишком большим потрясением. Что-то невероятно унижительное для человеческого естества заключалось в этом акте. И Дертоса не выдержала.

Пренебрегая собственной безопасностью, она выпрямилась во весь рост.

В первое мгновение она ощущала, как в ней борются две противоположные силы. Одна из них, более могущественная и куда более смертоносная, была приобретена ею в Дарантазии. Несомненно, то была магия черных зеркал. Дертоса знала, что в ее силах заморозить всех сражающихся. Ей даже не нужно было прилагать больших усилий. Довольно было только вспомнить черные зеркала и таящуюся в их глубине нечеловеческую мощь. Да и этого можно было не делать — только отдаться во власть магического силы, что готова была переполнить душу Дертосы.

Ей пришлось призвать на помощь всю свою человеческую волю, чтобы отвергнуть соблазн. Искушение было слишком велико... и все же Дер-

тоса сумела сказать ему «нет». Довольно! Она думала таким образом глупых горожан, она измывалась над похотью, снедавшей мужчин, она забирала у людей их достоинство вместе с их одеждой и деньгами... Но теперь с этим покончено. Туризинд не должен видеть ее такой. Он и без того презирает в ней болотницу и ведьму. И до сих пор, кажется, не вполне верит в то, что она сумела, будучи шлюхой, сохранить свою девственность в неприкосновенности.

Да, именно мысль о Туризинде, а вовсе не соображения безопасности удержали Дертосу от того, чтобы воззвать к магии черного зеркала.

Вместо этого она вспомнила, как пели друиды. Их музыка устремлялась к звездам и наполняла красотой весь окружающий их мир. Их музыка была исполнена тоски по прекрасному, по недостижимому, она звала к лучшей жизни... И одновременно с тем друиды никогда не рвались к другой жизни, отличной от той, что они вели в здешних глухих лесах. Стремление ввысь, вдаль, к иному, к переменам — существовало только в их музыке.

Сочетание неподвижности, неизменности с порывами души в неизвестность рождало странную, волнующую музыку. Она была способна тронуть самые глубины человеческой натуры, придать ей силы, о существовании которых сам человек никогда даже не подозревал. Песнь Дертосы как будто разрывала душу человека на две половины: одна жаждала совершать неслыхан-

ные подвиги, другая — пребывать в вечном покое и созерцании неизменной красоты.

Сладкая боль, причиняемая этим противоречием, вскипала в войне и бросала его в яростную битву. Дертоса знала об этом воздействии лигурейского пения на людей с оружием в руках еще и потому, что первыми на музыку друидов отзывались даже не сами воины, а их клинки. Дертосе доводилось видеть, как неуловимо и вместе с тем вполне ощутимо менялось оружие, как начинало оно подрагивать в руке владельца, устремляясь в бой.

И сейчас, усилием воли отвергнув магию зеркал Дарантазия, Дертоса вернулась к тому, чему научилась в детстве у своих воспитателей.

И, как и встарь, мечи в руках опального графа и его товарищей по изгнанию запылали незримым, но вполне ощутимым огнем. Сталь сделалась темно-голубой, по ней пробежали радужные разводы. Люди ничего не видели — чудесное преобразование и одушевление оружия происходило на более тонких планах, недоступных человеческому восприятию. Но близость благосклонной магии они, несомненно, ощутили.

До Дертосы доносились ликующие крики сражающихся: впервые с начала схватки с гоблинами воины Гайона почувствовали свою силу. Их сердца наполнились уверенностью.

Дертоса воспринимала звуки приглушенно: они доносились до нее как будто из отдаления. Сама она находилась словно бы в двух мирах од-

новременно: на краю поляны, где кипела битва между людьми и гоблинами, и в то же время в надзвездном пространстве.

Туризинд видел, что происходит, и отчасти догадывался о причинах чуда. Большинство воинов даже не слышали пения Дертосы. Они просто обрели силу разить и отражать удары, а их клинки без труда рассекали могучие тела нападающих гоблинов.

Гоблины тоже не слишком понимали суть происходящего. В первые несколько минут они потеряли сразу пятерых. Гоблины чересчур привыкли полагаться на собственную неуязвимость для обычного оружия. Они почти не трудились защищаться. Вместо этого они наваливались на свою потенциальную жертву, запугивали ее рыком и сверканием клыков, а после обрушивали на ее голову сокрушительный удар — порой меча, а подчас и просто кулака. Пожрать еще живую добычу было для гоблина наслаждением.

Гайон сделал быстрый выпад. Его клинок, как атакующая змея, стремительно впился в живот гиганта. Граф-изгнанник едва успел выдернуть меч и отскочить в сторону. Туша повалилась вперед, рыча и загребая по земле когтями.

Туризинд поймал ликующий взгляд графа.

Легко, точно юноша, Гайон перепрыгнул через поверженного гоблина и кинулся на следующего. Этот, однако, оказался более осмотрительным. Зарычав, монстр выставил перед собой скрещенные мечи. Клинок графа, зазвенев прон-

зительно и тонко, встретился с этой защитой. Дочуткого слуха Туризинда донесся характерный звук ломающейся стали: наемник угадал гибель меча прежде, чем это произошло.

Гайон отбросил бесполезный клинок и увернулся от нападающего. Туризинда не без удивления понял, что граф ничуть не обескуражен и даже не испуган случившимся. За годы, проведенные в изгнании, Гайон успел повидать и пережить слишком многое, чтобы теперь растеряться перед лицом очередной опасности: пусть и смертельно опасной, но все же одной из многих пережитых им.

Конан подоспел на помощь Гайону одновременно с Туризиндом. Оба товарища вонзили клинки в мохнатое тело гоблина. Ощувив ледяное прикосновение смертоносной стали, гoblin зарычал и вскинул вверх косматые руки. Его мечи сверкнули ослепительной вспышкой и обрушились на головы врагов: даже умирая, гoblin оставался убийцей.

— Нужно захватить в плен хотя бы одного! — крикнул граф.

Конан, зарычав не хуже гоблина, кинулся в атаку на очередного противника. Он видел, как меч сияет почти нестерпимым светом, и догадывался о причине этого сияния: песнь Дертосы. Но против такой магии киммериец ничего не имел. Не сейчас. Позднее он допросит девицу и выяснит, чем она сейчас занимается. Не от черных ли зеркал у нее это волшебство? Для блага самой

Дертосы было бы лучше, если бы зеркала не имели к ее песне никакого отношения.

Один из гоблинов, похоже, сохранил способность рассуждать здраво. Пока его товарищи погибали один за другим, не в силах покинуть место, где имелась еда, этот гoblin устремился в лес. Против магической песни нечистая мощь гоблинов была бессильна. И чудище остатками разума поняло это.

Конан погнался за ним, подняв меч. По дороге он уложил одного или двоих, пытавшихся напасть на бегущего человека: эти ополоумевшие от голода существа вообразили, что бегущий воин попросту трусил и теперь станет для них легкой добычей. Что ж, они жестоко поплатились за свое заблуждение.

Конан настиг гоблина на краю поляны. Одним гигантским прыжком киммериец метнулся к нему и вонзил меч ему в плечо, пригвоздив к широкому стволу дерева. Гoblin яростно закричал, широко разева пасть. С его огромных желтых клыков капали слюна и кровь.

Конан холодно сказал:

— Закрой пасть, урод, иначе я воткну кинжал тебе прямо в небо! Я видел, как твои собратья от такого подыхают...

Неожиданно гoblin заговорил. Было очевидно, что человеческая речь дается ему не без труда. И все же это была именно человеческая речь, невнятная, сбивчивая. Неповоротливый гoblinский язык тяжело ворочался в пасти.

Монстр пробормотал:

— Убей меня...

— А, так ты умеешь говорить! — обрадовался Конан.

Ни то обстоятельство, что монстр оказался способен на членораздельный разговор, ни победа над чудищами, ни даже волшебное пение Дер-тосы, казалось, не могли смутить варвара. Он выглядел человеком, готовым принять все, что ни приготовит судьба, добрая или злая.

— Убей...

— Ответь сперва кое на какие вопросы, — велел Конан. — А потом уж я решу, что с тобой делать.

Монстр взревел и попытался высвободиться, но кинжал, брошенный варваром точно и безжалостно, пронзил ему бедро. Гоблин испустил громкий рев, в котором, однако, звучала жалоба.

— Кто ты такой? — властно спросил киммареиц.

— Человек... — сказал гоблин, обмякая.

— Ты? Человек? — Конан громко расхохотался. — Впервые слышу столь странное признание!

— Я человек, я жил как человек, — упрямо повторил гоблин.

Конан насторожился. Ему вдруг почудилось, что в голосе гоблина он слышит правдивые нотки. Нет, существо не лгало. Оно было попросту слишком примитивно для того, чтобы лгать подобным образом.

— Где ты жил?

— Мессантия... В Зингаре...

— Интересно, интересно... Как же вышло, что ты превратился в столь привлекательного жениха?

— Я ездил в Аргос. Был в Эброндуме. Там и услышал...

— О магах Дарантазия? — подсказал Конан.

— Да, — тяжело выдохнул гоблин. — Я пошел к ним.

— Рассказывай! — взмолился Конан. — Заклинаю тебя всем, что было в твоей жизни хорошего, рассказывай! Если я не сумею тебя спасти, то, по крайней мере, отомщу тем, кто сделал тебя таким...

— Два мага. Фульгенций — верховный. Пишет, читает. Аккуратный. Младший — Тургонес. Альбинос. Грязный. Любит боль. Покупает людей. Опыты, опыты...

Конан покачал головой.

— Твои сообщения бесценны, мой дорогой. Просто бесценны.

Маленькие глаза гоблина блеснули:

— Ты убьешь меня?

— Несомненно, — заверил его Конан. — Но в свой черед. Рассказывай еще.

— Тургонес. Он.

— Между магами существует соперничество, не так ли? — подсказал Конан. — Младший хочет занять место старшего?

Гоблин закрыл глаза. Конан расценил эту гримасу как подтверждение и криво усмехнулся. Ну разумеется! У магов всегда так. Стоит только вы-

растить ученика, и вот, глядишь, этот ученик уже свергает своего учителя. Подсыпает ему яд, подсовывает ему коварную любовницу. Словом, вовсю пользуется полученными в процессе обучения знаниями.

Конан торжественно произнес:

— Когда-то ты был неразумным человеком, но сохранил честное сердце. Уходи в серые земли с миром, неведомый человек из Мессантии. Ты помог нам, и я отомщу за тебя.

С этим он выдернул меч из раны гоблина и быстрым движением перерубил ему горло.

Захлебываясь кровью, гoblin упал. Глаза его широко раскрылись, Конан увидел в них удивление и — странное дело! — радость. Затем свет в этих глазах померк, они подернулись пленкой и закрылись. Конан отступил на шаг. В агонии руки и ноги гоблина судорожно дергались, хватали траву, сжимали и разжимали пальцы. Потом все стихло.

В этой тишине Конан опять услышал отдаленное пение. Голос Дертосы звучал невыразимо печально, он доносился как будто из другого мира, мира, где не ведают бед и лишь скорбят о тех, кто влачит свою жизнь в земной юдоли.

Этот голос струился в воздухе и как будто омывал тело убитого. Внезапно Конан понял, что так оно и есть. С трупа начала слезать чешуя, кожа делалась все более светлой и гладкой. Волосы перестали быть черными, колючими, а безобразное лицо смягчилось. Конан вздохнул и на время

отвлекся, обтирая клинок об одежду, а когда он вновь посмотрел на труп, то увидел, что гoblin исчез. Перед киммерийцем лежал мертвый человек лет тридцати, с длинными светлыми волосами и светлой, совершенно не тронутой загаром кожей.

— Ты не лгал, — пробормотал Конан. — Достойная смерть. Клянусь, я отомщу за тебя.

Ему показалось, что на лицо убитого снизошло выражение покоя. Впрочем, киммериец никогда не отличался большой чувствительностью. Он просто кивнул мертвецу так, словно они были друзьями и расстаются на время, и побежал туда, где, как он слышал, люди Гайона продолжали сражаться с гоблинами. Нужно было скорей заканчивать эту схватку.

Глава семнадцатая

Тело на продажу

Новерить не могу, что я допустил это! — повторял Туризинд, глядя, как Конан и Дертоса исчезают за поворотом дороги.

Гайон стоял рядом и посматривал на Туризинда сбоку. Лицо графа-изгнанника было задумчивым. Наконец Гайон произнес:

— Дертоса — удивительная девушка. Такую я встречаю впервые.

Заметив, что Туризинд нахмурился и ревниво сдвинул брови, граф-изгнанник чуть улыбнулся:

— Я хотел сказать, что восхищаюсь ее человеческими качествами... Хотя, конечно, она весьма привлекательная женщина. Насколько я понял, она вас интересует...

Туризинд оборвал эту, чересчур любезную, с его точки зрения, речь:

— Я просто люблю ее, граф. Не стоит искать других слов для обозначения моих чувств. Знаю, это все звучит странно...

Гайон покачал головой:

— Нет ничего странного в любви. И поверьте мне: Конан как раз такой человек, которому можно без страха вручить свою возлюбленную.

— Что вы имеете в виду? — Туризинд покопался на Гайона с таким видом, словно всерьез подозревал графа в издевательстве.

— Он не станет понапрасну рисковать жизнью девушки, — пояснил граф. — По-своему он очень уважает ее. Ценит ее мужество, ее способности. Мне кажется, он сумел разглядеть в ней главное. То, что даже от вашего взгляда — уж простите меня, — ускользнуло.

Туризинд нахмурился и сделался мрачнее тучи. Гайон между тем преспокойно продолжал:

— Вы смотрели на нее как на желанную, прекрасную женщину, а Конан все это время видел в ней, как он выражался, по вашим словам, «отмычку». Иначе говоря, рассматривал ее как соратника, как товарища в предстоящей битве. Поэтому и понял: магия друидов, в которой она была воспитана, магия ее происхождения и простая сила ее характера — все это сильнее черных чар Дарантазия.

— Стоп, — произнес Туризинд, — откуда вам известно ее происхождение?

— Я ничего толком не знаю о ее происхождении, — возразил граф, видя, что Туризинд разозлился, и глаза наемника блестят угрожающе, — но мне с первого взгляда показалось, что эта девушка — не вполне обычный человек.

— На сем и остановимся, — буркнул Туризинд. — Я не желаю обсуждать Дертосу с такой точки зрения.

— Ладно. — Граф отошел, всем своим видом демонстрируя нежелание копаться в прошлом своих соратников. Но на самом деле его снедало любопытство. Что такого в происхождении Дертосы было таинственного? И почему Туризинд так вскинулся, едва только об этом зашла речь?

* * *

Конан усадил девушку на конька, а сам пошел пешком. Люди графа-изгнанника снабдили их всем необходимым: простым плащом из овечьей шерсти, в который закутался Конан, простым платьем, переделанным из старой рубахи одного из рослых воинов, пояском из веревки. Дертоса молча ехала верхом. Конан вышагивал впереди.

Горная дорога поднималась все выше. Их окружали невысокие деревья, зацепившиеся на склонах. Луга с сочной травой выглядели великолепными пастбищами, и кое-где путники видели стада и с ними пастуха и пару ломатых собак. Однако люди не стремились подходить к незнакомцам. Напротив, провожали их настороженными взглядами и поскорее отгоняли стада подальше.

— Не слишком приветливые места, — пробормотал Конан. — Интересно, что ждет нас в самом Дарантазии?

Девушку передернуло. Конан заметил это и хмыкнул:

— Ты мужественно держалась. Не позволяй страху завладеть тобой теперь, когда испытание почти закончилось.

— Я не боюсь, — возразила Дертоса. Но вид ее говорил об обратном.

Конан пожал плечами.

— Я обещаю тебе, что постараюсь вызволить тебя как только смогу. Мы обязаны проникнуть в Дарантазий, в башню магов — любой ценой. Туризинд пойдет следом за нами, а Гайон со своими людьми будет наготове. Когда мы расправимся с магами, все произойдет очень быстро.

Дертоса молча сглотнула. Конан вдруг взял ее за руку:

— Тебе предстоит самая трудная, самая ответственная часть работы. Но, если уж говорить начистоту, ты подготовлена к ней больше, чем любой из нас. Ты вооружена и защищена...

Дертоса улыбнулась.

— Да, у меня отличная броня.

— Я не шучу, — Конан нахмурился, — я никогда не шучу такими вещами. Не думай, что мне не приходилось отправлять людей на верную гибель. Проклятье, да я и сам иной раз бывал в подобном положении. Не веришь?

Она молча смотрела на него. Он не мог прочесть выражение ее глаз. Кажется, Дертоса крепилась из последних сил, чтобы не заплакать.

— Я же понимаю, — медленно выговорила она, — что у тебя нет другого выхода. Ты обязан победить.

— Мы обязаны победить, — возразил Конан, — и это у нас нет другого выхода. Что касается тебя, то ты действительно хорошо вооружена. Магией друидов, например.

— Да, — вздохнула девушка. — Как только я начинаю лгать, меня рвет на части невыносимая боль. Замечательное вооружение для лазутчика.

— Ты не лазутчик, а скорее тайный боец, — поправил Конан. — Теперь слушай, как будут развиваться события...

* * *

Дарантазий появился вскоре после полудня. Это было небольшое укрепленное поселение, над которым главенствовала башня магов. Конан остановился в нескольких полетах стрелы от ворот, задрал голову и долго смотрел на башню. И чем дольше он глядел, тем меньше нравилось ему увиденное. Обостренные варварские инстинкты противились тому, чтобы входить в этот город. Все в Конане вопило: «Ловушка! Надо бежать! Здесь опасно! Здесь все пропитано магией!»

Дертоса была очень бледна. Обернувшись к девушке, Конан ободряюще подмигнул ей, но она даже не улыбнулась.

— Напрасно стараешься, — произнесла Дертоса вполголоса, — я все вижу. Ты здесь тоже

испытываешь страх. Вполне закономерно. Я вообще не понимаю, как могут здесь жить нормальные люди.

— Нормальные здесь и не живут, — буркнул Конан. — Наверняка половина населения продана магам, а вторая — свихнулась от постоянного ужаса. Трудно будет поднять здесь восстание. Самое большее, на что способны подобные люди, — это устроить панику.

— Паники будет вполне достаточно, — сказала Дертоса.

— Смотри ты, уже рассуждает как государственный муж! — фыркнул Конан. Он почему-то считал, что эта фраза должна немного развеселить девушку и внушить ей бодрость. — Предоставь Гайону разбираться с Дарантазием. Наша с тобой задача — уничтожить магов и при этом не погибнуть. Хорошо?

Дертоса кивнула и прибавила:

— Довольно болтать. Прошу тебя, входи поскорей в город и делай то, зачем сюда прибыл. Я... — Она вдруг дернула углом рта. — Мне кажется, я готова. Готова выполнить то, что ты задумал.

Если Конан и удивился, но никак этого не показал. Напротив, он широко улыбнулся и подмигнул девушке:

— Ничего другого я от тебя и не ожидал. В конце концов, тебе уже пятьдесят лет. Пора было и ума-разума набраться, не говоря уж об опыте. Не так ли?

Дертоса наконец рассмеялась:

— Ты прав. Клянусь матерью Баннута, сейчас мне кажется, что я разделяюсь с ними... что у меня достаточно сил. К тому же, я не человек, а их магия рассчитана на людей.

— И у тебя есть талисман, который повесила тебе на грудь тайная стража, — добавил Конан.

— И друидские стрелы в теле, и... И желание победить, — сказала Дертоса.

Конан взял ее за подбородок.

— Я поцеловал бы тебя, но не знаю, как отнесется к этому поступку Туризинд.

— Туризинд? — Она вскинула брови. — При чем тут Туризинд?

— Да так... — Конан неопределенно махнул рукой и выпустил девушку. — Просто Туризинд. К слову пришелся.

В город их впустили без труда, особенно после того, как Конан заплатил чуть большую пошлину. Киммериец угрюмо сообщил, что направляется к господину Тургонесу, о котором слышал разные чудеса.

Стражники проводили глазами молодого мужчину и девушку, сидящую на коне. Один из стражников плюнул, а второй сказал так, что Конан успел расслышать:

— Много их теперь повадилось к Тургонесу, и все привозят женщин. Хоть бы у одного совесть проснулась — ведь Тургонес их убивает...

— Женщины, — фыркнул другой. — Кому есть дело до женщин? Они ведь для того и суще-

ствуют, чтобы мужчины делали с ними все, что захочется...

— Ладно еще рабыни, — возразил первый, — так ведь начали привозить свободных. И эта, мне кажется, тоже свободная...

— Ради чудес, которые творит господин Тургонес, не то что рабыню или родную сестру — собственную мать продашь, — сказал второй стражник. — Ты не согласен?

Что ответил первый стражник, Конан уже не слышал. Дертоса становилась все более грустной и жалкой. Впрочем, это вполне отвечало духу затейного Конаном, поэтому он больше не заговаривал с ней и не делал попыток ее развеселить.

Пробираясь по улицам Дарантазия, Конан внимательно смотрел по сторонам. Городок производил довольно жалкое впечатление, но при надлежащем правлении вполне мог бы расцвести: здесь можно устраивать ярмарки, а кроме того, пользоваться его местоположением на хорошей тропе через горы.

Так что стремление Гайона завладеть этой горой камней, в общем и целом, имело смысл. Хотя сам Конан и пальцем бы не пошевелил ради подобного владения.

Нет, если уж Конан когда-нибудь и станет королем, то только какого-нибудь изрядного королевства, чтобы можно было иметь столицу с настоящим дворцом, держать армию, устраивать турниры, полевые учения, состязания лучников и тому подобное... Ну и земли, конечно, хотелось

бы побольше. Словом, Дарантазий Конан смело мог оставить Гайону.

Улицы вились, медленно поднимаясь в гору, и наконец перед путешественниками появились ворота в башню магов. Конан остановился. Побледневшая Дертоса задрала голову, рассматривая изразцовые стены, искусную резьбу по камню, украшающую башню.

— У меня идет мороз по коже от этого места, — прошептала она.

— Соberись, девочка, и не обращай внимания на мороз по коже и мурашки в голове, — сказал Конан вполголоса. — Тебе предстоит проникнуть внутрь и разрушить это дьявольское гнездо. Готова?

Дертоса в последний раз с тоской глянула на чистое голубое небо, а затем снова обратила взгляд на башню:

— Готова.

Конан поднял руку, взялся за дверной молоток и постучал.

Каждый звук отзывался в сердце Дертосы как удары молота, заколачивающего гроб. Потом наступила тишина. Долгое время ничего не происходило. Конан хотел было постучать снова, но тут заскрежетал засов, и дверь отворилась.

На пороге стоял чернокожий человек с бесстрастным лицом. На нем была кожаная набедренная повязка и тонкий белый плащ из полупрозрачной ткани, застегнутый на могучем плече золотой застежкой. Низким голосом он произнес:

— Я слуга господина Фульгенция, привратник башни магов. Кто вы такие, для чего явились? Если из любопытства, то горе вам!

— Меня зовут Конан, — сказал киммериец, окидывая слугу ревнивым взглядом. Чернокожий был чуть выше ростом, чем Конан, и явно обладал огромной физической силой. — Я хотел бы встретиться с господином Тургонесом. Так что не мог бы ты позвать слугу господина Тургонеса, дружок?

— Нет, — прогудел чернокожий.

— Э... а почему? — Конан весьма неубедительно изобразил простодушие, но чернокожий, как ни странно, поверил.

— Потому, любезный, что у господина Тургонеса нет личных слуг, — пояснил черный гигант. — Он обходится теми, кого находит в замке. А если никого не находит, то вообще все делает сам. — Гигант понизил голос и ухмыльнулся, блеснув зубами: — Говорят, он даже сам одевается, умывается и чистит свои сапоги!

— Ужас, — сказал Конан, закатывая глаза. — Похоже, он чрезвычайно увлечен своей работой, а?

— Похоже, — подтвердил гигант. — Но все равно это плохо. У господина Фульгенция все иначе. Он любит порядок.

— Мы пришли к Тургонесу, — напомнил Конан.

— Могу я узнать, зачем?

— По правде говоря, ничего особенного... Мне нужны деньги, — сказал Конан, снова принимая

образ простодушного растяпы. — Я слышал, господин Тургонес покупает молодых женщин для своих изысканий. Мне дела нет до того, что он с ними вытворяет. Я и сам, знаешь ли, горазд поразвлечься с красоткой... Но эта девушка — гораздо лучше простой красотки. Она моя сестра. Хорошего происхождения и девственница.

Лицо чернокожего приобрело многозначительное выражение.

— А, девственница... Ну, это другое дело... Я отведу вас обоих к господину Тургонесу. Надеюсь, останетесь довольны. — И подмигнул Дертосе. — Девчонка — точно будет довольна. Он таких ценит.

Они привязали конька у входа и начали подниматься вслед за чернокожим по витой лестнице. Конан запоминал каждый переход, каждую дверь или окно, что встречались им по пути. Дертоса шла молча и по сторонам почти не смотрела. У нее постукивали зубы. В этой башне пахло смертью. Она улавливала этот запах так же отчетливо, как собака чует близость окровавленной добычи.

Конан ощущал иное. Он знал, что здесь все пропитано магией, и это не давало киммерийцу свободно дышать. Варвар ненавидел магию и боялся ее.

Чернокожий остановился перед маленьким, почти не приметной дверью и постучал. Ответа не последовало. Тогда слуга толкнул дверь, и она отворилась без скрипа.

Перед Конаном и его спутницей открылись захламленные покои. Разоренная постель стояла посреди комнаты, вокруг валялись какие-то грязные, скомканные тряпки. В лохани плескала буря жидкость, похожая на кровь или взвесь красной глины. Везде были разбросаны самые разные предметы, от битой посуды, до рваных свитков с какими-то записями.

— Это покои господина Тургонеса, — вежливо сказал слуга. Он еще раз ухмыльнулся, пропустил Конана с его «сестрой» внутрь и закрыл за ними дверь.

По всему телу Дертосы прошла медленная дрожь. Теперь она отчетливо видела, что ее ожидает. Человек, обитавший в подобной комнате, безумен. Он увлечен исключительно собственными исследованиями, ему нет никакого дела до чувств других людей. Он ни в ком не видит полноценной личности. Он даже себя, кажется, не считает за человека в полном смысле слова, — за существо, достойное сострадания. Беспощадный к себе, он безжалостен и к другим.

Конан крепко взял Дертосу за плечо и позвал:
— Господин Тургонес!

Из соседнего помещения вдруг вышел человек в длинном белом одеянии, заляпанном сажей и кровью. Человек этот растерянно щурил красные глаза. Пряди совершенно белых волос падали ему на спину, на плечи, как ленты. «Альбинос», — с отвращением подумал Конан.

Альбинос пробормотал:

— Кто вы такие? Клянусь Сетом, я отправлю вас в преисподнюю!

— Не стоит торопиться, мой господин, — начал кланяться Конан. Кланялся он плохо, совершенно негибко и без всякой искренности. — Не стоит торопиться! Я бедный земледелец... Точнее, бедный землевладелец, меня зовут Конан, я привел тебе одну женщину...

Альбинос с размаху бросился на постель, раскинул руки. Конан и Дертоса стояли над ним. Они немного растерялись.

Глядя в потолок невидящими глазами, Тургонес произнес:

— Несколько раз ко мне приводили женщин на случай. Это было просто глупо! — Он вдруг резко сел и тряхнул головой. — По-твоему, у меня есть время на такие глупости? И все же иные землевладельцы, особенно горцы, полагают, будто мое семя способно творить чудеса! Якобы если женщина родит от меня ребенка, то...

— Нет, я совсем не для этого ее привел, — поспешно перебил Конан. Его начинало подташнивать, но признаваться в этом обстоятельстве варвар не хотел даже себе самому. — Видишь ли, великий Тургонес, я прослышал о том, что ты охотно покупаешь девственниц хорошего происхождения. Вот я и привел к тебе мою сестру. Ее происхождение — вполне приличное: мы хоть и бедны, но благородны, и она рождена в законном браке. В отличие от меня, хе-хе... — Он судорожно сглотнул, борясь с отвращением, и продолжил

не без труда: — Она девственна, в чем ты сможешь убедиться.

— Каких же услуг ты потребуешь за эдакое сокровище? — иронически изогнул бровь Тургонес.

— Благ? — Конан пожал могучими плечами.

Киммериец вдруг сообразил, что его великолепный план имел одно слабое место. Подставляться придется не только Дертосе, которую продают палачу-магу для того, чтобы он мог ставить на ней свои опыты. Подставляться вынужден будет и Конан, ведь обычная цена рабыни — ритуалы черных зеркал. Именно ради этих ритуалов люди и приходят в башню магов. Именно ради того, чтобы получить волшебный дар — могучую силу, глубокий ум, память, удачливость...

Конан склонился в глубоком поклоне, пытаясь скрыть ужас:

— Я хотел бы просто получить за нее деньги...

— У меня нет денег, — нетерпеливо произнес Тургонес. — Деньги, богатство, славу — все это ты зарабатываешь себе сам. Здесь, в башне, ты обретишь невиданные силы. Неужели ты не слышал о чудесах, которые творят черные зеркала Дарантазия?

— Слышал, слышал, — сказал Конан. — И даже видел пару раз людей, которые, несомненно, побывали здесь и нашли свою удачу... Они произвели на меня сильное впечатление, не скрою. Но какие такие великие силы могут потребоваться скромному землевладельцу...

Тургонес вдруг пощупал двумя пальцами

мышцы на плече Конана. Киммерийца передернуло от отвращения.

— Ну, сил у тебя больше чем достаточно, — уважительно заметил Тургонес. — Я бы посоветовал тебе попросить удачи и ума. Да и с обаянием у тебя неважно. Обаяние — важная составляющая часть личности. Многим она пригодилась даже больше, чем везение или богатство. Имей это в виду, когда будешь разговаривать с верховным магом. — Он зевнул. — А теперь ступай. Черномазый... как там его... привратник, ты его видел... Он отведет тебя к господину Фульгенцию. Я хочу остаться наедине с твоей сестрой. Проверю заодно, действительно ли она девственна, как ты утверждаешь...

В глазах Дертосы стоял ужас, но Конан уже повернулся к ней спиной и вышел из комнаты. В конце концов, эта юная девушка — в два раза старше киммерийца. Друиды дали ей свою магическую защиту, тайная стража Эброндума преподнесла ей в дар амулет, а ее предки-болотники наделили ее тайными дарами, свойственными их расе. Как-нибудь справится с одним-единственным неряшливым колдуном.

* * *

Дертоса смотрела на своего нового господина, и страх боролся в ее душе с отвращением. В то же время девушка знала: для того, чтобы успешно действовать против мага, ей необходимо если

не начать испытывать к нему своего рода симпатию (что было невозможно), но по крайней мере понимать его. Принимать близко к сердцу его интересы, вникать в суть его опытов.

Такой подход, помимо всего прочего, позволит ей отвлечься от предстоящей физической боли.

Альбинос махнул Дертосе рукой:

— Садись рядом на постель, милая. Не бойся меня. Я совершенно не так страшен, как изображают меня на кухнях и в опочивальнях молодых красавиц.

— Я не знаю, как вас изображают на кухнях, мой господин, — робко ответила Дертоса, присаживаясь рядом. — Потому что я никогда не бывала на кухнях. Для этого у нас дома имеются слуги.

— Так ты выросла в богатом доме? — заинтересовался альбинос. — Твой братец что-то болтал о бедности...

— Мой брат — ужасный человек, — шепнула Дертоса. — Ему хочется стать по-настоящему богатым господином. Иметь много слуг, много лошадей. Завести псовую охоту. Выстроить вместо нашего удобного, красивого дома настоящий каменный замок. Когда умерли наши родители, Конан совершенно обезумел.

— Кажется, твой брат не вполне брат тебе, во всяком случае, так он сказал, — заметил Тургонес.

«Проклятье, он все запоминает и все замеча-

ет, — подумала Дертоса. — Нужно держаться очень внимательно с этим человеком.»

Она вдруг поняла, что слишком давно оставила свое ремесло шлюхи. Прежде она никогда не позволила бы себе подобную ошибку. Противоречить только что сказанному? Никогда! Она очаровывала клиентов, обманывала их, и ни у кого ни разу не появлялось и тени подозрения, покуда Дертоса находилась рядом.

Нужно сосредоточиться.

— Да, Конан... не вполне законный сын. Наш отец, правда, признал его, но... У нашей матери был... любовник. — Дертоса глубоко вздохнула. — Какой-то конюх или красавец загонщик, кажется. Меня не поставили в известность. Я росла настоящей наследницей земли, никакие грязные сплетни не должны были касаться моего слуха.

— Конан — старший брат или младший? — продолжал допытываться Тургонес.

«Еще одна промашка. Если Конан старший, то как я вообще могла подозревать его незаконность? Вся история с красавцем загонщиком, он же конюх, должна была произойти до моего рождения...»

— Конан — старший, — уверенно ответила Дертоса. — Я ни о чем не подозревала, пока не скончалась мать. Вот тогда и пошли слухи. Как ни пытались ограждать меня от дурных разговоров, кое-что просочилось... А после смерти отца Конан все подтвердил. Да, мы не родные по крови. Единоутробные, но не единокровные.

И поэтому он, как мужчина и старший, намерен взять свое. Так он сказал. А я, добавил он, послужу тому, что наши владения будут процветать. У меня не было сил ни спорить, ни сопротивляться. Он просто взял меня, скрутил и увел в рабство.

— Что ж, история знакомая, — Тургонес вдруг зевнул, и у Дертосы отлегло от сердца: маг не то поверил этой путаной истории, не то попросту не придавал ей большого значения. В конце концов, многие приходили в башню магов с подобными же баснями.

Девушка по-прежнему сидела на пропахшей потом разобранной постели возле мага и смотрела ему в лицо.

— Что я должна делать, мой господин?

— Ничего. — Он опять зевнул. — Я все сделаю сам. Отдыхай. Хочешь, приляг рядом. Клянусь, я и пальцем к тебе не прикоснусь. Это не в моих интересах. Видишь ли, мне нужна девственница, и я очень рад, что ты таковой оказалась.

Дертоса улеглась рядом, положила голову на тощее плечо Тургонеса. Она должна была заставить себя относиться к нему как к одному из своих клиентов. Внушить ему чувство, будто она испытывает к нему страсть, будто он также полон желания по отношению к ней. Обмануть, облапошить, усыпить бдительность — и нанести удар в тот момент, когда он ожидает этого менее всего.

Для успеха операции ей необходимо было ис-

пытывать к Тургонесу хотя бы крошечную толику симпатии. Вызывать в себе это ощущение искусственно Дертоса умела.

Он рассеянно погладил ее по волосам.

— Ты довольно красива, — заметил он. — Я всю ночь работал, устал... Я хочу отдохнуть. Учти, если ты попытаешься сбежать... — Он снова зевнул, едва не вывихнув себе челюсть. — Словом, у тебя ничего не получится. Лучше просто передохни рядом со мной. Когда мы проснемся, нас ждет трудная работа. Тебя и меня. Я расскажу тебе позже, за завтраком...

И он заснул, доверчивый, как дитя, рядом с совершенно незнакомой женщиной. Дертоса внимательно рассматривала его, пока он спал. Он явно не привык к мысли о том, что одна из его рабынь может оказаться опасной. Вероятно, он прав: никакая женщина, никакой мужчина сейчас не в состоянии совладать с этим магом.

Сейчас — нет. Но Дертоса будет терпеливо ждать подходящей минуты. Она уверена была в том, что у Тургонеса есть слабое место. Осталось лишь выяснить — какое и где.

За этими размышлениями девушка и сама не заметила, как сон смежил ей веки. Обняв своего будущего палача, будущая жертва безмятежно спала, а в соседней комнате булькал на синеватом огоньке какой-то жуткого вида мутный эликсир в закопченной колбе.

* * *

— Хочешь сама заказать завтрак? — спросил Тургонес.

Он проснулся ближе к полуночи и разбудил Дертосу. Она улыбнулась ему и этим сразу же завоевала его сердце. Немногие из рабынь вот так безоглядно начинали ему доверять.

— Сейчас ночь, мой господин, — сказала Дертоса робко.

— Я только что проснулся, следовательно, нам предстоит завтрак, — возразил Тургонес. — Ну, если тебе так угодно, — поздний завтрак.

— Хорошо, — отозвалась Дертоса. И вдруг хихикнула: — Какая замечательная идея!

— Тебе нравится? — Он склонил голову набок. — Что бы ты хотела съесть? Учти, тебе понадобятся все силы, какие у тебя имеются, так что советую выбрать что-нибудь мясное.

— В таком случае, нужно попросить слуг принести жареного мяса, — решила Дертоса. — И немного вина.

Яства доставили нескоро и нехотя. Для Дертосы было очевидно, что слуги очень не любят младшего мага. Она пыталась сообразить, какую можно извлечь пользу для себя из этого обстоятельства, но так ни до чего и не додумалась.

Валяясь в постели и жуя мясо, которое он держал в кулаке, Тургонес обляпался жиром. Дертоса с тайным отвращением смотрела, как

ест ее повелитель. Аппетит у нее отбило окончательно.

Наконец Тургонес заметил это. Он протянул блюдо к девушке и произнес строго:

— Ты должна поесть. Говорят тебе, потребуется много сил. Не хочешь же ты испортить мою работу?

Дертоса покачала головой.

Тургонес вдруг рассердился:

— Отвечай!

— Не хочу, — сказала Дертоса.

— Ну и правильно, — кивнул Тургонес. — Потому что если ты испортишь мое дело, я тебя накажу...

— О, — отозвалась она, улыбаясь, — это было бы даже интересно... Хотите, мой господин, я причешу ваши волосы?

— Ты умеешь? — обрадовался он. — Обычно женщины совершенно не умеют расчесывать длинные волосы. Дергают, делают больно... Я терпеть не могу, когда мне делают больно.

— Я буду очень осторожна, — обещала Дертоса.

Она взяла костяной гребень, украшенный искусной резьбой, но сломанный наполовину, и взялась за дело. Брала прядь за прядью, пропускала между пальцами, протаскивала через гребешок. Волосы у Тургонеса были сальные, но все же не такие грязные, как он сам, из чего Дертоса сделала вывод: маг худо-бедно заботился о своей прическе. Вряд ли он считал волосы средоточием своей магической силы. Будь так, он нипочем не позволил бы

рабыне прикасаться к ним. Нет, он просто был тщеславен в том, что касалось его внешности. По-своему, но тщеславен. Забавная, чисто человеческая черточка. Нужно и ее запомнить.

Наконец туалет Тургонеса был окончен.

Он поцеловал Дертосу в лоб.

— Ты просто умница. А теперь я расскажу тебе суть моего опыта. Дело в том, что я исследую проблемы боли. Я создаю особый эликсир, который продлевает жизнь жертвы и сохраняет ей сознание до последнего мгновения. Лучше всего испытывать эликсир на девственницах из хороших семей. По какой-то причине именно такие, как ты, держатся с наибольшим достоинством. Поверь, я начинал с мужчин. С воинов, у которых были руки толщиной с твою ногу, а ноги — толщиной с твое туловище. Их мускулы бугрились, их лица наливались свирепостью... и они расклеивались почти сразу. Они визжали, умоляли о пощаде, словом, вели себя как девчонки. А вот сами девчонки — совершенно обратная картина. Молчали до последнего. Некоторые даже соглашались сотрудничать со мной, рассказывали о своих ощущениях. Я уважаю их. Я и тебя очень уважаю. Я убью тебя медленно, я причиню тебе множество страданий, и каждое мгновение, что ты будешь страдать, я буду испытывать к тебе глубочайшее почтение.

— О, — молвила Дертоса, бледнея, — я благодарна вам, мой господин! Ни один мужчина на свете не сделал бы для меня больше.

Глава восемнадцатая

Сладкая месть

Туризинд вошел в Дарантазий приблизительно в те самые часы, когда Дертоса спала в объятиях Тургонеса. Рассудком наемник понимал, что у них не было другого выхода: продать Дертосу магам было оптимальным решением, и Конан принял его не колеблясь. Более того, Туризинд знал и другое: хоть начальник тайной стражи и позволил киммерийцу при случае пожертвовать любым из своих спутников, на самом деле Конан сделает все, чтобы вызволить девушку из лап магов.

Да, киммериец сделает все. Другое дело, что этого «всего» может оказаться недостаточно. А чистая совесть в таких случаях служит весьма слабым утешением.

Туризинд больше не обманывался. Он любил Дертосу, несмотря на ее ремесло, невзирая на ее происхождение, на всю ту ложь, что существовала между ними — по ее вине, кстати! Если она погибнет, для наемника жизнь потеряет всякий

смысл. Он больше никогда не встретит такую девушку. Дертоса — одна-единственная на всю Хай-борею.

По плану, Туризинд должен был поселиться где-нибудь на постоялом дворе неподалеку от башни магов. Ему предстояло наблюдать, не возникнет ли каких-нибудь странных явлений в самой башне, вроде вспыхивающих окон или звуков жуткой битвы. Затем, получив любой сигнал о том, что один или оба мага убиты, Туризинд должен был открыть ворота Гайону и его людям. План отличался первобытной простотой и потому должен был сработать.

Туризинд не находил себе места. Сперва он решил просто бродить возле башни и наблюдать, но после того, как один или два стражника показали на него пальцем и обменялись какими-то короткими, неслышными издали фразами, Туризинд оставил эту затею и принял иное решение. Он засел в маленькой таверне, взял кувшин дешевого вина, немного хрустящих хлебцев и принялся слушать разговоры завсегдатаев.

Здесь он чувствовал себя как дома.

Сколько интересных деловых предложений он получил именно в таких местах! А сколько важных сведений узнал!

Поначалу ему опять не везло. Люди попадались сплошь неинтересные. Трактирщик вообще не разговаривал с клиентами, даже цену на напитки и закуски не называл, а показывал пальцем: на стене было написано несколько цифр.

«Интересно, а как он обходится с неграмотными? — подумал Туризинд. — Не все же умеют читать».

Он просидел в пивной достаточно времени, чтобы увидеть, что малограмотным трактирщик показывает пальцы: два, три, пять... У совсем тупых попросту отбирает кошель и отсчитывает оттуда требуемую сумму. Судя по всему, у трактирщика была репутация исключительно честного человека: ни один из тех, у кого он забирал кошель, не протестовал. Видимо, здесь не обсчитывали.

Наконец Туризинду повезло. К нему подсел человек, явно расположенный поболтать. Это был рослый господин, одетый в черное. Серебряные украшения странным образом гармонировали с проседью, обильно пронизавшей его черные волосы.

— Ты, как я вижу, здесь чужестранец, — произнес человек, усаживаясь на табурет напротив Туризинда.

Тот кивнул, решив не тратить лишних слов. Новый собеседник сразу не слишком-то понравился наемнику. Что-то в нем имелось до странного знакомое. И неприятное. Должно быть, когда-то они уже имели дело. Такие, как Туризинд, скитаясь по дорогам, нередко зарабатывали себе врагов — и зачастую даже не помнили их в лицо. Такова уж участь меча на продажу.

Туризинд был одет в плащ с капюшоном. Капюшон наполовину скрывал его лицо, так что со-

беседник видел только кончик носа, рот и подбородок сидящего напротив человека. Кроме того, кем бы ни был этот господин в черном, — если они с Туризиндом и встречались, то давным-давно. Вероятно, он тоже не сразу вспомнит наемника... Если вообще вспомнит.

— Вот и я приезжий, — сообщил человек в черном. — До сих пор не могу прийти в себя от радости, знаешь ли! Удачная была мысль — прийти сюда. А ты еще не был в башне?

— Нет, — ответил Туризинд.

— Напрасно! Решайся скорей, не пожалеешь. Здесь такое творят... Сказка!

Туризинд видел, что человека в черном переполняют эмоции. Он просто лопался от восторга. Очень хорошо: расспрашивать собеседника, когда он в таком состоянии, проще простого.

— И что с тобой случилось в башне магов? — осторожно осведомился Туризинд. Он решил изображать деревенщину, человека, который сперва хотел обратиться за помощью, но в последний момент начал колебаться, снова взвешивать все «за» и «против» и сейчас многое бы отдал за хороший совет.

— Со мной? Случилось? Да, «случилось» — точное слово! — человек в черном рассмеялся. — Это было как стихия... Человеческая воля почти не участвовала в этом. Я выпил некий эликсир, после чего меня отвели в комнату, полную зеркал. Сам ритуал был долгим и в некоторых своих частях даже болезненным, но

благодаря эликсиру я вытерпел все... И теперь я не просто стал сильнее или лучше, нет! Я превратился в совершенно другого человека. Это воистину так, поверь.

— А в чем именно заключалось твое превращение? — спросил Туризинд. И изобразил смущение: — Прости, может быть, я не имею права любопытствовать... Ты связан словом хранить тайну?

— Нет, какая там тайна! Маги ничего не говорили мне о тайне. С другой стороны, понимаешь, это такая вещь, которую невозможно объяснить словами. Это можно только пережить самому, почувствовать на собственной шкуре — никак иначе. Наверное, поэтому они и не просят своих клиентов молчать. Все равно никто не поверит. Не поймет до конца.

— Я попробую понять, — сказал Туризинд и протянул новому знакомцу свой кувшин с вином. — Угощайся. Пойми, я расспрашиваю не из пустого любопытства. Мне позарез требуется совет опытного человека.

— Должно быть, твоя нужда не так сильна, как моя. — Человек в черном отхлебнул вина, сморщился. — Отныне я буду пить только самые лучшие вина! Но сперва я должен завершить мое дело... Ты спрашиваешь о ритуале? Я уже ответил: немного боли, немного терпения...

— Но, может быть, маги что-то требуют взамен? Что-то очень важное?

— Они берут деньги, — сказал человек в черном. — Или, особенно в последнее время, стали

интересоваться рабынями. Полагаю, этим занимается младший из магов, господин Тургонес. Что ж, он в своем праве. Не он единственный, кто пользуется рабынями для разных, не всегда приятных целей.

— Он убивает их? — немеющими губами спросил Туризинд.

Человек в черном весело рассмеялся.

— Какой ты чувствительный! Думаю, да, убивает. После того, как они перестают быть ему полезны. Да тебе-то какое дело? Или у тебя есть на примете красотка, и ты не знаешь, на что тебе решиться: то ли продать ее ради собственной выгоды, то ли оставить при себе и уйти отсюда ни с чем?

— Вроде того, — выговорил Туризинд.

Человек в черном убедительным жестом накрыл его ладонь своей.

— Послушай меня. Не пожалей! Отдай свою рабыню и прими услуги здешних магов. Это изменит всю твою судьбу. Ты никогда не вспомнишь о девушке, которой ты заплатил за свою новую жизнь. Она и сама будет рада послужить тебе... Пойми: ты никогда не будешь более счастливым...

— Похоже, ты меня уговорил! — засмеялся Туризинд. Ему стоило великих сил засмеяться: теперь он не сомневался в том, что Дертоса находится даже в большей опасности, чем предполагали они с Конаном.

— Вот и отлично. Выпьем.

— А какая страшная нужда заставила такого человека, как ты, обратиться к магам? — спросил Туризинд.

— Месть, — коротко ответил человек в черном. — Интересно?

— Очень... Потому что мне тоже... хотелось бы отомстить... одному человеку.

— Ну, что же ты так мямлишь! — человек в черном смеялся все веселее. — Месть — весьма сладкое занятие, и я предвкушаю миг, когда проклятый наемник сдохнет от моего клинка! Видишь ли, человек, которого я хочу убить, — не вполне обычен.

— Наемник? Не вполне обычен? — Туризинд насторожился: уж не о нем ли самом идет речь, и потому притворился еще более наивным, чем прежде. Он даже начал по-дурацки растягивать слова, как это делал один солдат из деревенских.

— Видишь ли, прежде чем стать наемником, он был учителем фехтования. А учителя фехтования знают кое-какие приемчики, которые никогда не открывают своим ученикам. По-своему это умно: ведь учитель должен всегда превосходить ученика, понимаешь? — Человек в черном хмыкнул. — Этот мерзавец убил моего брата, и много лет я ничего не мог с этим поделать. Он был попросту неуязвим для меня. Мне оставалось лишь следить за тем, как развивается его карьера наемного убийцы и солдата.

— Как его звали, этого плохого парня? — спросил Туризинд.

— У него даже собственного имени не было, — фыркнул Кабаллона (теперь Туризинд вспомнил этого человека и даже удивился тому, как не узнал его сразу). — Подкидыш. Кличку дал ему мастер фехтования, который подобрал его, как щенка, на улице.

— А, — сказал Туризинд. — Конечно. Обидно, что такой человек, как ты, никак не мог уничтожить эдакое ничтожество.

— Теперь все будет иначе, — заявил Кабаллона. — Я обрел такую силу, что этот Туризинд...

— Так его зовут Туризинд?

— Да. Я не хотел произносить его имя вслух, но... сорвалось. — Кабаллона обезоруживающе улыбнулся. — Гойми, я столько лет бессильно ненавидел его!

— Понимаю..

— Словом, Туризинду не помогут его приемчики. Я просто уъю его, вот и все. Я сильнее. Наконец-то я сильнее!

— А, — сказал Туризинд невыразительным голосом.

Он отбросил капюшон и встал.

Кабаллона еще продолжал улыбаться некоторое время, а затем краска сбежала с его лица. Глаза потемнели, губы налились синевой.

— Ты!.. — выговорил Кабаллона.

Трактирщик обеспокоенно махнул им рукой. Он видел, что дело идет к драке, и повелел обоим спорщикам немедленно покинуть заведение. Уважая честное имя трактирщика, Туризинд пер-

вым устремился к выходу. Он не мог сдержать презрения и повернулся к своему давнему врагу спиной.

Кабаллона понял, что означает этот жест, и заскрежетал зубами. Тем не менее он не воспользовался случаем и не стал вонзать нож в провокационно подставленную ему спину. Вместо этого он положил руку на рукоять меча, как будто желая утихомирить оружие и не позволить ему выскочить из ножен раньше времени.

Туризинд вышел на площадь перед трактиром, щурясь на солнечном свете. Кабаллона остановился рядом с ним.

— Где будем выяснять отношения? — осведомился Туризинд. — Мне бы хотелось покончить с этим как можно скорей. Ты, Кабаллона, как и твой ублюдочный братец, совершенно не заслуживаете места под солнцем. Так что очистив от вас землю я буду считать мою миссию отчасти выполненной.

— Отчасти? — Кабаллона опять скрипнул зубами.

Туризинд рассмеялся с деланной беспечностью.

— Ты полагаешь, в мире один ты такой мерзавец? Наберется еще десяток...

— Воображаешь себя человеком, призванным улучшить породу людей? — спросил Кабаллона, кривя губы.

— Да спасет меня Митра от такой самонадеянности! Нет, я просто иногда убиваю негодя-

ев, — ответил Туризинд. — Улучшать людскую породу — занятие для таких, как здешние маги...

— Вот и посмотрим, удалось ли им это в отношении меня, — заключил Кабаллона.

Им пришлось выйти из города, поскольку найти укромное место для поединка в самом Дарантазии не получилось. Там везде стояли дома и в любом переулке, даже самом глухом, можно было встретить стражей порядка. А стражи порядка чрезвычайно не любили разного рода драки и поединки. С этим в Дарантазии обстояло строго.

— Ну и город, — заметил Туризинд, когда они с Кабаллоной оказались за пределами городских стен, — настоящая дыра. Даже трущоб нет. Таких, чтоб стража и добропорядочные граждане не совались. Куда это годится? И как только они здесь живут?

— Неплохо живут, — сквозь зубы выговорил Кабаллона.

Туризинд пожал плечами.

— Я бы не смог.

— Хватит болтать! — прорычал Кабаллона. — Начнем!

Оба избавились от плащей и выдернули из ножен мечи.

Первые несколько минут Туризинд не предпринимал атак. Он просто уходил от нападений, кружил, высматривал слабые места противника, решал, какие приемы тот предпочитает. Сам Туризинд лишь отбивал атаки. Кабаллона начинал

злиться. Он скалил зубы и время от времени называл своего противника трусом.

Но Туризинд продолжал уклоняться. То, что он видел, нравилось ему все меньше и меньше.

При обычном поединке человек возраста и сложения Кабаллона уже начал бы задыхаться. Минуты две-три — еще ничего, но пять — уже много. А Кабаллона наносил удары, как заведенный. Было такое впечатление, будто против Туризинда сражается не человек, а ожившая статуя какого-нибудь божества, одушевленная черной магией. Конан что-то рассказывал о подобных штуках...

Задыхаться начал сам Туризинд. Он понимал, что не выстоит против такого соперника достаточно много времени. Поэтому Туризинд собрался с силами и предпринял собственную атаку. Кабаллона отбил без труда. Он начал хохотать. Белые зубы Кабаллоны сверкали на загорелом лице. Черные с проседью волосы падали на его лоб, и Кабаллона лихим движением отбрасывал их.

Глаза Туризинда заливало едким потом. Он прибег к заветному приему, тому, которому никогда не обучал, который берег для самых крайних случаев. Приему, которым был убит брат Кабаллоны.

И... Кабаллона отбил удар.

Это было уж слишком. Туризинд понял, что следующая же атака Кабаллоны попадет в цель. Он даже видел, как это произойдет: обманный

выпад, неловкий выпад в ответ — и удар... откуда придет этот роковой удар, Туризинд не знал. В этом-то все и дело. Не знал. Не мог предугадать.

Кабаллона двигался с поразительной быстротой и легкостью. Неловкие попытки Туризинда отбиваться вызывали у него веселый смех.

— Ты попался, наемник! — кричал Кабаллона, ничуть не заботясь о том, что выкрики могут сбить ему дыхание. — Ты попался! Я убью тебя следующей же атакой! Да здравствует Тургонес! Да здравствует Фульгенций! Да здравствуют зеркала Дарантазия!

— Дертоса... — прошептал Туризинд и почувствовал, как имя возлюбленной на миг придало ему сил.

В то же мгновение рядом загремел чей-то оглушительный голос:

— Дертоса!

Туризинд дернулся на крик, и тут меч Кабаллоны достал его. Острый клинок вонзился в плоть, рассек плечо до самой кости, а затем, взметнувшись в воздух и разбрызгивая щедрый веер крови, ударил вторично — в бок.

Туризинд упал. Кабаллона встал над ним, широко расставив ноги. Он смеялся до слез. Он весь был забрызган кровью своего врага. Туризинд смотрел на него снизу вверх затуманенным взглядом. Он уже знал, что произойдет. Сейчас Кабаллона обеими руками возьмет свой меч, поднимет его в воздух и, помедлив, чтобы растянуть миг наслаждения, перерубил горло лежащему про-

тивнику. Месть свершится. Кабаллона искупает-
ся в крови наемника.

Что ж, Туризинду теперь было все равно.

Заходящее солнце било лучами Кабаллоне в
спину, так что для Туризинда его убийца пред-
ставлял черной тенью. Тень воздела к небесам ру-
ки, клинок сверкнул, поймав последнюю искру
небесного огня... и вдруг все закончилось. На Ту-
ризинда обрушилась бесформенная масса, хлыну-
ла горячая кровь, остро пахнувшая, липкая. Тури-
зинд не понимал, кому она принадлежит. Наем-
нику не раз доводилось проливать собственную
кровь на полях сражений, и он хорошо знал, ка-
кова она на вкус. Что же произошло теперь? И
почему в Серых Землях так темно?

Какое-то существо приблизилось к нему. Ту-
ризинд не мог пошевелиться. Он лежал в луже
крови, обессиленный от боли и долгого поединка.
Что-то придавило его к земле. Что? Вонзившийся
в его тело меч? Или нечто иное?

Существо стояло рядом и смотрело. Туризинд
слышал, как оно дышало. Затем существо пропа-
ло из поля зрения, зато нечто, придавившее Ту-
ризинда к земле, вдруг исчезло.

Дышать сразу стало легче.

Туризинд услышал голос:

— Открой глаза. Туризинд, открой глаза и по-
смотри на меня.

Машинально Туризинд повиновался. Он с
трудом поднял веки и увидел перед собой длин-
ное лицо, огромные глаза и серебряные волосы.

— Эндоваара, — прошептал наемник. — Что
ты здесь дела...

— Тише, тише, — остановил его друид. — Я не
приказывал тебе разговаривать. Я велел тебе про-
сто посмотреть.

— Да, — сказал Туризинд.

Друид встал и оттолкнул ногой в сторону не-
что тяжелое. Поймав блестящий взгляд наемни-
ка, Эндоваара пояснил:

— Это Кабаллона, твой противник. Ты прости
меня, Туризинд, но я убил его ударом в спину. —
С деланным раскаянием он показал длинный
лук, который держал в руке. — Видишь ли, дру-
гого выхода я не видел. Разумеется, можно было
позволить ему убить тебя. Это ведь был поеди-
нок чести, не так ли?

— У меня нет... чести, — прошептал наемник.

Эндоваара эта фраза ничуть не смутила.

— Вот именно так я и подумал, — заявил дру-
ид. — Ты ведь наемник, а у таких, как ты, нет
чести. Точнее, есть, но она какая-то... для нас не-
постижимая. И для обычных людей тоже. Верно
я рассуждаю? Ничего не говори, — спохватился
он, видя, что Туризинд открывает рот и готовит-
ся произнести какую-то тираду. — Просто при-
крой глаза, если я прав.

Туризинд молча опустил веки. Он был благо-
дарен Эндовааре. С другой стороны, в глубине
души Туризинд знал еще одну вещь: Конан ни за
что не позволил бы постороннему человеку вме-
шаться в своей поединок. Киммериец предпочел

бы умереть, лишь бы не делить победу с кем-то еще.

Впрочем, киммериец довольно молод. Моложе Туризинда лет на семь, а то и на десять. Для солдата, наемника это очень большая разница в возрасте. За десять лет человек успевает слишком сильно устать.

Усталость. Да, Туризинд устал. Ужасно устал, смертельно... Ему хотелось спать. Он зевнул.

Эндоваара снова сел рядом на корточки.

— Скоро появится луна, и я смогу заняться твоими ранами. Для магии друидов они не смертельны, хотя человек вряд ли взялся бы их исцелить. Тебе придется потерпеть, хорошо? Не умирай, пока не взойдет луна.

— Хорошо, — прошептал Туризинд. Ему очень хотелось спросить об одной вещи, но он не знал, как заговорить об этом.

Эндоваара устроился рядом удобнее. Судя по поведению друида, он действительно намеревался провести рядом с раненым большую часть ночи.

— Наверное, ты хотел бы знать, как я нашел вас, — заговорил Эндоваара. И снова легонько толкнул Туризинда в бок: — Не спи! Ты не должен засыпать!

— Прости.

Туризинд хотел было ответить, что ему совершенно не интересно, как Эндоваара их выследил. И без того ведь все понятно. Копытца их конька, вот какой след вел друида.

Но Эндоваара продолжал:

— Мы нарочно дали вам лошадь с особыми копытами... Странно, почему вы, заметив это, не отпустили животное? — Он помолчал, покачал головой. — Должно быть, вам было безразлично, идут за вами друиды или нет. Но ведь мы могли оказаться вашими врагами. Безрасудный поступок.

«Очень даже разумный, — думал Туризинд, сердясь. — Нам был нужен конь — это раз. Друиды воспитали Дертосу и явно были равнодушны к ее судьбе, вряд ли они захотели бы причинять ей большой вред — это два. И наконец никогда не мешает иметь поблизости друга — вот третья причина. Сегодня я имел возможность убедиться в том, что решение оставить животное было разумным».

Эндоваара тихонько посмеивался в темноте, и вдруг Туризинд понял, что, собственно, происходит на самом деле. Друид нарочно дразнит его, говорит разные глупости, чтобы Туризинд злился. Разозленный человек обычно не хочет спать. И даже если до сих пор его клонило в сон, то он пробудится и будет молча злобствовать.

— Ты хитрец, Эндоваара, — прошептал Туризинд.

— Я знаю, — просто отозвался друид.

И наконец заговорил о том, что не давало Туризинду покоя.

— Я смотрел, как вы с Кабаллоной сражаетесь, — сказал друид. — Я наблюдал за вами до-

вольно долго. Я видел еще до начала поединка, что Кабаллона одержит верх. Он двигался как человек, наполненный силой и уверенностью, в то время как ты полон страха и отчаяния.

— Дертоса, — прошептал Туризинд.

Эндоваара медленно кивнул.

— Я смотрел, как он готовится убить тебя. Какое удовольствие он испытывал, дразня тебя, вертясь вокруг, нападая и отскакивая, сохраняя у тебя глупую иллюзию, будто ты сможешь рано или поздно от него отбиться! Я смотрел и не вмешивался. Ты слишком самоуверен. Тебя следовало проучить...

— Благодарю, — выдохнул Туризинд.

— А потом ты позвал на помощь.

— Я?

— Молчи, не возражай. Я ведь услышал, как ты произнес имя Дертосы. Знал ли ты, что я стою поблизости и наблюдаю? Догадывался об этом?

— Нет, — Туризинд качнул головой. — Я просто назвал ее имя. Это придало мне сил. На миг.

— Оно прозвучало для меня как боевой клич, — сказал Эндоваара. — Наш с тобой общий боевой клич. Я тоже люблю ее. И ради этой любви я убил твоего врага ударом в спину.

— Правильно сделал, — сказал Туризинд.

— В конце концов, он действовал нечестно. Магия против обычного меча? Даже гоблины сражаются честнее. Имея дело с гоблином, ты, по крайней мере, видишь, что против тебя бьется не

человек, — сморщился Эндоваара. Затем он поднял голову. — Луна восходит, — объявил он. — Я начинаю. Лежи тихо, не дергайся, если можешь — не кричи. Тебе будет очень больно.

С этими словами он вынул из-за пояса длинный тонкий кинжал и занес его над сердцем Туризинда. Первый лунный луч скользнул по блестящей поверхности клинка, делая его голубым и полупрозрачным. Эндоваара закрыл глаза и тихо запел сквозь зубы, призывая на помощь древние чары друидов Ахерона.

Туризинд стиснул зубы, но в тот миг, когда лезвие распорол его плоть и вошло в самое сердце, не смог сдержать громкого, пронзительного крика.

Ему показалось, что он умирает, — второй раз за сегодняшний вечер.

Глава девятнадцатая

Ученица мага

ы не против, если я сниму с тебя одежду? — любезно спросил Дертосу Тургонес. — Мне удобнее работать, если ты будешь обнажена.

— Как захочет мой господин, — ответила Дертоса.

Она послушно сняла с себя рубаху, развязала и бросила пояс. Тургонес осмотрел ее с видимым удовольствием.

— Ты красивая и здоровая женщина, — заметил он. — Мне приятно будет иметь с тобой дело.

— Счастлива это слышать, мой господин.

Дертоса лихорадочно соображала: как ей быть. Она понимала, что Тургонес не в себе. Он слишком увлечен своими изысканиями. Ни одна из его рабынь не пережила участия в «научных опытах» альбиноса. Вопрос только в том, сколько времени каждая из этих несчастных продержалась.

Нужно было выиграть время. Прежде чем Конан и Туризинд найдут способ уничтожить обоих

магов, Дертоса вполне может умереть. Все обстояло хуже, чем они предполагали, когда планировали операцию. Альбинос был готов приступить к пыткам немедленно, а это означало, что у Дертосы почти не остается возможности вывести о маге побольше. Сейчас ее свяжут и уложат на пыточный станок.

Следовало поторопиться.

И Дертоса решила сыграть на увлеченности Тургонеса его опытами.

— Мой господин, — робко спросила она, — а что написано в этих книгах?

— В этих? — Тургонес мельком оглядел разбросанные повсюду и порванные манускрипты. — Разные вещи. Не все они соответствуют действительности. Кое-что я лично проверял.

Дертоса наклонилась, подняла один из манускриптов. На листах из выделанной телячьей кожи были начертаны странные символы, черной и красной краской нарисованы фантастические существа, а поля были густо исписаны двумя или тремя различными почерками. Это был чей-то рабочий дневник, насколько могла судить девушка.

— Как интересно! — воскликнула она. — Чьи это записи?

— Где? — Тургонес мельком глянул на книгу, которую держала девушка. — А, это... Здесь рассказывается о маге из Зингары. Кажется, его звали Льен или Лиена... Не помню в точности. В скорписи, которой он пользовался для записей, от-

сутствуют гласные звуки, поэтому никто толком не знает, как произносилось его имя и имя найденных им животных на самом деле. Мы прибегаем к предположениям, понимаешь?

— Да, — кивнула Дертоса. — Но что за животных он искал? И зачем?

— Весьма любопытный опыт, — оживился Тургонес. — Видишь ли, ему хотелось проверить, может ли человек создать некое несуществующее существо таким образом, чтобы оно, это существо, обладало способностью к размножению. Демоны, как известно, бесплодны. Впрочем, иногда они могут вступать в сожительство с женщиной, которая впоследствии рождает им детей; но эти дети от демонов, опять же, не могут иметь потомства. Большинство созданных искусственно существ также бесплодны. Зачастую потому, что представляют собой ничто иное, как иллюзии...

— Как интересно! — восхитилась Дертоса.

Тургонес уселся на полу в своей разгромленной спальне. Девушка пристроилась рядом. Здесь, по счастью, было тепло, а во всем остальном нагота ее не смущала. Ей не раз доводилось раздеваться в присутствии посторонних. В какой-то момент ей даже начало казаться, что Тургонес — один из ее доверчивых клиентов.

Но воспользоваться против него своими умениями она все-таки не решалась. Дертоса опасалась, что любое напоминание о магии напомнит Тургонесу также о том, для чего он купил себе новую рабыню.

Пока что все шло замечательно. Дертоса выслушала длинную, запутанную лекцию о магических существах и проблеме их бесплодия; затем Тургонес схватил ее за руку и потащил в лабораторию, мимо пыточного станка, хранившего пятна крови и прилипшие женские волосы, — смотреть на крохотного человеко-коня, выведенного в колбе. Человек-конь давно умер и засох, но Тургонес все равно обожал на него любоваться.

— Это мой единственный удачный опыт, — признался он. — Мой наставник, великий маг Фульгенций, не одобрял подобных процедур. Фульгенций вообще чрезвычайно закоснелый. Ты представляешь себе? Он считает, что изыскания должны вестись только в одном направлении. Один маг — одна тема для изучения. В нашем случае — улучшение человеческих способностей... ну и зеркала, разумеется. А мои другие интересы для него — пустой звук. Он постоянно ставил мне палки в колеса! Я вынужден в ряде случаев работать тайком! Ты можешь вообразить себе такое? Ученый маг, всецело преданный науке, — и работает тайком?

— Это воистину ужасно, мой господин, — произнесла Дертоса от всей души. Невозможно было понять, к чему относился этот возглас: к увиденному на пыточном станке и в колбе — или же к «тяжкой судьбе» Тургонеса.

Тургонес без колебаний отнес восклицание девушки на свой счет. Он схватил ее за руку, стиснул пальцы.

— Ты поняла! — вскрикнул он. — О, какая у тебя душа! Ты все понимаешь. Тебе все открыто, все доступно... Пойдем, я покажу тебе место, где мы с тобой будем работать над моим открытием... Ты будешь рада помочь мне, не правда ли?

— Да, — выдавила Дертоса, бледнея.

Ничто не могло отвлечь Тургонеса от предстоящего опыта. Все это время маг предвкушал новые пытки для новой рабыни. И то обстоятельство, что она держалась так, словно стала его ученицей, лишь усугубляло его нетерпение. Ведь такая девушка, готовая к полноценному сотрудничеству, может оказаться настоящим кладом!

— Ты все понимаешь, — бормотал он. — Ты поможешь мне. Ты готова отдать жизнь ради моих изысканий... Такова и должна быть настоящая ученица. Я тебе все буду рассказывать, все объяснять. Тебе будет интересно. Ты сама удивишься, заглянув в свою душу и исследовав границы возможностей своего тела. О, у тебя прекрасное тело! Выносливое и девственное. Оно на многое способно. Оно переживет несколько дней непрерывных, невыносимых страданий, и ты увидишь край бытия прежде, чем перейдешь за его грань... Это будет восхитительный опыт, и для тебя, и для меня.

Он тащил ее за руку с нетерпением влюбленного, влекущего невесту на супружеское ложе. Дертоса ощущала, как трепещет его плоть. Что преобладает в этом безумном человеке — жажда запретного познания или обычное сладострастие?

Она попыталась было думать об этом, но почти сразу поняла, что это безразлично. Не имеет значения, какой мотив является ведущим у Тургонеса. Важно другое: она обязана уничтожить этого мага сама — и на его же территории.

Ни Конан, ни Туризинд не успеют прийти к ней на помощь. Что ж, она почти не рассчитывала на это. Как и всегда, Дертоса могла полагаться в этом смертельно опасном деле исключительно на саму себя.

* * *

Конана привели в апартаменты, отведенные верховному магу Фульгенцию, и оставили там ожидать. Киммериец развалился на кресле у стены и принялся обозревать покои.

Разительный контраст с комнатами, которые захламил младший маг, поразил Конана. Здесь царил идеальный порядок. Каменный пол, выложенный разноцветными плитками, был чист и натерт особым восковым покрытием. Он блестел, как будто был зеркальным.

Конан предположил, что слуги натирают пол по несколько раз на день. Что ж, в подобной мере имелся определенный смысл. Во всяком случае, Фульгенций точно знает, сколько человек и в каком направлении прошли по этому полу. Умно, ничего не скажешь.

И еще это говорит о том, что Фульгенций маниакально подозрителен... Любопытно, весьма

любопытно. Кому же он не доверяет? Всем? Или только некоторым обитателям башни? К примеру, своему любезному ученику и будущему преемнику Тургонесу? Это было бы вполне логично. Тургонес обладает могуществом. А того, что успел заметить Конан, было достаточно, чтобы предположить и другое: младший маг представляет полную противоположность старшему, и по характеру исследований, и по образу жизни. И старшему это определенно не нравится.

Сыграть на противоречии? Настроить одного мага против другого и предложить свои услуги?

Эту мысль Конан отменил после недолгого размышления. Фульгенций достаточно умен для того, чтобы не доверяться первому встречному чужаку. Скорее, он заподозрит Конана в том, что его подослал Тургонес, и тогда последствия могут быть самыми печальными для киммерийца.

Раздумья Конана прервало появление Фульгенция. Величавая фигура верховного мага появилась в комнате бесшумно. Казалось, Фульгенций просто выступил из стены. Конан бы не удивился, если бы оказалось, что именно так все и произошло.

Киммериец глядел на своего противника во все глаза. Фульгенций был не слишком велик ростом, ниже Конана по меньшей мере на голову, но держался исключительно важно, так что казался едва ли не великаном. Его окутывала аура магической мощи. И при этом Фульгенций улыбался слащавой улыбкой базарного зазывалы,

которому во что бы то ни стало нужно всучить негодный товар глупому клиенту.

Киммериец содрогнулся от отвращения. Однако ему следовало сыграть свою роль до конца. Что ж, превосходно. Уничтожить этого самодовольного слизняка будет исключительно приятным делом.

Конан широко осклабился и встал. Он низко поклонился, неумело, как это делают крестьяне.

— Что ж, друг мой, — раздался голос мага, очень низкий и звучный, — вижу, тебя привело ко мне важное дело. Говори все без утайки!

— Благодарю, — произнес Конан, выпрямляясь. — Я побывал уже у вашего ученика, господина Тургонеса.

При упоминании имени Тургонеса легкая тень пробежала по лицу Фульгенция, и Конан понял, что не ошибся в своем предположении: оба мага, учитель и ученик, не слишком-то ладили. Очень хорошо. Конан ухмыльнулся своим мыслям и продолжил:

— Господин Тургонес принял от меня плату. Достойную плату! Я привел к нему мою девственную сестру.

— Опять девственницы! — вздохнул Фульгенций. — Тургонес поистине ненасытен.

Конан пожал могучими плечами.

— Что поделаешь! Мужчине необходимы женщины для утехи и для услужения, так устроено богами. И не нам менять порядок, заведенный от века.

Киммериец старательно имитировал крестьянскую манеру излагать мысли. Старался быть фундаментальным и основательным, ссылаться почаще на традиции и употреблять разные многозначительно-пошлые словечки, вроде «заведено от века» или «что поделаешь». По его представлению, именно так должен выражаться недалекий землевладелец из числа очень мелких собственников, которому позарез необходимо усыпить свою дешевую совесть.

Потому как продать в рабство собственную сестру, пусть даже не единокровную, а только единоутробную, — все-таки гнусное дело, и даже такой персонаж, каким представлялся Конан, должен это понимать.

Фульгенций, по счастью, немало имел дел именно с такими людьми. Он снисходительно улыбнулся.

— Друг мой, у каждого человека своя судьба, предначертанная ему богами. Тебе не следует стыдиться своего поступка. У Тургонеса свои особые методы исследований, но я уверен, что он весьма талантливый маг. Он уже добился впечатляющих результатов... Твоя сестра в надежных руках.

— Рад это слышать, — проворчал Конан.

— Что ж, — заключил Фульгенций, — вот мы с тобой и познакомились. Теперь я хочу, чтобы ты хорошенько изложил свою просьбу. Люди приходят к нам за надеждой. — Он взмахнул рукой, указывая на стены, затянутые дорогами

шелками, на золоченые канделябры, на изящную мебель, которой была обставлена его приемная. — Наша задача — служить людям, делать их жизнь прекрасной. Да, да! Именно такова суть истинной магии. Я проведу тебя через таинственные ритуалы черных зеркал, и ты испытаешь истинное обновление. Чего ты хочешь?

— Хочу быть сильным, — выпалил Конан первое, что пришло ему в голову.

— Ты и без того обладаешь физической мощью, — тонко улыбнулся Фульгенций. — Лично мне как исследователю было бы интересно надеть тебя глубоким и проницательным умом...

Глаза киммерийца блеснули опасным огнем, но он поскорее опустил веки, чтобы маг не заметил этой искры. Умом! По мнению этого зазнавалы в причудливых тряпках, варвару не достаёт ума! Ничего, бедняга маг скоро поплатится за свое невежество. Отсутствие проницательности — печальная вещь. Многие из тех, кто имел дело с Конаном из Киммерии, впоследствии горько раскаивались в том, что не заметили под оболочкой «неотесанного варвара» хитрого и проницательного интригана. А как иначе? Ведь Конан нередко промышлял воровством. Всякий вор превосходно умеет плести интриги.

Ладно. Посмотрим, как сложится.

Конан опустил голову и проворчал:

— Ну, и ума бы не помешало, конечно.. Но силу я больше хочу. Чтоб деревья можно было гнуть голыми руками. — Он поднял голову и ве-

село блеснул синими глазами. — Вы уж поспособствуйте, господин хороший, а я в долгу не останусь! Сестра — что! У меня еще кормилица есть, у нее груди — во! Как бурдюки. И еще не совсем старая. С нее можно иметь... э...

Он запутался, не успев придумать, что такого можно иметь с кормилицы (особенно если учесть, что никакой кормилицы не существовало). Затем обезоруживающе улыбнулся и развел руками.

— Словом, вот оно как, — заключил Конан. Теперь он окончательно вошел в роль глупого крестьянина.

Фульгенций вздохнул. Идея прибавить Конану ума перестала вдохновлять мага. Надо полагать, Фульгенций счел сию затею бесполезной. Ну и хорошо.

— Иди за мной, — приказал маг. — Будешь беспрекословно меня слушаться. Ничего не трогай руками. Постарайся не задавать вопросов и вообще лучше молчи. Так будет проще. Договорились?

Конан кивнул.

* * *

— Смотри, — обратился Тургонес к Дертосе, — вот где ты познаешь себя и заглянешь в самые сокровенные глубины человеческого естества.

Он подвел ее к большому креслу, истыканному остро отточенными деревянными колышками. Дертоса в ужасе смотрела на это приспособ-

ление и молчала. А Тургонес гладил ее по спине, по бедрам, по груди, и его прикосновения были ласковыми и нежными. Он непрерывно говорил, то расписывая Дертосе ее прекрасное будущее, то расхваливая ее внешность и понятливость, то объясняя суть своего опыта.

— Фульгенций считает, что человеческую природу можно познать с помощью формул. Я совершенно с ним не согласен. Формула как таковая — вещь невозможная, ибо человек состоит не только из некоего количества плоти, не только из некоего соотношения влаги и сухости, но и из дополнительной субстанции, именуемой «духом». Этот «дух» имеет отношение к богам или к иным бесплотным сущностям, вроде демонов. Так или иначе; но у одного человека духа больше, у другого — меньше. И плоть, какой бы она ни была мощной или, напротив, слабой, во многом зависит именно от качества духа.

— Иными словами, — подхватила Дертоса, радуясь отсрочке, — возможно быть слабым физически и сильным духом.

— Именно! — вскричал Тургонес. — Почему я предпочитаю девственниц! Их дух силен как ни у кого! Слабенькие на вид, они могут продержаться дольше самых мощных мужчин, вроде твоего брата... Ты понимаешь меня.

— Да, господин, — кивнула Дертоса, — я вполне тебя понимаю.

— Отлично, отлично, — забормотал он в нетерпении, — садись сюда. Я уберу колышки. По-

ка. Они будут покалывать тебя самую малость. Постепенно я буду поворачивать вот эту рукоятку, и они будут все сильнее впиваться в твоё тело. А здесь мы устроим жаровню. Ноги поставь на нее. Мы будем прибавлять жар очень постепенно, так что ты будешь поджариваться на медленном огне не менее двух суток.

Он задумался на миг, а затем обратился к Дертосе с обезоруживающей улыбкой:

— Как ты считаешь, что будет лучше: давать тебе пить или не давать? Как, по-твоему, опыт будет чище?

— Лучше давать воду, — сказала Дертоса. — Это позволит дольше продержаться. Кроме того, если у меня во рту пересохнет, я не смогу рассказывать обо всех моих ощущениях.

— Ты просто умница! — В порыве восторга Тургонес крепко обнял свою жертву и поцеловал.

Странно, но Дертоса не ощутила отвращения при прикосновении его губ. Она поняла вдруг, что ему удалось втянуть ее в эту игру: в напарничество палача и жертвы. Следовало немедленно прервать игру, иначе она действительно превратится в жертву. А ей нужно ощущать себя не пойманной в ловушку птишкой, но опасным хищником, который притаился и выжидает удобного момента, чтобы напасть из засады.

И Дертоса вызвала в себе омерзение к альбиносу. Она стала думать о его красных глазах, о потных ладонях, о запахе немытого тела, который исходил от него. Представляла се-

бе его маленьким: белое, как у земляного червя, тело, красные злобные глазки, неоправданная жестокость по отношению к животным и другим детям...

«Еще проще воображать его в виде личинки мухи или какого-нибудь другого насекомого, — думала Дертоса. — Я не должна даже на миг вообразить, будто он мне нравится».

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. На миг ей это удалось, и она увидела пять ярких лучей, исходящих из ее тела. «Нет, только не сейчас! — взмолилась она. — Пусть магия друидов спит до времени. Еще рано наносить удар. Еще не настала пора... О Эндоваара, о моих учителя и друзья, где вы сейчас? Помогите мне! Пусть ваша жестокая магия спасет меня в решающий миг!»

Она протянула руку Тургонесу, и он помог ей взойти на кресло. Девушка уселась. Как и обещал маг, колышки почти полностью исчезли, их острия лишь легонько касались кожи, вызывая приятное щекотание. Жаровня под ногами слабо грела ступни. Дертоса закрыла глаза и расслабилась.

— Очень хорошо, — бормотал Тургонес. Он обошел кресло вокруг, взял дощечку с восковым покрытием и тонкий колышек, явно отломанный от кресла, — этим стилосом он собирался делать заметки, процарапывая восковой слой на дощечке.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — спросил маг у девушки.

— Прекрасно, — ответила она.

— Хорошо, хорошо... Скоро я увеличу нагрузку. Начнем с малого и будем смотреть, на что ты способна. Имей в виду, я делаю это и ради тебя тоже. Ты видела лица демонов? Ты когда-нибудь встречалась с духами ада? Ты узришь их всех! В преисподней немало интересных созданий! Когда они начнут являться тебе, описывай их мне во всех подробностях, умоляю... Как я завидую тебе! — У него от возбуждения выступила слюна в углах рта. — Ты не представляешь себе даже, какова моя зависть. Никто не сделает для меня того, что я сделаю для тебя... Никогда не знать мне такого глубокого самопознания.

— О, мой господин, — произнесла Дертоса, — ваша доброта не знает пределов... Никто не в силах выразить, насколько я вам благодарна.

— Правда? Правда? — лихорадочно вскрикивал Тургонес. Он заломил руки, как будто пребывал в отчаянии. — О, наконец-то я нашел достойную ученицу! Обожаю тебя, дорогая!

И вдруг он упал на колени и поцеловал ноги Дертосы. Она поджала пальцы. «Только не это, — думала она. — Какая мерзость!»

Теперь она была готова к борьбе.

* * *

Конан шел вслед за Фульгенцием по лестнице. Он озирался по сторонам, запоминая все, что встречал на пути. Несколько раз он примечал двери, скрытые в стене. Там вполне могут нахо-

диться комнаты, где скрываются вооруженные люди. С другой стороны, быстро размышлял Конан, маги имеют обыкновение слишком полагаться на собственные силы. Считают, будто колдовство всесильно, и потому не находят нужным обзавестись надежной охраной. Разумеется, так поступают далеко не все маги — но многие. И Фульгенций, человек традиции, похоже, из числа таких вот беспечных дураков-заклинателей.

Тем лучше. И все же стоит запомнить, где именно находятся эти двери. Кто знает! Фульгенций привержен традиции и не любит вооруженных людей. Вообще не любит воинов, если судить по его назойливому предложению прибавить Конану ума, а не силы. Зато другие могут мыслить иначе. Другие могут разместить тут стражу даже против воли Фульгенция. Сослаться на традицию — мол, по обычаю в подобных комнатах всегда находится охрана, — и тогда Фульгенций согласится закрывать глаза на стражу.

Все может быть. Лучше уж держаться начеку.

— Вот здесь находится моя лаборатория, — произнес Фульгенций, открывая перед Конаном дверь. — Сюда входят только мои клиенты и я сам. Даже слуги, даже мой ученик, господин Тургонес, — и те не допускаются в эту святая святых. Тут все и происходит. Тебе оказана великая честь, Конан. Ты увидишь то, что видят лишь избранные.

«И этих избранных — уже пол-Аргоса, — подумал Конан не без досады. — Ловко тут все устро-

ено. Каждому дураку здесь внушают, будто он единственный в своем роде. Сперва ему морочат голову, потом заколдовывают — и готов очередной послушный болванчик, способный исполнять волю магов Дарантазия в любой момент. Ладно, поглядим, как они совладают с Конаном из Киммерии... Как говорится, в добрый путь, друзья».

Конан глуповато улыбнулся и полез в лабораторию.

Здесь все было оборудовано таким образом, чтобы поражать впечатлительные души. Стены были задрапированы темными покрывалами, которые свисали причудливыми тенями, наподобие паутины. Широкие ленты и цветные цепи, выкованные из меди, латуни и серебра, перетягивали драпировки. Иные напоминали по очертаниям человеческие фигуры, другие — морские существа со щупальцами, третьи — бабочек.

«Умно придумано», — невольно восхитился Конан.

Канделябры в виде фантастических существ поблескивали по углам. Окон здесь не было, но там, где обычно размещаются окна, находились черные зеркала, и в них многократно отражались Фульгенций и его гость. «Слишком много Фульгенциев, — подумал Конан, ухмыляясь. — Зато Конанов — в самый раз. Чем больше Конанов — тем лучше, не так ли?»

Эта мысль по-настоящему развеселила его. И Конан понял, что все-таки он нервничает. Здесь ему было крепко не по себе. Все его варварские

инстинкты вопили против того, чтобы находиться в подобном месте и рядом с подобным человеком. Больше всего на свете Конану хотелось сейчас вытащить меч и поразить мага в самое его черное сердце. А вместо этого он глуповато улыбался и озирался по сторонам, изображая глубочайшее восхищение.

На маленьком столике с тонкими кривыми ножками находился кувшин с изогнутым носиком. Рядом с кувшином стоял бокал из зеленого прозрачного стекла. Фульгенций взял бокал и бережно поднес его к свету.

— Полюбуйтесь, мой друг, — произнес маг, — какая замечательная работа! В это стекло вмурована настоящая живая муха, а рядом с ней — стрекоза и бабочка. С другой стороны — паук. Все эти существа были пойманы стеклодувом и помещены в расплавленную стеклянную массу. Взгляните, как искусно! У бабочки и стрекозы даже не подпалены крылья. Без магии тут не обошлось, разумеется. Мне очень нравится этот стиль.

Конан подошел и уставился на кубок. Работа действительно восхитительная, не откажешь. И крылья у стрекозы позолочены.

— Они настоящие, не искусственные? — недоверчиво осведомился киммериец у мага.

— Совершенно настоящие, были еще живыми, когда их бросили в массу для изготовления стекла, — заверил Фульгенций. — Хотите уметь превращать подобные вещи? Мне под силу превратить вас в ремесленника-художника. За полгода

вы сможете заработать себе на таких кубках целое состояние. Будете богаты, знамениты...

— Стать ремесленником? — Конан сморщил нос. — Работать, согнув спину? Делать «полезные вещи для других людей»? Увольте! Это — отвратительно! Как у вас только язык повернулся предложить мне подобное... неприличие! Я ненавижу ремесленников! Еще больше, чем крестьян, это тупое племя мошенников... Ремесленники — тоже мошенники, но хитрые. Они обдуривают народ. Всучивают разный товар, половина из которого не нужна.

— Разве такой кубок не вызывает у вас желание обладать им? — удивился Фульгенций.

Человеческая природа никогда не перестанет удивлять мага. Почему этот глупый Конан не поймет наконец, чего ему не хватает? Почему он так отчаянно цепляется за свою физическую силу? Разве можно добиться успеха одной только физической силой? Люди невероятно обделены умом. И Конан — не исключение.

— Я хочу обладать этим кубком, — прорычал Конан, — но просиживать над тиглем и этой самой стеклодувной печкой — как там она, проклятье на нее, называется! — нет уж, увольте! И платить деньги за товар я тоже не люблю. Нет уж, что мое — то мое. Обладать хочу, а работать — нет. Поэтому мне и нужна сила, ясно вам?

— Более чем ясно, — вздохнул Фульгенций. — Впрочем, одной только силы будет недостато...

— Довольно! Я изложил мое требование, — оборвал Конан. Он решил на время обнаглеть и надавить на мага. По большому счету, киммериец сейчас забавлялся, видя, что Фульгенций — добросовестный исполнитель воли клиентов, — искренне озабочен тем, чтобы осчастливить обравтившегося к нему человека.

В принципе, Фульгенций, конечно, прав. Чтобы благоденствие было прочным и надежным, маловато одних только мускулов. Конану нужно бы разжиться умом и ремесленными навыками, это точно. И будь Конан тем, за кого он себя выдавал, он бы наверное согласился с предложением мага. Но Конан уперся и стоял на своем, так что Фульгенций в конце концов вынужден был уступить.

— Хорошо, мой друг, хорошо. Все будет по твоему желанию. Сейчас я расскажу тебе о ритуале. Я налью тебе волшебного напитка вот в этот стакан. Выпей его залпом. Многие испытывают неприятные ощущения во время питья. Если хочешь, я могу отвернуться. Если тебя немного стошнит — ничего, для того, чтобы напиток подействовал, достаточно, чтобы внутрь попало всего несколько капель. А это произойдет неизбежно, даже если тебя вырвет.

— О, — вымолвил Конан, — превосходно. Стало быть, я не потрачу мои деньги напрасно.

Фульгенций, таинственно улыбаясь, нацедил в бокал густую золотистую жидкость и подал Конану.

— Выпей.

Конан взял бокал и отошел с ним к темной драпировке. Фульгенций следил за ним любящим, заботливым взглядом. Так отец смотрел бы на молодого сына, который впервые выехал вместе с ним на соколиную охоту.

Конан постоял, собираясь с духом, а затем одним махом опрокинул кубок в широко раскрытый рот. Странно, но он даже не поперхнулся. Фульгенций тихо покачал головой, скрывая улыбку.

Могучий человек, воистину могучий. Все-таки было бы хорошо, если бы он настроился на получение ремесленных навыков или хотя бы способностей к образованию. Фульгенций считал, что человеческой личности более пристало всестороннее развитие.

— Приступим! — вскричал Конан, шумно рыгнув.

Фульгенций поморщился. Этого еще не хватало! Лучше бы уж его вырвало.

— Следуй за мной, — приказал он.

Они вышли из комнаты с драпировками и очутились в следующей. Здесь не было никаких черных зеркал, насколько мог видеть Конан. Обстановка этой комнаты представляла собой полную противоположность предыдущей. Все здесь было залито светом. Свет проникал сквозь широкие окна, отражался от блестящих поверхностей. Стены были облицованы пестрыми изразцами, тщательно отполированными. Обилие позо-

лоты зрительно увеличивало комнату и делало ее еще более светлой.

— Как видишь, друг мой, здесь нет никаких черных зеркал, — сказал Фульгенций.

Конан сразу насторожился.

«Если маг хочет обратить твоё внимание на отсутствие какого-либо предмета, то, скорее всего, именно этот предмет здесь и наличествует, — подумал он. — Обычное правило фокусников и жуликов, не говоря уж о шулерах. Мошенник всегда найдет способ припрятать нужное... Надо быть начеку».

— О черных зеркалах рассказывают, будто они выпивают душу, — буркнул Конан. — Я сам такое слышал. В таверне. Само собой, рассказам выпивох я не верю, но... Все равно, мне легче видеть, что никаких черных зеркал тут нет.

— Вот и хорошо. Доверься мне, друг, — задушевым тоном произнес Фульгенций.

«Фальшиво работает, — подумал Конан. — Хуже базарной гадалки... И как только люди клюют? Должно быть, приманка слишком велика... слишком сладка...»

Он широко зевнул. Фульгенций с плохо скрытой неприязнью взглянул на варвара.

— Я начинаю...

Он поднял руки.

— Не двигайся. Смотри мне в глаза. Скоро снадобье, которое ты принял, начнет действовать в твоём теле. Сосредоточься на своих желаниях. Я буду произносить слова, которые активизиру-

ют снадобье и придадут его воздействию нужное направление.

По лицу Фульгенция было видно: маг сильно сомневается в том, что его клиент понял хотя бы одно из десятка произнесенных слов. Но это было неважно.

Конан широко разинул рот, распахнул глаза и замер, внимая магу. Фульгенций начал произносить заклятие. При первых же звуках этого заклинания у Конана кровь застыла в жилах: он узнал язык стигийских магов. «Кром, — подумал он. — Кажется, у меня неприятности!»

* * *

Острые колышки впивались в кожу Дертосы. Ее охватывала боль. Боль накатывала волнами и чуть отступала, чтобы вновь наброситься на измученное, уставшее тело девушки. Кровь струилась по ее ногам, и она ощущала горячее прикосновение влаги.

Под ногами горела жаровня. Ступни накалялись. С каждым мгновением боль становилась все более невыносимой, и все же Дертоса продолжала терпеть. Более того, она часто прикладывалась к холодной воде, которую подносил ей трепещущими руками Тургонес, и говорила, говорила...

— Это пронзает меня почти сладострастно, — бормотала Дертоса. — Когда мужчина смотрит на тебя, обнаженную, а ты воображаешь в мыслях,

что именно он хочет с тобой сделать... Тело пронзает сладкая дрожь, которая отзывается в самых потайных уголках твоего естества...

— Говори, говори! — упивался Тургонес. — Ты — удивительная! Я обожаю тебя!

Он повернул рукоятку, и острые колышки выступили на поверхность еще больше. Мириады жал впились в тело Дертосы, разрывая ее плоть. Новая, более острая волна боли пробежала по ее телу. Она изогнулась, выставив вперед острые груди с напрягшимися сосками. Из ее рта потекла розоватая слюна.

— О-о! — простонал Тургонес. — Кажется, я страдаю вместе с тобой! Ты знала, моя радость, что я — девственник, как и ты?

— Какая новость... — прошептала Дертоса. — Теперь моя сладкая мука только усиливается... Расскажи, что ты чувствуешь?

Он смотрел на нее мутными от восторга глазами и не отвечал. Она попыталась чуть приподнять ноги над жаровней, надеясь, что он этого не заметит, но Тургонес тотчас упал на колени и метнулся к ее ногам.

— Опустит, умоляю тебя, опусти их! — закричал он. — Пусть твоя кожа обуглится! Пусть жар пронзит тебя до самого мяса! Умоляю тебя, не прерывай страдания, позволь ему стать невыносимым, бесчеловечным, свыше сил!

Дертоса не реагировала, и тогда он схватил ее горячие ноги холодными руками и с силой прижал их к жаровне.

— Вот так, — бормотал он в упоении, — вот так...

Она прикусила губу. Кровь потекла на подбородок.

И тут Дертоса ощутила, как в ее теле зарождается новый жар. Этот жар казался прохладой по сравнению с тем, что устроил для нее палач. Пылало ледяным огнем ее естество — в тех местах, куда вонзились стрелы друидов. Невидимые стрелы света, сохранявшиеся в ее теле.

Умом она погрузилась в эту прохладу и стала думать о тех, кого любила. Об Эндовааре, которого оставила, боясь старости и разоблачения. О Туризинде, который любит ее — несмотря на все, что знает о ней. Даже о Конане, который — что бы он сам ни изображал — отказывается видеть в ней одно лишь орудие, «отмычку».

Мысль о Конане оказалась самой отрезвляющей. Вместе они вошли в башню магов и одновременно делают одно общее дело. Ей поручено уничтожить младшего мага, а она чем занимается? Доводит его до бешества сладострастия рассказами о своих страданиях. Очень мило.

Пора брать себя в руки. Она сосредоточилась, задумалась. Боль бродила по ее телу, накапливаясь. Достаточно ли этой боли, чтобы убить? Тургонес снова потянулся к рукоятке. Интересно, как далеко проникнут в плоть жертвы эти колышки? Достаточно ли глубоко, чтобы пронзить внутренние органы? Должно быть, так. В конце концов ее убьет не боль от пытки, а последний удар палача.

Нужно спешить.

Дертоса закрыла глаза, внимательно исследуя себя. Ее душа была полна холодной решимости. Она испытывала к своему палачу только ненависть, ничего более. Она изучила его вполне и уничтожила всякую возможность сострадания и сопереживания. Она знает, как убить его.

А он расслабился, распустил губы. Руки его тряслись, по подбородку текла слюна. В мутных глазах дрожало сладострастие. Он наслаждался, откровенно и по-детски беспомощно. Он был совершенно открыт перед нею.

Очень хорошо.

Дертоса собрала всю ту боль, что накопилась в ее теле за время пытки, и изо всех сил метнула ее в своего палача. Пять ярких световых лучей вырвались из ее тела, ослепляя даже сквозь опущенные веки. Магия друидов соединилась с магией боли. Огромная личная воля Дертосы, унаследованная от матери-болотницы, помогла соединиться этим двум совершенно различным видам магии.

Стуток страдания вонзился в середину тела Тургонеса, туда, где ребра расходятся над мягким животом. Черный круг образовался в теле мага.

Тургонес закричал, сдавленно, в ужасе. Наслаждение исчезло из его взгляда. Теперь перед Дертосой корчилось и вопило смертельно раненное животное. И это животное — Дертоса видела со всей отчетливостью! — боялось умирать. Оно

страшилось страдания и смерти. Оно могло лишь наслаждаться чужими муками, но собственную вытерпеть было не в состоянии.

Дертоса тихо засмеялась сквозь зубы. Кровь по-прежнему текла по ее телу, но ноги она убрала с жаровни. Тургонес привязал ее к креслу за запястья. Девушка опустила голову и зубами разгрызла ремешок с правой руки, а затем освободила и левую.

Она не встала с кресла, а скатилась с него, упала на пол и осталась лежать, радуясь прикосновению холодных плит пола к измученному горящему телу.

Тургонес корчился на полу поблизости от лежащей Дертосы. Черный круг на животе мага расширяться и углублялся. В комнате отчетливо пахло горячей плотью. Боль сжирала Тургонеса изнутри. Дертоса увидела обнаженные внутренности, обугленные и почерневшие. Затем отверстие стало сквозным. В животе Тургонеса образовалась дыра, и Дертоса могла рассмотреть пол сквозь тело мага.

Тургонес все еще стонал и слабо царапал пол. Ему осталось прожить считанные мгновения. Дертоса отползла подальше, чтобы он ненароком не зацепил ее. Световые лучи опять начали исходить из тела девушки, но теперь они не жгли, а напротив — обдавали целительной прохладой.

Она с трудом встала и, хватаясь за стены, прошла по комнате. Она точно знала, что именно ищет.

И нашла это в спальне, под кроватью. Острый, как бритва, кинжал с причудливой рукоятью и широким лезвием. Странно улыбаясь, как сомнамбула, Дертоса вернулась в лабораторию и остановилась над неподвижно лежащим магом.

Тургонес был мертв.

Мертв ли? Дертоса не была в этом так уверена. Она знала, что, имея дело с магами, следует соблюдать предельную осторожность. Одно из главных правил: никогда не следует доверять магу, который, возможно, только притворяется мертвым.

Поэтому Дертоса сделала то, что должна была сделать. Схватив Тургонеса за волосы, быстрым движением она отсекла ему голову.

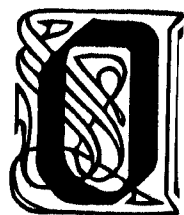
Затем, отбросив голову как можно дальше, она отползла на несколько шагов и потеряла сознание.

Глава двадцатая

Варварские проделки

кончив заклинание, Фульгенций остановился и затем медленно, торжественно опустил руки. Конан стоял перед ним неподвижный, как статуя.

И к тому же весьма красивая статуя... Фульгенций невольно залюбовался зрелищем. Рослый полуобнаженный человек, дочерна загорелый, с мощными лоснящимися мускулами. Копна нечесаных черных волос, ярко-синие глаза, выразительные черты молодого лица. Да, такой может устрашать, если захочет, но может и вызывать искреннюю симпатию.

Недурной образец. Хорошо заполнить его в свое собрание душ.

Конан шевельнулся и хрипло проговорил:

— Моя чувствовать себя лихо.

— Что? — тихо вымолвил Фульгенций.

— Ха! — вскрикнул Конан. Он охлопал себя по бокам и расхохотался. — Моя ощущать мощь! Моя быть сильно-сильно!

— Нет, — прошептал Фульгенций, отступая на шаг. — Нет, не может быть... Я энвольтировал интеллект... Как такое могло произойти? Разве что у него очень сильная воля... Но — да спасут меня боги Ахерона! — это же... это же...

— Моя рычать в ночи! — объявил Конан и действительно испустил жуткое утробное рычание. — Моя рвать на части! Ха-ха!

Он бросился бежать. Фульгенций в ужасе смотрел, как гигантский покрытый мускулами варвар носится кругами по комнате. Конан высоко вскидывал ноги, размахивал на бегу руками и все время порывивал. Его черные волосы развевались, из ноздрей, казалось, вырывался пар. Он вскрикивал и вздыхал, он скалил зубы и выглядел совершенно счастливым.

Фульгенций попятился к выходу. Нет, такого результата он не ожидал. Конан, кажется, был первым из его клиентов, кто повел себя так странно.

Неожиданно Конан прервал свой дикий бег. Тряся головой, он повернулся к Фульгенцию.

— Моя хотеть сырой мясо! — заревел он. — Моя голодать! Моя убивать!

Фульгенций поднял руку и выкрикнул еще одно заклинание.

Огромный золотой шар ударил в стену за спиной Конана. Непостижимым образом варвар оказался быстрее, чем огненный шаг, и успел увернуться. По изразцовой стене пробежала сетка трещин.

— Моя смеяться! — сообщил Конан, надвигаясь на Фульгенция.

Маг отшатнулся. Он не мог найти в себе достаточно сил, чтобы метнуть в противника второй огненный шар: для того, чтобы собраться и создать это заклинание, требовалось хотя бы немного восстановить энергию. Поэтому Фульгенций позвал на помощь.

На лестнице затопали шаги: как и предполагал Конан, в башне имелась стража. Варвар остановился посреди комнаты и оглушительно, с вызовом захохотал.

— Мясо приходит! Быстрое живое мясо! — завопил он в восторге и затряс кулаками над головой.

Стражники вломились в комнату. Конан стремительно оглядел их: шестеро, все вооружены мечами и кинжалами. Против одного безоружного варвара. Не слишком-то хорошее соотношение.

— Моя быть голодно! — заорал Конан, не дав стражникам ни мгновения для того, чтобы прийти в себя от неожиданного зрелища и броситься в атаку.

Варвар помчался, наклонив голову, как бык, на ближайшего из стражников. Тот отступил назад и поднял меч, но было уже поздно: Конан налетел на него с размаху и вышиб из него дух. Стражник ахнул и выронил меч. Пока он хватал ртом воздух и корчился на полу, киммериец уже завладел оружием. Испустив оглушительный бо-

евой клич, Конан напал на второго из стражников.

Мгновение — и голова стражника покатилась по полу. Она подкатилась к ногам мага, и Фульгенций в ужасе отшатнулся. Пол красивой светлой комнаты был весь залит кровью.

— Кром! — кричал Конан, размахивая мечом. — Кром!

Он перешагнул через обезглавленный труп. Четверо оставшихся собрались с силами и попробовали было атаковать охваченного лютым гневом варвара. Но это было все равно что сражаться с непобедимой стихией. Налитые мощью мышцы бугрились на загорелых руках одичавшего варвара, дикарская ярость заполняла его примитивную душу.

— Кром! Моя убивать! Моя пожирать! — рычал он, отбивая удары всех четырех своих противников с поразительной быстротой и ловкостью.

Он казался неуязвимым. Сколько они ни нападали на него, ни один клинок не смог даже задеть киммерийца. Он отскакивал и снова налетал на стражников, непрерывно вертелся, так что в глазах у них рябило. Казалось — как и представлял себе Конан, когда находился в комнате с зеркалами, — в помещении находится не один Конан, а сразу десяток.

Фульгенций закрыл лицо руками. Что-то пошло не так. Столкновение воле? Но не было никакого столкновения. Маг, читая заклинание, эн-

вольтировал интеллектуальные способности объекта. Объект вообще никак не реагировал. Если бы Конан сопротивлялся, Фульгенций почувствовал бы это. Магическая сила иногда сталкивается с непокорной волей субъекта приложения колдовской формулы.

Иногда такое случается. Тогда маг ощущает некое слабое ответное воздействие, вступает в небольшую «битву», если можно так назвать схватку двух волей, слабенькой и мощной.

А в случае с Конаном никакого сопротивления не было. Киммериец просто стоял и смотрел, как Фульгенций читает заклинание.

А потом он озверел. Стал что-то рычать про «мясо», бегать по кругу, размахивать руками, скалить зубы...

Неужели?..

Фульгенций гнал от себя эти мысли. Ему было страшно. Не потому, что он находился посреди кипящей смертоносной схватки, но потому, что он что-то не учел. Впервые за долгие годы его магия дала сбой. Такого попросту не может быть.

Но это случилось...

Конан быстро отбил еще два удара, а затем стремительно повернулся и нанес ближайшему стражнику сильный удар в бок. Заливаясь кровью, тот упал. Оставшиеся отступили.

— Мясо! — заорал Конан, надвигаясь на них и сильно топая.

Они отошли к лестнице.

— Труссы! — завизжал Фульгенций. — Убейте его! Что вы смотрите? Убейте!

Тот из стражников, что находился ближе других к выходу, выскочил наружу и побежал вниз по ступенькам. Фульгенций вне себя от ярости прокричал заклинание. С лестницы донесся отчаянный вопль, потянуло дымом и запахом горелого мяса. Должно быть, бедолага сгорел заживо в огне магического гнева.

Если это и не придало мужества оставшимся, то, по крайней мере, удержало их от бегства. Они снова обернулись к киммерийцу.

Завывая и хохоча, Конан набросился на них. Он видел, что они напуганы, напуганы дважды: яростной атакой сумасшедшего дикаря и гневом их господина.

Очень хорошо.

Один решил покончить с варваром и смело вырвался вперед, сделав довольно искусный выпад. Конан ответил сокрушительным ударом и перерубил ему руку. Страшно закричав, стражник упал. Кровь хлынула потоком.

Последний стиснул зубы. Он начал атаку расчетливо и осторожно: шаг за шагом он приближался к дикарю. Конан видел его внимательные глаза. Он понимал, что этот противник довольно опасен, но знал также, что и такой стражник не устоит перед безумной яростью дикаря.

Подражая гоблину, Конан бросился на него. Стражник отступил и предпринял атаку сбоку. Очень хорошо. Мысленно Конан одобрил его дей-

ствия. Должно быть, Туризинд нашел бы такого фехтовальщика недурным,

Мысль о Туризинде была лишней. Она отвлекла Конана от поединка. Он все-таки недооценил стражников из башни магов. Тотчас клинок царапнул по телу варвара. Конан ощутил резкую боль, и сразу же кровь потекла по его телу.

Он зарычал, обнажая зубы, как тигр, и прыгнул на ранившего его стражника. Мгновение спустя тот уже лежал на полу, корчась от боли. Из широкой раны внизу живота вываливались внутренности.

Конан наступил ногой на руку раненого и заставил его выронить меч. Затем ногой отбросил меч стражника в сторону. Он повернулся к Фульгенцию.

— Моя рвать горло, — предупреждающе произнес он. — Если твоя не отвечать, моя впиваться зубами. Твоя понять?

— Моя понять и отвечать, — пробормотал Фульгенций, дрожа всем телом. Он чувствовал себя замороженным.

— Твоя дразниться? — гневно завопил Конан. Его синие глаза выкатились, норовя выпасть из глазниц, слюна опять закипела в углах рта. — Ты передразнивать? Разве ты — варвар? Нет, Конан — варвар, ты — проклятая цивилизованная шлюха!

— Как тебе угодно, — вздохнул Фульгенций, обреченно глядя на приближающуюся к нему тушу с лоснящейся мускулатурой, всю в кровавых

пятнах и поту. — Ты хочешь что-то узнать еще, Конан-варвар?

— Моя задавать вопрос! Твоя не морочить голову! Мой голова есть заморочен без твоя глупость!

— Хорошо, хорошо...

Конан приблизился к Фульгенцию вплотную, приставил лезвие к горлу старшего мага и неожиданно совершенно спокойным тоном осведомился:

— Как действуют черные зеркала, ты, старая сволочь? Отвечай, иначе я перережу тебе глотку...

* * *

Фульгенций побледнел и потерял сознание. Он ожидал чего угодно, только не этого. Он выдержал и кровавую бойню, которую сумасшедший дикарь устроил в его чудесной красивой лаборатории, и внезапное превращение туповатого мелкого землевладельца в жуткое чудовище... Но обратное превращение дикаря во вполне нормального, разумного человека с тихой речью dokonало старого мага.

Конан посмотрел на него с сожалением. Затем отвесил Фульгенцию затрепину. Старый маг застонал.

— Ну давай, говори, — Конан встряхнул его. — Как они действуют?

— Забирают часть... души... Ты обязан... подчиниться... — прошептал Фульгенций, с трудом ворочая языком.

— Я? Обязан? Ты меня с кем-то перепутал, старый осел. Я тебе ничего не обязан. Говори!

— Что говорить?

— Ну, для начала называй меня «господин Конан», — приказал киммериец. — Думаю, так будет лучше. Давай, гадина, веди себя почтительно! Ну?

— Да, господин Конан.

Конан огрел его кулаком по голове.

— Что — «да»? Говори все как есть!

— Да, господин Конан. Все как есть, — пробормотал Фульгенций.

Конан потянул его за волосы, заглянул старому магу в лицо и понял, что добиваться от него ответов бессмысленно. В глазах мага стояло безумие: он утратил рассудок.

Конан отбросил бесполезного пленника и вышел из лаборатории.

На лестнице еще дымился труп одного из стражников — того, что пытался бежать. Конан задумался.

Если все, что удалось узнать о черных зеркалах Дарантазия, — правда, то должно существовать некое общее зеркало. Маги, насколько понял Конан, обменивали свои услуги на частицу человеческой души. Частица эта, заключенная в глубине зеркального осколка, позволяла магам в любой момент управлять пленными людьми. Для того, чтобы осуществлять такой контроль, необходимо держать главное зеркало где-нибудь на верхушке башни.

Так, чтобы оно могло улавливать все, все стороны света, любые дуновения воздуха.

Конан вернулся в лабораторию и наклонился над лежащим на полу Фульгенцием.

— Общее зеркало. Оно существует, не так ли?

— Да, — пробормотал Фульгенций. — Дело моей жизни.

— Это оно управляет жизнями людей?

— Да...

— Скажи, Фульгенций, что станет с этими людьми, если я разобью зеркало?

Фульгенций вскочил, словно его ужалила змея.

— Нет! Ты не смеешь! Нельзя разбивать зеркало! Это — труд моей жизни! Дело многих лет... Он почти завершен. Почти! Еще немного, и с помощью этого зеркала Дарантазий сможет захватить весь Аргос, всю Аквилонию и Зингару! Мы станем великими владыками, никто не посмеет перечить нам, никто! Мы прославимся в веках как захватчики, как ученые...

— Избавь меня от всей этой напыщенной ерунды, — поморщился Конан. — Если ты и прославишься в веках, так в качестве самонадеянного болвана, которого одурачил самый обыкновенный варвар...

— Как ты это сделал? — спросил Фульгенций тихо.

— Как? — Конан пожал плечами. — Нет ничего проще. Я не стал пить твоё зелье...

— Боги Ахерона! — простонал Фульгенций. — Я был наивен!

— Такое случается. Ты плохо знаешь жизнь, но, впрочем, сейчас это уже неважно... Вернемся к зеркалам. — Конан резко встряхнул своего пленника, как собака встряхивает крысу. — Что случится с одуроченными тобою людьми, если я разобью проклятую черную стекляшку?

— Не знаю, — пробормотал Фульгенций. — Я действительно не знаю, — заторопился он, видя, как потемнели глаза киммерийца и как угрожающе сдвинулись его брови. — Никто никогда не пробовал разбивать зеркала. Ни общее зеркало, ни осколки, из которых я его собираю... Это невозможно! Мне даже представить себе трудно, что у кого-то поднимется рука... Если ты это сделаешь... Быть может, люди, чья душа заключена в зеркале, попросту умрут. — В глазах Фульгенция мелькнула искорка торжества и он повторил: — Да, имей в виду: люди, связанные с зеркалом, могут умереть, если ты уничтожишь стекло.

— Ну что ж, — вздохнул Конан, — мои друзья утверждают, что у меня — государственный ум. А это означает, что ради моих возвышенных целей я вполне готов пожертвовать чужими жизнями. Так что я выбираю наименьшее зло. Прощай, Фульгенций. Приятно было поболтать.

— Ты убьешь меня? — жалко спросил Фульгенций, садясь на полу и обхватывая руками костлявые колени.

Конан внимательно смотрел на него. Сейчас перед ним был просто старик, растерянный и испуганный. Киммериец пытался сказать себе, что

на самом деле это — страшный маг, беспринципный и жестокий. Но у Конана, даже невзирая на его «государственный ум», не поднималась рука перерезать ему горло.

— Живи пока, — коротко бросил варвар и побежал на крышу башни.

* * *

Над замком дули сильные ветра. Находясь на вершине башни, Конан понимал, что Дарантазий находится высоко в горах, на перевале. Здесь ощущалась разреженность горного воздуха, дышать было тяжело и вместе с тем в теле появлялась странная легкость. Казалось, еще немного — и ты, взмахнув руками, как крыльями, полетишь.

На самой вершине башни в огромной серебряной раме причудливой формы стояло огромное черное зеркало. Оно было сложено из мириад крохотных обломков. Конан поразился тому, как их много. Несколько сотен. Иные были совсем крохотные, другие — побольше. Их изломы идеально совпадали, но все же солнечные лучики ухитрялись подчеркивать отсутствие целостности стекла.

Конан неожиданно понял: до завершения зеркала действительно оставалось совсем немного. Один-два осколка — и стекло будет цельным. Должно быть, именно тогда магия сделает стеклянную поверхность идеально гладкой.

Киммериец криво ухмыльнулся. Вот уж чему не бывать! Теперь уже никто никогда не узнает, свершится ли превращение битого зеркала в цельное. Никогда. Потому что сейчас не останется никакого зеркала, ни цельного, ни состоящего из кусочков.

В последний миг мысль о Дертосе задержала руку киммерийца. Ведь девушка тоже проходила ритуал. Частица ее души сокрыта здесь, в этом черном монстре. И если люди, заточенные в зеркале, обречены погибнуть вместе с магическим стеклом, Дертоса неизбежно окажется в числе мертвецов.

Что ж, еще одна необходимая жертва. Как бы там ни было, зеркала должны быть уничтожены, иначе Аргос будет залит кровью междоусобной войны. И, что хуже всего, обычные, нормальные люди будут во время этой войны обречены на уничтожение. Колдуны Дарантазия убьют их руками предавшихся им наймитов. Непобедимых, наделенных магическими дарами — силы, удачи, ловкости. Простому человеку попросту не выстоять против такого.

Конан стиснул зубы. Дертоса знала, на что идет. Никакое обращение к магии не может оставаться для человека безнаказанным. Маги ничего не делают даром. Они всегда забирают что-то взамен. Дертоса — не маленькая, она должна была понимать, чем все это могло закончиться.

Конан больше не колебался. Широко размахнувшись мечом, полученным в бою от стражни-

ка, киммериец изо всех сил ударил в самую сердцевину зеркала.

Посыпались осколки. Раздался долгий, неестественно долгий звон: казалось, это не звон даже, а стон, точно жизнь нехотя, с трудом уходила из гигантского великаньего тела. Осколки летели над городом, как живые существа — птицы или бабочки. Они кружили, не желая опускаться, но все-таки сдавались, умирали и падали. Все крыши, все мостовые были усыпаны блестящими черными кусочками стекла.

Конан стоял на краю крыши, наблюдая за происходящим. Один или два осколка, пролетая мимо, черкнули его по коже плеча, но киммериец даже не заметил этих царапин. Он широко ухмылялся, едва сдерживаясь, чтобы не закричать от переполнявшего грудь восторга. Магия была разрушена! Одно дерзкое движение свободного от колдовства человека — и черные зеркала Дарантазия осыпались, как осенние листья на ветру.

Из башни послышался отчаянный вопль. Конан в последний раз глянул на совершенное им и побежал обратно, вниз по лестнице.

В магической лаборатории, где он оставил Фульгенция, ему предстало жуткое зрелище. Старый маг метался по комнате, хватаясь окровавленными руками за стены, за окна, за мебель, и везде оставлял большие багровые пятна. На бегу он кричал... и еще до киммерийца доносился странный хруст, как будто совсем близко толкушкой разбивали мелкие стеклянные осколки.

Присмотревшись, киммериец понял, что хруст этот издает тело Фульгенция. Он весь был в осколках: казалось, на его коже не сохранилось ни одного не разрезанного участка, откуда не торчало бы тонкое, как стрела, стеклышко. Эти-то кусочки стекла и терлись друг о друга, издавая тот самый характерный хруст, который поразил киммерийца. Фульгенций превратился в мешок, набитый стеклами.

Кровь текла непрерывно из множества ран. Фульгенций обезумел. Он не мог произнести ни одного заклинания, чтобы избавить себя от страданий. Он был в состоянии лишь метаться, кричать и призывать проклятия на голову своего убийцы.

Конан смотрел на него бесстрастно. Он не испытывал никаких эмоций при виде страшной гибели колдуна. В конце концов, маг заслужил подобную участь! Он обрекал на смерть других. Но, что еще хуже, он считал себя вправе решать за других людей, как им жить и какой будет их участь.

Конечно, можно возразить: все эти люди сами приходили к нему, их никто не звал. Но... Так ли это? Так ли уж «никто не звал»?

Конан покачал головой в ответ на эту мысль. Фульгенций распустил слух о том, что можно, заплатив некоторую сумму денег или продав в рабство, на смерть, какую-нибудь девушку, сделаться умнее, богаче, красивее. Старый хитрый маг призывал людей обещаниями. А люди, легковер-

ные и слабые создания, шли на этот зов. Летели, точно мотыльки на приветливый огонь лампы.

Отчаявшиеся, как Дертоса. Алчные, как тот колбасник в маленьком городке. Жаждающие места. Мечтающие о любви...

Так просто играть на людских слабостях!

Конан фыркнул. Он знал по меньшей мере одного человека, у которого не имелось никаких слабостей. И звали этого человека Конан-киммериец.

Оставив мага биться в жуткой агонии, Конан побежал вниз по лестнице. Ему требовалось отыскать Дертосу и удостовериться в том, что она мертва и заботиться о ней больше не следует.

* * *

Дертоса лежала на каменном полу в луже крови и смотрела на обезглавленное тело своего мучителя.

Она совершенно утратила волю к жизни. Все было закончено. Силы оставили ее в тот самый миг, когда голова Тургонеса откатилась в сторону.

Она ни о чем не жалела. Она сделала свою часть работы. Должно быть, в этот самый миг Конан вершит собственное правосудие. Если это правосудие покарает и ее, Дертосу, — что ж, девушка не испытывала страха. Она прожила достаточно лет, чтобы знать: иногда смерть воспринимается как избавление.

Она стала думать о Туризинде. Судьба послала ей встречу с человеком, который сумел полюбить ее, невзирая ни на что. Ни на ее происхождение, ни на ее прошлое.

Сумел? Странное слово. Любовь настигла его, на то была воля богов. Сладострастной Бэлит... а может быть, и справедливого Митры. Потому что, как бы там ни было, а Дертоса заслуживала любви.

Она закрыла глаза. Все кончено. Она больше не увидит его.

Далеко в вышине послышался вопль. Пронзительный, отчаянный. Как будто разом были смертельно ранены сотни, тысячи людей, и все они закричали одновременно.

Дертоса воспринимала этот предсмертный крик как острую физическую боль, которая пригвоздила ее к полу мириадами острых игл. С каждым мгновением боль становилась все более жгучей; казалось, еще немного — и сердце девушки разорвется.

А затем все разом закончилось.

Боль отпустила, дышать стало легче. Она села, тряхнула головой.

Мысли ее прояснились, и вдруг странная, ничем не обоснованная радость заполнила все ее существо. Дертоса засмеялась.

Она была свободна!

Она ощущала свободу как легкость, как возможность стоять, ходить, бегать — и получать величайшее наслаждение от этого. Жить — и быть

свободной. Быть живой — и ни от чего, ни от кого не зависеть!

Это было восхитительно.

Дертоса внезапно осознала, что никогда прежде не чувствовала себя такой свободной. Она всегда от кого-то зависела. Когда была мала — от своих воспитателей, когда выросла — от Эндовары, который был ее наставником, другом, учителем... и надзирателем. Потому что друиды никогда полностью не доверяли девочке, бывшей дочерью болотницы.

После она добровольно впадала в зависимость от мужчин, которых дурачила. Не они от нее зависели, но она от них. От их настроения, от степени их доверчивости или глупости, от их испорченности.

Ну а потом, когда она оказалась в руках тайной стражи, Конана...

Вдруг Дертосе пришла в голову чрезвычайно странная мысль. Конан поработил ее не только душевно, но и физически: он таскал ее за собой, можно сказать, на веревке, он заставлял ее делать то или это, отдавал ей приказы, отправил ее практически на верную смерть в логово Тургонеса... И именно Конан послужил причиной ее полного освобождения.

Она улыбнулась. Она не будет благодарна ему. Он был с ней жесток и не считался с ее желаниями. Да, она не свяжет себя благодарными чувствами! Свобода — так свобода, полная и окончательная!

Девушка прошла по комнате, стараясь не поскользнуться в луже крови. Она все еще испытывала боль, но уже не такую сильную. Раны на ее теле заживали прямо на глазах: должно быть, действовала магия друидов.

Она прошла через спальню, где несколько часов назад мирно отдыхала в объятиях альбиноса-мага. Дертоса старалась не смотреть на постель. В те минуты альбинос вызывал у нее какие-то странные, почти сестринские чувства. Он представлялся ей едва ли не братиком, который набирается сил перед занятиями с учителем. Лучше об этом не думать. Дертоса тряхнула головой и, поднявшись на носки, выбежала к двери.

Она не успела коснуться ручки, как дверь сама распахнулась ей навстречу, и на пороге появился тот, о ком она думала перед тем, как войти в спальню: Конан-киммериец.

Конан был исцарапан, синие глаза его светились диким ликованием, а с губ рвался боевой клич. Завидев Дертосу, он расслабился и вдруг улыбнулся совершенно простой, юношеской улыбкой, так что она сразу увидела, насколько он молод.

— А, Дертоса! — стараясь говорить небрежно, бросил Конан. — Я так и знал, что у тебя все получится. Где эта гадина?

— Я отрезала ему голову, — пробормотала девушка.

Конан схватил ее за плечи, притиснул к себе и сочно поцеловал в губы. Затем чуть отодвинул,

все еще держа за хрупкие плечи своими могучими лапищами, и любовался на нее, точно на дивное произведение искусства.

— Я обожаю тебя, — заявил он. — Ты знала об этом, болотная жаба? Я тебя просто обожаю!

Глава двадцать первая

Переворот

Рондатэ, властитель Дарантазия, большую часть жизни провел в блаженном неведении и еще более блаженном ничегонеделании. Он предпочитал выращивать экзотические цветы в своих оранжереях, читать книги на кхитайском языке (для этого у него имелся специальный учитель-кхитаец, привезенный за сумасшедшие деньги и растолстевший от безделья и обильной кормежки) и наряжаться в шелковые одежды.

У Кондатэ были исключительные способности к изящному и бесполезному. Он никогда не задумывался о происхождении столь стойкого отвращения к любого рода активной деятельности. Возможно, таким Кондатэ был от природы, но не исключено, что над личностью правителя поработали маги Дарантазия.

Когда Конан разбил зеркало, Кондатэ встревожился: его напугал шум. Он подошел к окну и выглянул, но ничего не увидел. На какое-то вре-

мя его охватило беспокойство, но длилось оно недолго, и скоро правитель вернулся к интересной книге, где рассказывалось о любви между кхитайским мудрецом и капризной кхитайской феей, которая жила в глубине быстрой реки.

Учитель-кхитаец мирно дремал над тарелкой с рисом и рыбой. Его щеки свешивались, нос и глаза тонули в складках жира, губы оттопыривались. Он вел полурастительное существование. Впрочем, время от времени он давал ученику уроки словесности: пересказывал какие-нибудь предания или растолковывал второй, третий, четвертый — и так до десятого — глубинный смысл какого-нибудь иероглифа. Все это чрезвычайно занимало обоих, и учителя, и ученика.

Станный крик. Кондатэ некоторое время размышлял, что бы мог означать шум, донесшийся с вершины башни магов. Это неприятно обеспокоило его. Тем более, что крик длился достаточно долго, чтобы вызвать дискомфорт. «Нужно будет велеть стражникам посетить магов и попросить их вести свои исследования тише», — подумал Кондатэ.

Он наклонился над горшком, в котором пышно цвел белый цветок. Результаты удовлетворяли графа: все-таки он — одаренный цветовод. Стоит ли желать лучшего! Из цветков можно собирать интересные композиции. Например, вот этот, с причудливыми лепестками...

Кондатэ не успел додумать свою мысль. Тоска навалилась на него. У него как будто отобрали

радость, погасили день перед его глазами. И сам цветок вдруг перестал восхищать его, хотя, кажется, ни в малейшей степени не утратил своей красоты.

Кхитаец показался Кондатэ отвратительным жирным бездельником, хотя еще минуту назад граф с удовольствием предвкушал совместное чтение. Да и книга... Ну что за история? Что за глупая фея, что за глупый мудрец? Разве можно влюбляться в женщину, которая живет на дне реки? Да и вообще, какое дело властителю Дарантазия до кхитайской феи?

— Какая скука... — прошептал Кондатэ. Он огляделся по сторонам, вцепился в свои волосы и вскричал: — Да что происходит? Что это со мной?

Дверь отворилась. В комнате стоял еще один человек.

Кондатэ резко обернулся к нему.

— Что тебе надо? Кто позволил тебе войти?

— Ты — Кондатэ, называющий себя правителем Дарантазия? — резко спросил человек.

За его плечом Кондатэ разглядел еще одного, рослого, с черными волосами и устрашающими мускулами. Но не гигант устрашал Кондатэ, а тот, кто вошел первым и заговорил. Этот незнакомец держался уверенно, точно был судьей и пришел судить Кондатэ за какие-то неведомые преступления.

— Я Кондатэ, — пробормотал граф, отступая на шаг. — Что происходит? Я называю себя влас-

тителем Дарантазия, потому что я и есть властитель Дарантазия...

— По какому праву? — спросил незнакомец.

— Клянусь всеми богами! — Кондатэ нашел в себе силы возмутиться. — Я унаследовал графство после моего отца, вот по какому праву...

— Ты — незаконнорожденный сын, — уверенно сказал незнакомец. — К тому же младший. Кто была твоя мать?

— Она происходила из почтенного рода... — пробормотал Кондатэ.

— Да хватит болтать! — воскликнул черноволосый варвар. Он отодвинул незнакомца плечом и вломился в комнату.

Кондатэ испуганно смотрел на него. Варвар навис над ним, весело ухмыляясь.

— Твоя мать была колдунья, — сообщил он.

— Возможно, она принадлежала к роду магов, — постарался не терять достоинства Кондатэ. Однако колени у него задрожали.

— Она превратилась в змею. Так? — продолжал варвар, вынимая меч.

Кондатэ, не сводя глаз с блестящей стали, громко завизжал. Этот визг пробудил кхитайца. Тот открыл узенькие глазки и тоже заверещал, как пойманная в ловушку мышь. Варвар быстро повернулся в его сторону и бросил несколько слов по-кхитайски. Это так потрясло учителя словесности, что он замер и уставился на варвара неподвижным взором, точно на ожившую статую божества.

— Молчать! — сказал Конан. — Говорить будете только если я спрошу. Так. — Он глянул на Гайона. — Пусть этот слизняк признает твою власть.

— Мне придется убить его, — вздохнул Гайон.

Он тоже вошел в комнату и сел в кресло. С непонятным сожалением он огляделся по сторонам, затем остановил взгляд на своем сводном брате.

Кондатэ, заламывая руки, бросился перед ним на колени:

— Я не знаю, кто ты! — заплакал он, от ужаса позабыв приказ Конана молчать. — Я не знаю! Если ты хочешь захватить власть в Дарантазии, я отказываюсь! Мне не нужно... ничего не нужно... только цветы и книги...

Гайон поднял глаза на Конана.

— Он с детства был во власти магии, — проговорил граф-изгнанник. — С самого рождения они превращали его в послушную глину в своих руках. Сомневаюсь, чтобы он принял хотя бы одно самостоятельное решение.

— Тебе придется убить его, — покачал головой Конан, — иначе найдутся люди, которые захотят посадить его на престол. У тебя всегда будут враги. Странно устроен мир! Даже у самого мизерного властителя самого мизерного государства есть враги...

Гайон побледнел.

— Я обязан тебе, Конан, — промолвил он, — я обязан тебе всем: победой над магами, свобо-

дой... Но прошу тебя: не называй Дарантазий мизерным. Это моя родина. Мне все равно, пусть он — всего лишь небольшой замок, затерянный в Рабирианских горах, на границе с Зингарой. Он — мой.

— Ну да, — нехотя согласился Конан. — Прости, я не хотел обижать... никого. Ну так что? Ты сам убьешь его или мне помочь?

— Я не хочу его смерти, — покачал головой Гайон. — Он слишком ничтожен.

Стоя на коленях и рыдая, Кондатэ переводил взгляд с одного воина на другого. Они решали его судьбу прямо при нем, нимало не беспокоясь о том, что Кондатэ — их возможная жертва — все слышит. И в этом обстоятельстве Кондатэ чулась обреченность.

Третий чужак проскользнул в комнату незаметно. Это была молодая женщина, закутанная в длинный плащ. Кондатэ успел заметить, что она босая, а когда плащ чуть приоткрылся, установил, что женщина вообще обнажена. На ней, кроме этого плаща, не было никакой одежды.

Женщины тоже не волновали Кондатэ. О женитьбе он думал всегда с ужасом.

— Говорю тебе, Конан, его душу съели магии, — повторил Гайон. — Мне доводилось видеть подобных людей...

— Только не надо его жалеть, — сказал Конан, неприятно кривясь в ухмылке.

— Я не жалею его... Я его понимаю. — Гайон встал. Было видно, что он принял решение. —

Пусть прилюдно признает, что отказывается от власти.

— Они не позволят, — пискнул Кондатэ.

— Кто? — спросил Конан.

— Фульгенций... и особенно — Тургонес, — пояснил Кондатэ. У него был жалкий вид.

— Оба сдохли! — радостно объявил Конан. Он обнял за плечи девушку. — Вот она лично, собственными прелестными ручками...

— Ой, не надо этих подробностей! — разволновался Кондатэ.

— Ты теперь свободен... брат, — сказал Гайон. — И я забираю наше графство. Оно мое по праву: я рожден в законном браке, и я старше тебя.

— И ты не убьешь меня? — спросил Кондатэ.

— Нет.

— Следи за ним, — предупредил Конан. — Мне не хотелось бы, спокойно выпивая в какой-нибудь таверне, где-нибудь на окраине Арго-са, вдруг узнать о том, что глупый граф Гайон из Дарантазия пал жертвой заговора...

— Этого не будет, — заверил Гайон. — Я слишком долго готовился к нынешнему дню. Я никому не позволю омрачить мое торжество. Ни сейчас, ни потом!

— А оранжерея? — прошептал Кондатэ.

Гайон расхохотался.

— Она останется твоей! И если твое искусство было не от магов, а от природы — ты будешь, как и прежде, истинным кудесником, властелином прекрасных растений.

Кхитаец грустно моргал, глядя на незнакомцев. Только сейчас, когда графу Кондатэ стали грозить смерть, изгнание, свержение с престола, — только в эти минуты кхитаец осознал, что он по-настоящему привязан к своему господину. Кондатэ был единственным из всех известных кхитайцу людей, кто умел истинно ценить прекрасное.

Конан сказал на его родном языке:

— Все в порядке.

Кхитаец моргнул еще раз и вдруг расплылся в улыбке.

* * *

— Вы верите графу Кондатэ? — спросил Конан у Гайона.

— Бывшему графу, — фыркнул Гайон. — Да, я ему верю. Его личность настолько слаба, что... — Он махнул рукой. — Я ожидал увидеть нечто иное. Я думал, мне предстоит борьба за престол, битва... Достойный соперник, в конце концов! А увидел полный разброд, слезы, депрессию. И так — повсюду.

— Здесь слишком долго действовала сильная магия, — сказал Конан. — Она лишила людей воли. Ничего удивительного. Твоя задача — вымести эту заразу, превратить Дарантазий в процветающий город. В веселый город!

— Первое, что я сделаю, — это открою таверну! — сказал граф. — Новую. Совершенно новую.

Назову ее — «Гордый Варвар». Попрошу моего брата украсить ее цветочными композициями. Посажу красавицу, чтобы разливала крепкие напитки. И буду брать полцены со всех странников...

— Великолепная мечта, — ухмыльнулся Конан. — Вы будете популярным правителем.

— Просто хочу, чтобы в Дарантазий приходило как можно больше народу. Мне нравится идея насчет ярмарки...

Гайон вздохнул, как будто имелась еще одна мысль, тайная мысль, которая его беспокоила. И он решил:

— Мне нужна жена. Неженатый правитель не может быть популярным. Я хотел, чтобы моей графиней стала Дертоса. Она красива, отважна... И очень мне нравится.

Девушка побледнела. Это стало бы венцом ее карьеры: из безродной бродяжки, которую подбирали на болотах, превратиться в правительницу, в достойную супругу человека благородной крови...

Конан с любопытством наблюдал за нею. Дертоса тихо произнесла:

— Мое почтение к господину Гайону велико... Но прежде чем ответить на его великодушное предложение, я хочу знать одно: жив ли Туризинд. Если он погиб, я... — Она опустила голову, помолчала немного, а затем встретила взглядом Гайона: — Я стану для вашей светлости доброй женой. Но если он жив...

Гайон грустно улыбнулся.

— Туризинд жив, и я не стану препятствовать тебе, Дертоса. Ты заслуживаешь истинного счастья... Да и я — тоже.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась девушка.

— Только одно: я хочу, чтобы жена любила меня. Только меня, меня одного. Чтобы она не приняла мое предложение только потому, что ее истинный возлюбленный погиб.

Он привлек Дертосу к себе и поцеловал в лоб.

— Будь счастлива, дорогая.

Дертоса разрыдалась, обнимая графа.

— И вы тоже... вы тоже! Будьте счастливы.

— Довольно рыдать, — с недовольным видом произнес Конан. — Что вы все, в самом деле! Баба на свете хватает, ваша милость, и нечего убиваться. К тому же наша Дертоса — тот еще перчик, и с жабами в родстве. Ну какая из жабы графиня?

— В самом деле, — вздохнула Дертоса.

Граф покачал головой:

— Впервые в жизни вижу такого человека, как ты, Конан.

Конан махнул рукой:

— И не увидите больше. Я такой один.

* * *

Когда впереди показалась река Алимана, что отделяет Зингару от Аквилонии и берет свои истоки в Рабирианских горах, Конан остановил коня.

Конек с раздвоенными копытами, повинуюсь Дертосе, также замер. В телеге под навесом закопошился Туризинд.

— Что случилось? — спросила Дертоса.

Туризинд высунулся наружу. Наемник был бледен, раны все еще беспокоили его, хотя Эндоваара сделал все что мог и даже применил магию друидов.

— В чем дело, Конан? — спросил Туризинд.

— Мы расстаемся, — объявил киммериец.

— Разве мы не вернемся в Аргос? — удивилась Дертоса. — Я полагала, что ты состоишь на службе?

— Ничего подобного, — фыркнул Конан. — Киммериец Конан ни у кого на службе не состоит. Мои деньги я уже получил... К тому же мое задание заключалось не только в том, чтобы уничтожить магов в Дарантазии, но и... — Он вздохнул. — Они хотели, чтобы я сдал вас. Обоих. Если бы вы оба не погибли при выполнении моего задания.

— То есть, ты... — Туризинд оборвал фразу.

— Вот именно, — Конан кивнул. — Я, конечно, согласился, потому как заплатили мне немало. Деньги ждут меня в Аквилонии. Таково было мое условие.

— Ловко придумано! — восхитился Туризинд.

— А ты не боишься, что власти Эброндума тебя обманут? — спросила Дертоса.

— Боюсь? Я? — Конан выглядел оскорбленным. — Если они меня обманут, то повод бояться

будет у них... Нет, денежки в Аквилонии, и я намерен забрать их. А вот сдавать вас на расправу властям Эброндума я не намерен. Вы мне нравитесь, ребята. Оба. Поэтому послушайте совет старого доброго дядюшки.

Тут молодой человек расхохотался, блестя зубами. Туризинд невольно улыбнулся в ответ, так заразительно было веселье Конана.

— Оставьте себе все, что подарил нам Гайон. Отправляйтесь в Зингару. Там можно неплохо устроиться. Мессантия — портовый город, пришлого люда — полным-полно. Да и работа всегда сыщется. Ну а если надоест... Если захотите помахать мечом, пострелять из лука или надуть какого-нибудь глупца — разыщите меня. Найдите меня, говорю вам, и Конан-варвар обеспечит вам какое-нибудь развеселое приключение!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

**КОНАН
И ДОЧЬ ДРУИДОВ**

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Андрей Мартынов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс» 190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит. А

conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Открытом акционерном обществе «Ордена Октябрьской
Революции, Ордена Трудового Красного Знамени
«Первая Образцовая типография».
115054, Москва, Валовая, 28

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ИННАРИ 74	КОНАН И ЖЕЛУЗЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И ПОБЕДИТЕЛЬ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИК МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВАДАКА ДЕСА 82	КОНАН И НАГРАДА НАБИИКА 83	КОНАН И АЕИОН ЛАРИ 84	КОНАН И ЦАЛЯ ВОЗМЕДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДАНЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН И ВОАУЯ БАШНЯ 90
КОНАН И КЛЕТКА ВАРВАРА 91	КОНАН И СОНЕТ МАТА 92	КОНАН И КОЛОДЦ ПАИТЕРА 93	КОНАН И АЕПЦА ДЕМУРИИ 94	КОНАН И ЯКОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАРНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАВ ТАЛСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОПРЕДЕЛЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОАЛУНЫ 99
КОНАН И ТРОН ХАНБОРИИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И МАЛОЗНАЮЩИЙ РОКА 102	КОНАН И ПАТОДА СЛА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ 104	КОНАН И АБЫИ СТИИИИ 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК 106	КОНАН И КАКИ АСУРИ 107	КОНАН И СУД БОГИНИ 108
КОНАН И ШИТ ВЕДАНИ 109	КОНАН И АНКИ АХЕРОНА 110	КОНАН И ОДНОУШЕИ ОСТРОВ 111	КОНАН И ДЕМОН СТЕПЕЙ 112	КОНАН И ЧАРОДЕН ЮЛА 113	КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ 114	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО 115	КОНАН И ГАЗ ПАУКА 116	КОНАН И ЦЕПЬ ОБОРОТНИ 117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ 118	КОНАН И РЕКА ЗАБВЕНИЯ 119	КОНАН И ДОМИНА ДИКАРЕИ 120	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРЕИРАЖЕИ 121	КОНАН И ОРАКУЛ СМЕРТИ 122	КОНАН И СЛЕПЫЙ ЖРЕЦ 123	КОНАН И ПУДАНТОВ ОБЛАТАНУРА 124	КОНАН И МОРОК ЧАЩИ 125	КОНАН И КРУГ ВРЕМЕНИ 126
КОНАН И ДОЛЬ ДРУИДОВ 127								

ISBN 5-17-039221-4

9 785170 392216

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС